

Галина Черная Джинния

://www.fenzin.org

«Джинния»: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»; М.; 2006

ISBN 5-93556-689-3

Аннотация

На что только не наткнешься во время раскопок древнего городища в дельте Волги... К примеру, студентке Аглае Морозовой особенно повезло — волей смешливой судьбы выпустила она в наш мир настоящую джиннию из самого мифического Ирема! А поскольку деятельная джинния Акиса провела в вынужденном заключении более семисот лет, то на радостях пообещала выполнить самое сокровенное желание современной девушки. И все было бы хорошо, попроси Аглая... ну хоть домашнего енота для помощи в стирке... Но поздно! Ибо необдуманное слово сказано — и верная Акиса ищет для своей подруги и госпожи самого лучшего мужа на свете! А как известно, джинны всегда держат слово, честно и без подвоха... или почти без подвоха... почти...

Галина Черная Джинния

Глава первая, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ

Все началось с золотого коня, вернее, с его поисков у села Селитренное. Названьице то еще, видимо, производное от субстанции, на которой местные выращивают «самые ранние» арбузы. Мы тогда две недели на солнцепеке раскапывали фундамент очередного зернохранилища или сарая, куда простой житель золотоордынского городища некогда сваливал всякий хлам типа дырявых кумганов и ковшей без ручки. Мы — это студенты истфака, первый курс, проходим тут полевую практику, раскапываем неизвестный древний город с непонятным названием, но пока явно не Сарай-Бату выкапывается, а что-то помельче и поскромнее.

Меня зовут Аглая Морозова, и хоть заниматься собственно раскопками мне пока не дают, я выполняю работу не менее важную и ответственную — очищаю добытые обломки

ножей, ювелирных изделий, наконечники стрел и медные монеты (последние лучше замачивать на ночь в керосине). Но скоро меня обещают допустить непосредственно к копанию, что приятно греет душу. Нет, не факт обладания совковой лопатой, разумеется, а возможность найти... клад! Ну вот я его и нашла... почти...

Утро, когда все это началось, было утром совершенно обычного дня, такого же, как все рядовые будни. Но лучше по порядку. После молочной каши и жидкого чая, подаваемых в палатке-столовой, все, как и положено, отправились отнимать у недр то, чем последние, как всегда, не особенно собирались делиться. Работали долго, солнце уже вылезло в зенит, а я только-только отчистила одну уж очень закопченную медную чашу с покусанными краями. Старшекурсницы с ребятами копали в прохладной яме, уже метра на три в глубину врылись, эгоисты... А мне приходилось сидеть на самом солнцепеке, тент из брезента только концентрировал под ним горячий пыльный воздух. Но это так, мысли вслух, я не жалуюсь...

— О чем размышлялась, муха сонная? На, получи, очередной кувшин и верительная табличка — ценная находка, между прочим... Кстати, сам лично выкопал! Чисть давай, хватит прохлаждаться, — повелительно проорал прямо над ухом наш староста Вася Климов. Он небрежно сбросил находки и, даже не удостоив меня взглядом, кривляющейся походкой отправился в поселок. Наверняка за самогонкой... И как только мы выбрали его в начальники?! Хотя, помнится, особого желания занять это место никто больше и не выражал...

Осторожно поставив, на газету медный кумган (тот же Вася постоянно называет их кувшинами), я взяла в руки толстенькую потемневшую пластинку и благоговейно провела ладонью по ее поверхности. Больше похоже на пайдзу, такие выдавал русским князьям всесильный Батый. Тяжела-я-а... Потом протерла ее тряпочкой, смоченной в специальном растворе, и отдельные островки заблестели, вспыхнув ярко-желтым светом. Да она же золотая!

Вот тут все и началось... В смысле самое интересное...

— Ай-яй, неужели явился мой благословенный избавитель?! Слава Аллаху!!! Наконец-то! — раздался звонкий женский голос — Только быстренько соберу вещи, подведу ресницы и через мгновение предстану пред твоими ясными очами, о мой новый повелитель!

Признаюсь, я немного удивилась и даже чуточку испугалась, когда, обернувшись, не увидела никого за спиной, сбоку и вообще. То есть в пределах такой громкой слышимости никого не было. Хотя голос отчетливо слышала. Но, подчиняясь здравому смыслу, я быстренько убедила себя, что ничего и не было, сразу почувствовав нескрываемое облегчение. Работа продолжалась под бодрое мурлыканье «Вот оно, какое наше лето... » до тех пор, пока не стало возможным прочитать надпись на пайдзе... вот только если бы, конечно, я умела читать по-арабски. Так, в неторопливой чистке, прошло, наверно, не меньше получаса, как вдруг снова раздался тот же голос:

— Прости, о мой великодушный господин, твоя покорная рабыня немного задержалась, нужно было все уложить, ведь, когда находишься в заточении семь столетий, успевает скопиться столько...

Я подняла глаза — передо мной стояла странно одетая девушка с большой шелковой котомкой, она улыбалась, кокетливо поправляя уложенные в замысловатую прическу волосы. На первый взгляд — лет девятнадцати — двадцати, круглолицая, восточного типа и явно злоупотребляющая косметикой. Одета как в кино: стянутые у лодыжек голубые полупрозрачные шальвары, роскошная парчовая жилетка, вся в блестящих камушках и бисере, и компактная веселенькая чалма чуть набекрень. Откуда пришла — непонятно, словно возникла из воздуха. А еще мне на секунду показалось, что я видела маленькую воронку из пыли у нее под ногами, которая тут же исчезла...

Мы внимательно разглядывали друг друга, пока девушка, сообразив, что за моей спиной никого больше нет, не перестала улыбаться. Ее разочарованный взгляд остановился на пайдзе, которую я судорожно сжимала в руке, обалдело уставившись на прищельцу.

— Ты кто такая? — строго поинтересовалась она, сдвинув брови и высокомерно задрав

нос.

— Что значит — кто такая? — не поняла я.

— Ай я не верю, что это ты нашла мою золотую басму...

— В смысле вот это?.. Ах да, ее еще и так называли... точно, басма!

— ... семь веков назад я была приговорена к заточению в пещеру-одиночку недостойнейшим из людей, хитрым обманщиком и могущественным чародеем, да пожрут муравьи его печень! — трагично продекламировала незнакомка и спокойно добавила: — Яман-баба его звали, не слыхала? Ну и ладно. Так скажи, кто нашел мою табличку?

— Гм... вообще-то это Вася. Кстати, я тоже вполне могла ее найти. Если бы мне только дали вести раскопки...

— Вася-а-а, — скривив губы, медленно произнесла она, не слушая меня. — Вася, Вася, Вася... как-то не так звучит, недостаточно благородно!

— Да ну... обычное имя, Вася, Василий, — начала я чуть-чуть раздражаться. — А вы, собственно, кто? Возникли из...

— Ты сказала базилей? Царь или вождь племени! Вах, совсем другое дело! Ну конечно, милостивый Аллах не мог послать ко мне, одно время служившей самому великому Ибн Сине, менее знатного избавителя. А то, что ты, потеряв мою басму, вызвала меня, забудь! Это ровным счетом ничего не значит! Не ведавший ни о чем мой новый повелитель, разумеется, сам не чистит золото, а поручает это своим служанкам.

— Спасибо, хоть рабыней не назвали, — проворчала я. — Кстати, если уж переходить на «ты», то, по-моему, подруга, ты просто ненормальная! Нормальные люди из воздуха не появляются...

Честно, я все это время боролась с внутренним голосом, твердившим, что эта амбициозная прищелица не более чем галлюцинация, вызванная перегревом и монотонностью труда. Причем галлюцинация трехмерная, объемная и озвученная, как профессиональная компьютерная графика. Правда, доселе в нашем отряде такого не было, но это мелочь...

— Я могущественная джинния, созданная из бездымного огня, а имя мне Акиса!

— Киса?! — не удержалась я. Кто-то сказал, что, если над галлюцинациями подшучивать, они исчезают быстрее...

— Акиса! Так меня назвали в честь матери моего отца. Но к чему тратить время на разговоры со служанками, рабынями, простолюдинками, да кто бы ты там ни была вообще... Мой долг велит поскорее найти моего благородного господина и повелителя!

— А зачем его искать, вон он идет, — едва не подавившись услышанным, буркнула я.

На пригорочек поднимался пьяный вникакую Вася. Шатаясь, спотыкаясь и матюкаясь, он зигзагообразными движениями наконец подошел к нам. Джинния, как она себя назвала, немного застопорилась и оторопела, вытаращив глаза на столь редкий экземпляр «базилея», но уже в следующее мгновение порхнула ему навстречу, изощряясь в велеречивости:

— О господин мой, услада моих очей и моего сердца! Твоя покорная рабыня явилась пред тобой и полна желаний исполнять любые приказания моего сиятельного властелина. Однако прежде позволь сказать тебе то, чего я никак не могу утаить в своем сердце: у меня никогда еще не было столь прекрасного господина! Глаза твои — как два сияющих сапфира, чело словно из белоснежного каррарского мрамора, кудри твои из красного дерева, хранимого в Сулеймановых сокровищницах, твой...

— Ще-во? Хи-хи... Аглая, че э-т-той местной от меня надоть?! — невольно отступил наш староста.

— Служить тебе, о мой повелитель! — Сложив ладони, джинния низко поклонилась пьяному Васе (я едва не лопалась от прорывавшегося из меня хохота). — Исполнять все до единого твои желания, о великолепный, дабы облегчить нелегкий труд правителя и помочь тебе преумножить богатства и славу! Для меня нет невозможного, о сладкий, то есть славный мой господин...

— Э... гм, исче одна... щчокнутая, да? Эт шчто, твоя сестра? — «удачно пошутил» Вася,

ухмыляясь и кивая на джиннию. По-моему, с киванием наш начальничек перестарался, так как потерял равновесие и начал заваливаться прямо на девушку.

— Нет, она явно к тебе заявила, — ответила я, с интересом наблюдая, как моя новая знакомая заботливо ловит Васю, которого, похоже, совсем развезло (ну как можно пить самогон в такую жару!). На ее лице читалась готовность к немалым жертвам, но, видимо, все-таки не к таким... Ничего удивительного, у меня, например, за два метра голова кружилась от Васиного перегара.

Но иллюзии джиннии относительно «господина» развеялись окончательно, только когда тот, с трудом и не без ее же помощи вернувшись в вертикальное положение, громко обозвал несчастную «приставучей калмыцкой метелкой»! Повернувшись, грубиян поплелся в лагерь, прежде забрав у меня отчищенную пайдзу, за которой и приходил. Узнав, что она и вправду золотая, «как он и утверждал», Вася почти отрезвел от радости и, спотыкаясь, побежал хвастаться, тем более что такую ценную находку надо было сдавать под запись в отделение милиции в тот же день.

Девушка проводила его разочарованно-расстроенным взглядом, но уже через пару секунд выразительно уставилась на меня, не оставляя никаких сомнений в том, кого она выбрала новой жертвой. Я попыталась демонстративно отвернуться, сделав вид, будто решаю, за что взяться сначала: за дырявый медный сосуд, очень напоминающий ночной горшок, или за якобы серебряную ложку. Стоит лишь убрать с нее эту грязь, и наверняка... Хм... кажется, она все-таки алюминиевая, что подтверждает надпись «АЛС ц. 25 к. » ... М-да, не тот период эпохи, бывает...

— Как бы то ни было, но это ты освободила меня, потеряв и даже отдраив до блеска мою басму. Поэтому, так и быть, я исполню два твоих желания, о счастливая, — с мрачным видом благодетельницы громко объявила девица. Причем снисходительно скрестив руки на груди, а не сложив ладошки и не кланяясь как совсем недавно перед Васей. Понимаю, в чем-то мне до него далеко, но все равно как-то обидно...

— Два желания? А ему ты обещала исполнить все, почему же мне только два? Почему? И даже не три, ведь это некий стандарт, принятый среди джиннов. Правда, я сужу по художественной литературе и кинематографу, но они врать не станут, — справедливо заметила я, но моя «благодетельница», судя по ее отстраненно-равнодушному взгляду, меня не слышала. Пришлось повторить.

Джинния криво улыбнулась и показала два пальца: дальнейшие споры не имели смысла. Хотя, смилостивившись, тут же добавила:

— Когда-то действительно так было, но те времена давно минули... На совете джиннов еще тысячу лет назад было принято решение не растрачивать время и магию на людей попусту и исполнять только одно желание. Второе я от щедрости прибавила сама, о жадная до пустых разговоров! Желай побыстрее...

— Ладно, ладно, сейчас придумаю что-нибудь. — Я почесала нос, соображая.

Скептицизм ко мне вернулся быстро — не может она быть настоящей джиннией, откуда? Не в сказке же мы находимся из серии «Тысяча и одна бессонная ночь с неугомонной дочерью визиря»! С другой стороны, фэнтези глубоко шагнуло в жизнь современного человека, поэтому на всякий случай запросы следует формулировать четко.

— Знаешь, а сделай так, чтобы я сейчас копала вместе с ребятами и... нашла самое ценное из того, что там осталось! (Мм, лучше бы загадала найти золотого коня...)

— Слушаю и повинуюсь! — насмешливо блеснув очами, кивнула джинния.

— Нет-нет, я хотела сказать...

Поздно... В то же мгновение я очутилась на дне раскопа перед изумленными старшекурсниками, съехав по чьей-то спине и отдавив любимую мозоль на ноге ни в чем не повинного парня. В руках у меня оказалась лопата, и все почему-то поспешили разойтись в стороны, насколько позволяла площадь ямы. Мне разрешили копать!

О-оу, так я действительно встретила джиннию, настоящую! Блеск! Хотя, можно подумать, до этого мне то и дело попадались искусственные женщины-джинны. Эх, ну и

развернусь я с двумя следующими желаниями... Тьфу, с одним желанием, она же предупреждала. Вот только выкопаю сейчас что-нибудь эдакое! Сейчас... скоро... ага...

— Эй, ты хоть лопатой так не махай, убьешь, — скромно попросил меня один четверокурсник (кажется, это я ему мозоль отдала), после того как в третий раз въехала ему черенком в поясницу. Но мой трудовой энтузиазм казался воистину фантастическим...

Мной словно что-то управляло, и я так рьяно вгрызалась в землю, что никто даже и не задал глупого вопроса, откуда я свалилась и с чего это нагло занимаюсь не своим делом.

Глава вторая, ИНТРИГУЮЩАЯ

На закате, жутко устав от непривычной и тяжелой работы, когда все остальные уже давно разошлись, покрутив пальцами у виска, я наконец наткнулась на какую-то дурацкую крышку от котла. Осознав, что непонятная сила не заставляет меня больше копать, я облегченно вздохнула, без сил опустившись на влажную землю, и окончательно поняла, что первое желание исполнено! В смысле вот оно, самое «ценное», что можно было выкопать в этом месте! Крышка от котла — ничего лучше тут уже нет и не будет...

Блин, ну ведь сама же виновата, да? Стоит ли теперь волосы рвать, если по жизни, судя по психологическим книжкам, мы почти всегда неправильно формулируем желания или загадываем совсем не то, что на самом деле хотели.

Я выкарабкалась из ямы наверх едва ли не по-пластунски, и почти сразу же появилась та самая джинния, теперь уже в золотистых шальварах. Видимо, у нее богатый гардероб. Фасон, кстати, классный — полупрозрачные, с люрексом — мечта времен индийского кино! О чем это я?! Водички бы...

— О дева, краснотой лица подобная отходящему ко сну солнцу! Как тебе понравилось твое первое желание, исполненное мной в самом лучшем виде? — самодовольно поинтересовалась моя новая знакомая, любуясь на себя в карманное зеркальце — похоже, она наложила на веки вечерние тени с блестками.

— По-моему, основное его исполнение легло на мои плечи, — хмуро отозвалась я, стараясь не шевелиться, — спина болела так, словно по ней прошла танковая колонна с последующим кавалерийским корпусом...

— Произнеси же свое второе желание, о усталая до ломоты в пояснице, я выполню его, и мы расстанемся с миром! — любезно предложила Акиса, поправляя на высокой груди ожерелье из монет.

С легкой завистью оценив ее бюст, я решительно возразила:

— Сейчас мне не думается над новым пожеланием. Состояние не то, да и настроение... Как говорят бюрократы, приходите завтра. — Я широко зевнула и осторожно попыталась встать на четвереньки. Когда с третьей попытки мне это удалось, я так и пошла прочь от раскопа, демонстративно игнорируя удивленно-возмущенное пыхтение джиннии, и даже позволила себе один раз торжествующе хихикнуть...

Добравшись до палатки, я упала на свою жесткую постель и заснула как убитая, по крайней мере как тяжело раненная, которой впрыснули изрядную дозу морфина. Но, несмотря на то что отключилась практически сразу, я успела заметить (или мне померещилось?) клуб черного дыма перед оставшейся открытой палаткой. Вроде бы даже подумала: какой это идиот жарит шашлык, используя вместо дров автомобильные покрышки?! Потом навалился сон...

Утром, проснувшись от боли во всех мышцах сразу, я выбралась наружу в надежде увидеть Акису, совершающую в ожидании моего пробуждения короткие пробежки по степи вокруг лагеря. Шутка, ее нигде не было...

Наши уже ушли на работу. Отлично, еще раз переберу все свои желания, включая тайные и запретные (вроде съемок с Томом Крузом в Голливуде!), и остановлюсь в результате на самом главном. В смысле на завтраке... Так что же выбрать из остатков

роскошного завтрака, ждущих меня на общей кухне, — холодный омлет или горячую пшенку? А может...

Джинния заявила, когда я, дожевав скромный бутерброд с плавленым сыром, начищала очередной кумган.

— Долгих лет твоим домашним любимцам, о заботливая! — поприветствовала меня она (хотя хомячков я ненавижу с детства!) и воскликнула: — Ай-яй, в таком же точно кувшине жил брат отца моей матери!

— У вас что, нет понятия двоюродный дедушка? — проворчала я и, соизволив проявить вежливость, добавила: — Надеюсь, он сейчас в добром здравии?

— Увы, нет, о добросердечная... На его кувшин наступил мул и почти раздавил моего несчастного родственника, так что второму сыну третьей дочери его отца пришлось срочно лететь за целебной водой чудесного озера Зем-зем. Только эта водичка его и спасла, и с тех пор он живет на побережье, обогащая лекарей, — охотно поделилась Акиса. Ее вчерашняя холодность и высокомерие сменились на добродушие и снисходительность. Приятно видеть явный прогресс! — Я пришла исполнить твое второе желание, о долго думающая, говори же скорей, — душевно попросила джинния. — А то мне уже очень хочется заняться и своими делами. Навестить родственников, посмотреть мир, подумать об устройстве личной жизни... О милостивый Аллах, сколько времени я потеряла, сидя в заточении!

— Вах, — в сострадательном восточном тоне поддержала я. — Но, кстати, отличная мысль — мне тоже нужно устроить личную жизнь! Найти самого достойного парня, с которым и жизнь прожить было бы приятно и подругам показать не стыдно!

— Э-э, ты уверена?!

— Абсолютно! — твердо заявила я, смущенно подумав: хорошо, что не успела высказать желание, на котором остановилась ранее, — получить домашнего енота.

— Это и есть твое второе, и последнее, желание? — без особой радости в голосе продолжала джинния, задумчиво поджав губки.

— Истинно так! То есть да. Да-да-да!

— Слушай, как-то хлопотно это. Пожелай что-нибудь другое, а?

— Нет уж, хочу престижного жениха, и точка!

— Ладно, зачем кричать, я не глухая, о чрезмерно требовательная дева. Может, возьмешь большой дворец с пятьюстами невольниками или тысячу верблюдов с бесценным товаром, шелками и пряностями?

— Не-а, хочу жениха, — упрямо твердила я голосом Марфушеньки. Интересное контрпредложение джиннии окончательно убедило меня в том, что на сей раз с желанием я не прогадала.

— И каким же его хотят видеть твои ясные очи, о наверняка разборчивая дева? — язвительным тоном поинтересовалась исполнительница желаний, прожигая меня взглядом рубиново-карих глаз. А уж косметики она использовала-а, впрочем, об этом я говорила....

— Ну, не будем излишне привередничать, достаточно того, чтобы он был красивым, умным, добрым, порядочным, честным, а также неординарным, чем-то выделялся из серой толпы мужчин-обывателей. Материально обеспеченным, без проблем и мужских комплексов, с чувством юмора, спортивной фигурой и безупречным вкусом. Так, что я упустила? Ах да, чувственным и обязательно страстным...

— Страстным?! Ты что, хочешь, чтобы он зарезал тебя самым большим кинжалом, не выдержав мук ревности к каждому прохожему, или благосклонности родственников, или встречи с подругой детства, или ласк любимого кота, или...

— С какой стати уж такие-то кошмары?! У нас что, разные понятия о страстности... Ладно, тогда... э-э... только чувственным?

— Это совсем другое, — милостиво кивнула Акиса. — Ну хорошо, душа моя! Клянусь Аллахом, такое совершенство нам придется поискать... Только сразу тебе говорю: если ты хотела, чтобы он жил поближе, увы... В вашем великом городе, — она махнула рукой в сторону поселка, — подходящего господина нет, я уже проверила.

— Абсолютно согласна, я тоже успела присмотреться. Правда, это не город, — заметила я, пряча улыбку. — Это поселок, маленький и даже не городского типа.

— Это не город?! Но, благороднорожденная моя, я насчитала здесь едва ли не три сотни домов!

— Ха!

— Неужели...

— Ха! — гордо повторила я. — В настоящем городе, в МОЕМ городе, одних жителей почти полмиллиона! Ну, допустим, половина из них мужчины, еще одна половина подходящего возраста. В общем, я думаю, выбор есть...

— Тогда мы сегодня же отправляемся в твой большой город! Не медли, о пока еще прекрасная ликом, надо действовать, доколе не отцвели персики на твоих щеках, а времени не так много осталось, ибо людской иск краток... Найти жениха никогда не поздно (для джиннии нет невозможного в сотворенном мире!), но чем раньше, тем лучше, не так ли? — серьезно умозаклучила Акиса, как-то скептически меня оглядев, ее взгляд не внушал особого оптимизма. Черт, похоже, она внаглую намекает на то, что тут кое-кто заневестился...

Вообще-то с тех пор как окончила школу, я была вполне довольна своей внешностью — она устраивала меня без оговорок, возраст у меня по современным меркам отнюдь не критический. То есть самый что ни на есть подходящий для поиска «своего» мужчины!

— Мне, кстати, еще только двадцать два, — проворчала я.

— Аи, дорогая, люди так быстро старятся и так недолго живут, что все же лучше поторопиться.

— Ясно, только у нас еще неделя полевой практики. Кто меня отпустит?

Как видите, я ограничилась тонким намеком, пусть сама догадается «кто», а то еще заявит, что это и было второе исполненное ею желание и мы в расчете...

Но джинния только рассеянно кивнула, дескать, никаких проблем, завтра устроим. Сегодня ей надо быть в родном Иреме, городе джиннов, заняться семейными делами, навестить многочисленных тетюшек, с которыми не виделась семьсот лет, а вернувшись, разобрать вещи и подарки. Оказывается, у них на Востоке так принято: стоит любимой племяннице заглянуть раз в семьсот лет, как тетки тут же расщедриваются на всевозможные подарки. Короче, не дам ли я ей на денечек выходной, э?

Итак, наше отбытие перенеслось на утро. Было решено остановиться у меня, родители все равно на даче как минимум еще неделю, а дома только бабушка. Тоже весьма своеобразная старушка, но договориться можно...

Глава третья, ЗАКЛИНАЮЩАЯ

А перед завтраком была линейка на которой мучимый похмельем Вася произнес блестящую, учитывая его состояние, речь:

— Друзья мои, я собрал вас здесь, задерживая процесс поедания каши, чем рискую навлечь на себя всеобщий гнев и негодование, чтобы объявить печальную новость. Наш незаменимый товарищ и добрая, всегда готовая бескорыстно прийти на помощь подруга досрочно покидает сплоченные ряды «серых гробокопателей», как справедливо решили мы себя называть (ибо, несмотря на наше легальное здесь положение, не все найденное мы передаем куда надо, проще сказать, оставляем себе то, что не представляет серьезной ценности для милиции и государства). Так вот, все вы знаете, с каким упорством и терпением Аглая избавляла от многослойной коросты монеты, в которых никто, кроме нее, не мог распознать денежное средство, с любовью замачивая их в керосине и неизменно добиваясь блестящего результата! За свои достижения на тяжком поприще, не побоюсь употребить громкое слово, реставратора она и награждается недельным отпуском, который, к моему большому сожалению, продлится до окончания нашей полевой практики. Нам без

тебя будет трудно, дорогой товарищ, но, объединив все силы, мы постараемся справиться! — с суровой решимостью в лице и голосе закончил староста и, схватив мою руку, сердечно ее потряс.

М-да, странные формы принимает человеческая речь под влиянием джинных чар. Все были потрясены... Не моим неожиданным отпуском, а тем, что Вася сумел правильно построить фразу, состоящую больше чем из пяти слов, без мата.

Свои нехитрые вещицы я собрала заранее, так что, закинув спортивную сумку на плечо, поспешила попрощаться с девчонками. Невидимая для всех джиния (и слава богу, а то сегодня она надела шальвары еще экзотичней обычного, газовые, ядовито-персикового цвета!) направила мои стопы в сторону автобусной остановки.

— Вот ведь везучая дура, — донеслось вслед. Две мои сокурсницы, Лера и Вера, сквозь зубы обсуждали последние новости.

— И как она этого добилась? — язвительно прошипела Верка. У нее всегда был склочный характер. Впрочем, подружку она себе выбрала еще хлеще...

— Да уж ясно, каким способом добиваются такого фавора у старосты... Он аж с раннего утра в село бегал, звонил папаше своему, начальнику лагеря, уверял, что Глашка полностью отработала практику. На-ту-рой... — раздельно произнесла Лера, злорадно улыбнувшись, когда я обернулась. Оставалось только плюнуть, каждый рот не заткнешь.

Джиния почему-то сочла иначе. Она в мгновение ока пришла в состояние самого неуправляемого бешенства, прямым текстом заявив:

— Пусть муравьи пожрут твою печень, пусть осы искусают твой нечестивый язык, о мерзкая и зловредная, поганая и гнусная, нечестивая сплетница, худшая из дочерей Адама! Ты получишь сполна за то, что оболгала мою целомудренную госпожу!

Вот такое классическое восточное проклятие. А то, что произошло следом... Мама дорогая!!!

Откуда ни возьмись налетел большущий рой ос или пчел и набросился на несчастную Леру с яростью крошечных крылатых берсерков. Причем полосатые садисты жалили исключительно язык, отчего несчастная, поначалу громко и истерично завопив, быстро закрыла рот и для большей надежности зажала его ладонями.

А тут подоспели и муравьи, пара секунд — и они уже поползли по Леркиным голым ногам, небольшими диверсионными отрядами стремительно исчезая под одеждой. Помочь покусанной никто не мог, все кинулись врассыпную, спасая исключительно свои шкуры, пока кто-то не проорал, что насекомые ни на кого, кроме этой дуры, не претендуют. Если только не пытаться мешать им в выполнении столь ответственного задания...

— Эй, нам пора, о любопытная, — потянула меня за руку практичная Акиса. — Пока они не догадались воззвать к ответу тебя. Идем же, а то опоздаем на большую арбу с четырьмя колесами по кличке «автобус», неторопливейшая из всех задумчивых девиц!

— А почему это они должны воззвать к ответу меня? Я и близко к ней не подхожу... — Мой голос осекся, так как весь отряд, отбежав на безопасное расстояние, уставился на меня самым подозрительным образом.

— Люди недалеко и недогадливы, моя отважная госпожа, перебирай ногами побыстрее, а?!

Недогадливы?! Да все уже давно все поняли и сделали соответствующие выводы, не хватало только последнего завершающего фактора. За ним дело не стало...

— Это не я! — зачем-то пискнула я и побежала. Джиния тащила меня за руку, причем ее-то, как вы понимаете, видно не было, а я неслась со всех ног в оригинальной позе парного фигурного катания.

Злобная Лерка, в которой чувство мести возобладало над инстинктом самосохранения, рискуя языком, вы крикнула:

— Эфо Глафка! Тофно она, раф уфегает! Фадерфите ее, фтерву!

Конечно, побег означал признание... Сделай я удивленные глаза и сострадательно заяви, что в Лерином положении любой мог бы временно тронуться рассудком, а потом со

змеиной улыбкой убедить всех, что это лечится, — я бы сняла с себя все нелепые подозрения. Но... моей «помощнице» было наплевать на правила хорошего тона, она рвалась покататься на районном автобусе, и поэтому мы все же удрали. Кстати, догонять нас почему-то не стали... Может быть, всерьез поверили, что я могу насыпать муравьев и ос?

Даже не зная места моего проживания в городе (почтовый адрес для нее роли не играл), «всемогущая джинния» легко могла бы перенести нас туда одним колдовским усилием. Но, как я уже говорила, поездка на четырехколесном транспортном средстве оказалась для Акисы слишком большим искушением. В каких-то вопросах она была сущим ребенком...

Остановка располагалась прямо в чистом поле, у шоссе, под облупившимся столбиком с расписанием движения автобуса, и, постояв минуты две на одном месте, моя спутница возмущенно поинтересовалась, когда же придет обещанная самоходная арба. Джинния была не такой темной, чтобы принимать все технические нововведения последних семисот лет исключительно за магию и происки колдунов. Она гордо сообщила, что мудрым джиннам лучше, чем людям, известно, что такое «важные изо-бре-те-ни-я»!

— Тогда наберись терпения, придется ждать, сто двенадцатый редко следует расписанию. Наоборот, если он пришел вовремя, значит, что-то случилось, так что пока не о чем волноваться, — пошутила я, но в ответ представительница мира духов только недовольно фыркнула.

— Ай, у меня нет больше терпения ждать, держись за мой рукав, о улыбчивая, придется самим отправляться на его поиски.

Полет с джиннией оказался похож на маленький смерч, который подхватил и закрутил меня, временно лишив всякого обзора. Я только взвизгнула от смешанного чувства восторга и страха, почувствовав, как теряю родную землю под ногами. Но тут же снова ее обрела, так что всерьез испугаться не успела. Через какую-то пару мгновений мы оказались стоящими у дороги, послышался рев мотора, и из-за поворота, громяхая на колдобинах, выплыл наш сто двенадцатый. Думаю, по расписанию он опоздал бы где-то на полчаса...

Знаете, немного странно, но, несмотря на все удивительные события, произошедшие со мной за последние два дня, я ни разу не задалась мыслью: а не схожу ли я с ума? Галлюцинации не в счет — под нашим солнцем они возникают у каждого второго с завидной периодичностью. Возможно, это потому, что «уже»? Или «не с чего сходить»? А может быть, просто затянулось детское увлечение сказками? Чему и разумный скептицизм, кстати, абсолютно не мешал! Вот такая я противоречивая особа...

— Это был незабываемый полет, но в следующий раз я лучше пойду пешком! — заключила я, усилием воли пытаясь сдержать подкатившую к горлу тошноту.

— Ну и слава Аллаху, ты мне только руки оттягивала, не хватало еще, чтобы они у меня стали длинными, как у обезьяны, — буркнула Акиса и, не удержавшись, похвасталась: — А я сама летаю семнадцатью разными способами! В том числе в волшебном сундуке, на коврик для ног и просто в одном банном полотенце...

— Круто, — признала я. С ее гитараобразной фигурой и впечатляющим бюстом такая перелетная эротика должна была иметь успех...

— Не разевай рта, о впечатлительная! Маши возчику, пусть остановит арбу, я становлюсь видимой. У меня брови не размазались, э?

Поездкой на автобусе джинния осталась довольна. Потому что всю дорогу парила в паре сантиметров над сиденьем, наслаждаясь из окна видом голой пустыни, которой добавляли живописности лишь редкие кустики верблюжьей колючки. А меня, как и прочих не интересующихся видами пассажиров, только подбрасывало, трясло и подташнивало все три часа пути ли города...

— Ай-ай, до чего знакомые места, за семьсот лет совсем не изменились, — умилялась Акиса, кивая на безжизненные глинистые всхолмья. Потом она вдруг заинтересовалась, сколько раз в день ходит этот автобус. Я приблизительно подсчитала.

— Э, тогда возница такой большой повозки, проходящей столько караванных путей в день, без сомнения, имеет хороший доход. Он — завидный жених!

— Ничуть в этом не сомневаюсь, — громко произнесла я голосом, полным скепсиса и раздражения. — Но у меня такое чувство, что ты хочешь поскорее сплавить меня с рук. А я не хочу выходить замуж за первого попавшегося водителя автобуса!

— Между пр-чим, я тоже не г-рю желанием на т-бе жениться, — не совсем трезво раздалось из-за водительской перегородки. Я жутко покраснела и всю оставшуюся часть пути молчала как аквариумная рыбка...

До родного царства пятиэтажных хрущевек, где правда, в последнее время начали расти элитные многоэтажки, мы добрались только к обеду. На фоне новостроя наш дом, покрытый давно выцветшей зеленой краской, выглядел более чем скромно. Однако джинния заметила, что «дворец» у меня не эмирский, но уютный. Не скрою, насчет уюта было приятно услышать, пока я не осознала, что она это сказала еще до того, как вошла в подъезд. После чего сразу увидела, что это не дворец. Ну там запах, росписи на стенах, мусор всякий, сами понимаете...

Дверь открыла моя бабушка, матерая пожилая женщина с подозрительным взглядом и вечно зажатой в зубах дымящей трубкой, которую курила в память о четвертом муже, капитане дальнего плавания. Бабуля была живой иллюстрацией к песне Гарика Сукачева «Моя бабушка курит трубку».

— Привет, бабуля! Все, практика у меня закончилась, я с концами домой. А это моя подруга Акиса...

— Киса?

— Акиса! Она... мм... из Казахстана. Ее общежитие на ремонте, можно, пока она поживет у нас, ладно? — Широко улыбаясь, я попыталась поскорей проскользнуть в свою комнату, толкая джиннию вперед. Однако она задержалась, скрестив руки на груди, и низко поклонилась моей бабушке.

— Что это с ней, дорогая моя? — прогрохотала бабуля низким баритоном или высоким басом (люди обычно путаются в определении), вынув трубку изо рта. — Я не королева английская. Пусть живет, сколько хочет. Твои родители, Глаша, кажется, до конца лета собрались на даче на дырявом матрасе спать.

— Отлично, — не переставая улыбаться, кивнула я и припустила за Акисой, отправившейся исследовать дом. А надо сказать, вела она себя с милой кошачьей непосредственностью, то есть любопытствуя везде до беспредела! Дернула слив в туалете, лизнула воду из под крана в ванной, зачем-то сунула палец в шампунь, поковыряла ногтем линолеум и по-матерински чмокнула в экран телевизор. На кухне она пустила газ из четырех конфорок подряд, духовки, сунула голову в микроволновку, одновременно нажимая на все кнопки, и успокоилась только тогда, когда удовлетворенно сочла, что у нас достаточный запас пряностей.

— Хм, похоже, девочка всю жизнь провела в юрте с примусом и туалетом на другом конце аула... — с сочувствием в голосе резюмировала бабуля. Некоторое время отстраненным взглядом она понаблюдала за Действиями джиннии, упоенно прыгающей вокруг швейной машинки, и отправилась смотреть любимый сериал «Ментовские войны». Моя бабушка не похожа на типичных старушек, милых пенсионерок в пестрых платочках, единственным оставшимся зубом перетирающих косточки соседям на скамейке во дворе. Моя была общепризнанной на весь квартал генеральшей! Но я люблю ее такую, какая она есть, а если бы не любила, она бы нашла для меня способ заставить себя полюбить...

Наконец джинния передела газовые шальвары на домашние муслиновые, и мы сели обедать, а остаток дня провели бесцельно за поеданием чипсов и просмотром любимых мелодрам. Акиса быстро оценила возможности телевидения и тоже увлеклась перипетиями судеб главных героинь, в начале фильма безрадостно прозябавших без любви, но неизменно обретавших женское счастье в конце. Поэтому начало устройства *моего* женского или девичьего счастья снова было перенесено на завтра, что у меня, не жаждущей сегодня надолго отрываться от дивана, вызвало лишь тихую радость.

Глава четвертая, ЗАПУГИВАТЕЛЬНАЯ

Я как раз переставляла кассету, заменяя восхитительный «Служебный роман» на «Девчат», временно переключившись на какой-то канал. Джинния сидела на ковре, поджав под себя ноги (восточная привычка), и щелкала соленые семечки.

— Тыквенные и арбузные лучше... О пророк! Это же сам Яман-баба!!! — вдруг вскричала она, вскакивая на ноги и отпрыгивая от телевизора испуганной кошкой.

Хорошо, бабушки уже не было дома, она еще час назад ушла в ДОСААФ на лекцию для начинающих парашютистов. Я осторожно покосилась на экран. Там шли «Вести», показывали президента Калмыкии Кирсана Илюмжинова, рядом с ним стоял какой-то элегантный мужик с кудрявыми волосами, его дали крупным планом.

— Кто? Где? Этот, что ли? Ты же говорила, что тебя заточили кучу лет назад, он, наверное, помер давно...

— Да, прошло уже семь столетий, но это и вправду он, зловернейший и могущественнейший из колдунов Востока! Я тоже надеялась, что его кости давно обглодали могильные гули! Однако злодей не только остался жив, но и помолодел. Тогда я знала его как убеленного сединами старца. Но это он, я ведь джинния и узнала бы его из тысячи подобных, в любом обличье!

В этот момент тип в телевизоре, с виду вполне «гражданской наружности», как будто услышав нас, вдруг повернул лицо в нашу сторону, жутко ухмыльнулся и погрозил пальцем. Репортаж с Илюмжиновым закончился. Бррр...

— Бред, глюк и парная галлюцинация! Все-таки семьсот лет — приличный срок и уж никак не способствует омоложению. — Я, успокаивающе гладила взволнованную джиннию по плечу. — Понимаю, что ты тоже тогда жила и неплохо, кстати, сохранилась. Может, у тебя какой-то особый крем есть помимо секрета долгожительства? Правда?! Дашь помазаться? Ну и не надо... Так вот, о чем это я, он ведь, в отличие от тебя, был человек, ты сама говорила. Как же он мог пережить все войны, особенно холодную, Вьетнамскую и Корейскую?! Говорят, только один старичок с подножия Эвереста прожил сто шестьдесят лет и умер от подскочившего давления, съев на ночь два десятка яиц. Но это рекорд! Кстати, а чем ты его так достала, в смысле насолила, то есть почему он тебя заключил в пайдзу?

Акиса уже отхлебнула чайку, заела горстью чипсов и обрела свойственную ей уверенность. Вернее, самоуверенность, потому что на мой последний вопрос она только поморщилась:

— Твои мысли разумны, о сомневающаяся, но он не был обычным человеком, он обладал темными способностями, недоступными непосвященным сыновьям и дочерям Адама. Негодяй обучался у великих мудрецов древности, неосторожно взявших его в ученики, по причине банального недобора. Но этот иблис всегда предпочитал поклоняться злобным могущественным демонам, которые дали ему за это в услужение всех обитателей сливных ям и зловонных стоков.

— Э-э, в смысле это что, я пойду в туалет, а он может кого-нибудь подослать, и меня укусят за... ой, мама!

— С него станется, — серьезно подтвердила Акиса. — Он тот еще злодей!

— Теперь никогда не буду забывать опускать крышку унитаза, — твердо поклялась я. — Заодно и фэн-шуй в квартире поправится...

— Но времени с тех пор утекло много, и, видимо, это порождение блудницы и шакала стал еще могущественнее! Кто знает, какие козни он изобретет...

— По виду твой колдун что-то вроде советника при президенте Калмыкии, но это еще не признак могущества. В принципе, можем поискать его фото в Интернете и выясним все наверняка. А ты точно уверена, что он будет тебя преследовать?

Джинния заметила, что она в этом даже не сомневается, зная паскудный характер Яман-бабы, а его грозящий палец означал именно то, что означал, то есть теперь, узнав о ее

освобождении, он будет ее искать, пока не найдет, чтобы раз и навсегда свести счеты! Предложение длинное, но она примерно так и выразилась. А при его умении менять обличья вплоть до превращения в группу сиамских тройняшек я поняла, что скоро он подкрадется к нам сзади и с размаху приветственно похлопает по спине. Или ниже...

— Кстати, а он не мог уже определить, где нас искать? Ну, прямо через телевизор. Кажется, это обычное для него средство коммуникации. А может, и слежки? — забеспокоилась я.

— Хвала Аллаху, нет!

Я воспрянула.

— Если мы не будем включать телевизор...

И снова поникла.

— Хотя он уже увидел и комнату, и нас обеих...

Я скисла окончательно.

— Но не знает ни твоего города, ни страны!

— Страна у нас одна — Россия, а город... — Я опустила глаза на собственную футболку с надписью «Футбольный клуб «Судостроитель» и уныло посмотрела на Акису.

Но джинния мужественно заметила, что я преувеличиваю: стран много, название нашего футбольного клуба тоже еще ничего не значит, а потому не будем суетиться раньше времени, а лучше немедленно займемся поисками жениха...

— Но сначала я наложу на твое жилище печать Сохранности и Защиты от Посягательства! Ну и на всех, кто тут живет, конечно, тоже. Особенно на любимую бабушку! — покровительственно изрекла Акиса, отдавая мне тарелку с шелухой от семечек. Пакетик с недоеденными чипсами она сунула себе в карман, думая, что я не вижу...

Джинния взмыла под потолок, раскинула в стороны руки, взмахнув длинными рукавами, эффектно крутанулась вокруг себя, указывая рукой во все углы. Комната наполнилась фиолетовым светом, рассеявшимся через пару секунд.

— Готово. Но слушай, у тебя тут паутина, когда последний раз убиралась, э?! — ткнула пальцем за карниз, придерживая занавеску. — Купи служанку, оно того стоит. А теперь жди меня здесь, о благословенная небесами, пославшими тебе в помощь великую и могущественную Акису!

Порхнув к шкафу, она стала быстро переодеваться, на этот раз выбрав костюм темно-вишневого цвета: бархатная жилетка с узорами из серебряной нити, такого же цвета полупрозрачные шальвары и на голове маленькая круглая шапочка, отороченная газовой фатой. (Наряды гости заняли львиную долю моего шкафа, я только сейчас заметила, что мои любимые футболки она запихнула на самый нижний ярус прямо к зимней обуви.) А в целом типаж получился классный, хоть сейчас на мусульманскую свадьбу! Отговорить Акису я сумела только от фаты, убедив, что даже в нашем многоэтническом городе такое не носят, если только ты не спешишь на репетицию узбекского народного ансамбля, где играешь реповое соло на дударе. После чего джинния развеялась в воздухе...

Не успела я вернуть свои маечки на их законную полку, которую Акиса отвела под тибетейки и фески самого разнообразного дизайна, как она снова возникла в комнате, быстренько сгущаясь до нужной плотности.

— Знаешь, а ты не можешь просто входить в дверь, а то меня все еще нервирует, когда я вижу, как ты рассеиваешься или собираешься, как ежик из тумана. Чтобы ты знала, это зрелище не просто непривычно для глаз современного человека, от него помимо расшатывания психики, что еще можно пережить, могут начать выпадать волосы, слоиться ногти или, того хуже, появится целлюлит. А этого мне очень не хочется, — длинно закрутила я, пытаюсь отвлечь джиннию и незаметно запихнуть ногой под шкаф попадавшие на пол тибетейки.

Но Акиса выслушала мою сентенцию без должного внимания, полностью ее проигнорировав.

— Я все разведала и нашла место, где в вашем городе в это время собирается больше

всего благородных мужей! — сообщила она. — Поторопись же, поражающая стройностью стана и равнодушием к своей судьбе! Ведь ты даже не спрашиваешь, куда мы отправимся, о нелюбопытная дева?!

— Да никуда я не хочу отправляться на ночь глядя, — буркнула я чисто из духа противоречия, притворно зевнула и достала из-под подушки недочитанный роман, делая вид, что меня от него зубами не оторвешь. — И потом, бабушка волноваться будет...

— Пожилую ханум я беру на себя, мы вернемся в то же самое время!

На этот раз меня почти не укачало. Мы опустились на пол в кабинке туалета, перемещение прошло незаметно для окружающих. Хм, могла бы сразу сказать, куда направлялись...

Глава пятая, ЧИСТО СПОРТИВНАЯ

— Ты притащила меня на боулинг? — скривила я губы, когда мы вошли в зал.

— Боулинг?! У вас эта благородная игра называется так? Мы, джинны, любим в него играть, только вместо таких гладких статуэток из слоновой кости у нас ставятся каменные идолы древних богов в человеческий рост. Все равно их надо куда-то девать, после того как вопреки иблису многие приняли веру в единого Аллаха. А как попадешь — они так смешно разбиваются в пыль! — Акиса с энтузиазмом принялась переодевать туфли.

— Здорово! Ты жила во времена зарождения ислама? — поразилась я.

— Ай, мы не бессмертные, мне бабушка рассказывала. Я ведь еще очень молодая джинния, не заметно, да?!

— Ну почему... наверно, по человеческим меркам мы — одногодки? — живо заинтересовалась я, понимая, что Акиса все равно не скажет, сколько сотен ей лет. — И давно умерла твоя бабушка?

— О чем ты говоришь, она сейчас выходит замуж! Мой дедушка погиб в войне с неверными джиннами, да пожрут красные муравьи их прогнившие почки! Да сотрут с лица земли их нечестивые следы! Да пошлет Всевышний моей праведной бабуле еще тысячу тысяч лет жизни!

... Конечно, я не удивилась, когда нам сразу выделили дорожку на пять часов «совершенно бесплатно», и, окинув взглядом зал, отметила, что мужчин здесь действительно много и не все из них лысые. Хм, а это перспектива...

— Только не заставляй меня с ними кокетничать, это унижительно!

— Я и не собиралась, о мудро застенчивая. Сами прибегут, — важно кивнула Акиса, потягивая персиковый сок из соломинки. Как вы догадались, официант уже прибежал... Что неудивительно, мы обе выглядели на все сто!

Перед выходом она, по моему настоянию, все-таки сменила шальвары, правда, сначала попыталась надеть поверх них присоветанную мной мини-юбку, без них она такую «бесстыдную» вещь носить отказывалась. Но в конце концов согласилась на джинсы, по своему вкусу выбрав самые широкие и безразмерные, которые еще моя мама носила во время беременности. И надо же. Акиса умудрялась в этом «джутовом мешке» сохранять яркую привлекательность! Так кто здесь выбирает мужа, а?

Дальше началось шоу... С первого броска я сбила все кегли. Ого, и со второго тоже!

— Да это, оказывается, проще пареной репы, не пойму, чего они так мучаются. — Я смерила снисходительным взглядом толстяка на соседней дорожке, который, пытаясь и краснея от напряжения, долго принаравливался к броску, а бросив, сбил пять кеглей и радовался этому, как олимпийской победе...

На третьем броске я поскользнулась, но кегли сбила все. На четвертом уронила шар, который, невероятно выкрутившись, тем не менее посбивал все кегли до длинной! Последнюю он, по-моему, просто задавил с нарушением всяческих правил дорожного движения... Короче, я поняла, что, как ни бросай (лучше всего мне удавались крученые

броски вбок или с грохотом вприпрыжку), — мной все равно сбивались все кегли!

В общем, во всем виновата джинния. Очень разочаровательно, я ведь успела загордиться неожиданно открывшимся во мне талантом. Моя же подруга наслаждалась любимой игрой, развлекаясь тем, что демонстративно сбивала кегли по одной на выбор зрителей.

Когда я выбила три тройных страйка, сбоку подошел упитанный менеджер и, старательно лучась от счастья, вручил мне кофемолку, сказав, что за такой «подвиг» полагается приз от клуба. К этому моменту за нами с джиннией уже всюю наблюдал весь зал.

— А выбившему девять тройных, двенадцать, шестнадцать и так далее страйков — правда, в истории нашего клуба подобного еще не зафиксировано — мы дарим телевизор. Но может, у сударыни получится, — нервно хихикнул менеджер. Когда через полчаса он уже тащил к дорожке новенький телевизор, лицо его было просто перекошено улыбкой. Понимаю, парню держать ответ перед хозяином заведения... Кстати, второй телевизор он нес уже просто с перекошенным лицом без всякой улыбки. А ведь я продолжала бросать...

Третий телевизор для меня выбили мои болельщики, потому что хитрый менеджер попытался провести только что придуманное им якобы правило клуба типа — три телевизора в одни руки не даем. К его счастью, мне и самой наскучило это однообразие, и я решила сделать перерыв.

Вот тут я и увидела своего соседа Мишу, лопоухого парня с рыжими веснушками во все лицо, пожалуй симпатичного, по натуре доброго и отзывчивого. Но не в моем вкусе. Одно время я даже избегала его, потому что он единственный знал страшную тайну моего детства — в возрасте трех лет мне вырезали аденоиды, и я долго полагала, что это часть мозга... Мишка был со своими друзьями и мне только кивнул. Я с благосклонной улыбкой звезды раздавала автографы, но он больше даже не повернул головы в мою сторону.

— Твой сосед? — заметила джинния и спокойно пояснила: — Просто случайно прошла через его комнаты, торопилась сильно.

— Да, и чем он там занимался? — нескромно любопытствовала я, расписываясь на футболке очередного претендента на автограф (он просил еще рядом написать мой телефон, но, взглянув на его лицо, я записала телефон моей школьной учительницы, который приберегала на подобные случаи).

— Кормил мышь в клетке, — презрительно сказала джинния.

— Бурундучка, Мишка к ним неровно дышит, — поправила я.

— Какая разница, главное, в женихи он не годится, — с глубокомысленным видом резюмировала Акиса. А то я сама не знала.

На следующее утро я с трудом разлепила распухшие, как, у морского окуня, веки. Поверите, спать мне практически не пришлось! Во-первых, до двенадцати ночи мы торчали в боулинг-клубе, пока нас оттуда не попросили, сказав, что вернут деньги за игру (которых мы и не платили) и вместе с призами доведут до дома на бесплатном такси, лишь бы я сошла наконец с игривой дорожки и прекратила их разорять. Телевизоры мы по дороге завезли в дом престарелых, а то что бы я сказала дома?

Во-вторых, никакого приличного жениха мы там так и не обнаружили. То есть ряд претендентов был, и я даже надеюсь, что двое мне еще позвонят, но в целом — дубль пуст! Либо женатые, либо разведенные и с несерьезными планами, а остальные вообще пришли исключительно поиграть в боулинг и никакая моя краса их не интересует. Наглые буржуи!

Ну а потом, так как впереди была еще целая ночь, наивная джинния, согласно утвержденному ею же плану, перенесла нас в гей-клуб. Видимо, ее подкупило, что там одни мужчины, «красивые, ухоженные и воспитанные», плюс ни одной женщины. Ха! Женщин там действительно не было, какая ж дура туда пойдет?! А вот мы приперлись...

Глава шестая, «ПРОТИВНАЯ»

— И как нас только сюда пустили?

— Ты опять сомневаешься в моих безграничных способностях, о недоверчивейшая из бросательниц шаров? — Джинния мигнула официанту, который, вихля бедрами, послушно притащил нам два голубых коктейля. Хм, что ж, цвет, соответствующий всему заведению...

На нас никто особенно не косился, парни занимались своими делами: курили длинные сигаретки, пили фруктовый чай вприкуску с черным шоколадом, сплетничали, любовались маникюром, кое-где жеманно танцевали...

Нет, лично я посмеялась от души под мужские взгляды, полные томного упрека. Акиса сделала довольную физиономию, искренне убежденная, что лучшего мужа надо ловить именно здесь! Но даже после того как я объяснила не понимающей моего веселья наивной восточной барышне, что это не наш контингент и по какой причине не наш, она или не до конца мне поверила, или в ней, как обычно, выиграло ее джиннье самолюбие. Короче, она захотела в очередной раз произвести эффект с помощью своих необыкновенных возможностей.

— Предлагаешь уйти, потому что «дохлый номер»? Какое-то шайтаноподобное выражение... Но где еще мы встретим столько симпатичных и нарядных мужчин? Ничего, о благородная дочь почтенных родителей, если хочешь меня испытать, то выбери здесь любого мужа, и я внушу ему такую пылкую страсть к тебе, что он до самого последнего своего вздоха на этой земле не посмотрит больше ни на одного мужчину! А уж на небесах тебя заменят прекрасные гурии, от услуг которых не отказывался еще ни один смертный. Если, конечно, ему посчастливится попасть в аль-джанна.

— Куда-куда?

— В жяннэт, то есть в рай, о неученая!

— Да ладно, ладно, спросить нельзя... Итак, кого же мне на сегодня выбрать? Может быть, вон того или этого... ага!

Присмотревшись, я остановила свой выбор на самом красивом, на мой взгляд, парне, который, ничего не зная о выпавшем на его долю горьком жребии, еще открыто радовался жизни. Жеманно потягивая из трубочки клубничный дайкири, он активно флиртовал с довольно симпатичным парнем. Это была худшая участь, которая только могла выпасть на долю честного гея. Глаза мои наполнились слезами, но любопытство (читай: перспектива всю жизнь вызывать зависть у подруг мужем-красавцем) пересилило во мне жалость.

— Его! — торжественно возвестила я, глазами и кивком указывая на моего избранника. Оставалось еще опустить большой палец правой руки вниз, для пущей значимости момента...

Но джинния никак не могла понять, кого я имею в виду.

— Хватит корчить рожи, о вдруг потерявшая дар речи! Опиши мне его или лучше покажи на несчастного пальцем!

— Лучше опишу, — быстро откликнулась я. — Мне того, высокого, с пробором, он в рубашке из мятой вискозы цвета морской волны и с серебристыми ногтями. И еще у него брюки так все обтягивают...

Джинния согласно кивнула, улыбнувшись, — видимо, одобрила мой выбор — и, сложив ладошки ковшиком, что-то в них прошептала.

— Теперь пусть только встретится с тобой взглядом! — самодовольно сказала она. — В тот же миг он вспыхнет пламенной любовью, и ты увидишь свое отражение в его прекрасных глазах!

Ага, меня бы хоть раз прекрасной назвала?! Нет, она чужого человека, пусть и моего, возможно, будущего супруга захваливает. А ведь «хозяйка» я!

— Не тяни, о застенчивейшая, заставь его посмотреть на тебя!

Ха, это легче сказать, чем сделать: парень по-прежнему был весь поглощен своим поклонником и ни на секунду не хотел отвлекаться. Сверлить его глазами было бесполезно, я зря потеряла десять минут. Так, за счастье надо бороться, пора приступить к более решительным действиям — встав из-за столика, я направилась к намеченному объекту,

стараясь не краснеть от смущения. Ну не сидеть же на месте, все равно официанты нас с Акисой старательно игнорировали...

— Извините, а вы случайно не хотите со мной познакомиться? — спросила я, осторожно наступая молодому человеку на ногу, как мне однажды посоветовал один мой друг, уверяя, что это лучший способ познакомиться.

— Не-э-эт, — жеманно откликнулся он, обернулся и влип. — Откуда вы, чудесное создание? Я вас здесь никогда раньше не видел...

— Хи-хи... неудивительно, у вас тут свой междусобойчик, мне просто случайно повезло попасть.

— А уж мне-то как повезло-о, — пропел он, делая стойку охотничьей собаки. Никогда еще на меня не смотрел такими глазами такой красивый парень. Я почувствовала себя на седьмом небе!

— Прелестница, как я счастлив, что вы сегодня пришли сюда, ведь мы могли никогда не встретиться, потому что я отсюда практически не выхожу, премилое местечко! Столько мальчиков... А как вам здесь нравится?

— Угу, по уши...

— Ой, что же это я даже не представился, — засуетился парниша, — Игнат. Прошу любить и жаловать! Ну-у, можно не жаловать, только любите... А ваше, ваше нежное имя?!

— Аглая.

— Та самая, из стихов Пушкина? Агла-ая?! Какая прелесть, нет, вы слышали-и... Садитесь, милая, ну садитесь же!

— Э-э, куда? — резонно спросила я, на диванчике с трудом умещались двое — мой новый избранник и его старый «бойфренд». — Вы позволите?

— Не позволю! — капризно откликнулся дружок, в его голосе явно слышалась ревность. — Тут даже для нас двоих очень мало места. И вообще... Игнат, я тебя не понимаю, ты пьян?! Скажи, скажи, пьян, да?!

Упс, мы и забыли, что находимся здесь не одни. Смазливое лицо моего будущего мужа досадливо сморщилось. Окинув презрительным взглядом своего бывшего друга, он деликатно взял меня под локоток и увел на другой конец барной стойки. Друг поехал по дивану, изображая обморок...

Никогда я еще не была так счастлива! Мой суженый, с высунутым языком и влюбленными глазами, его бывший парень в состоянии тихой истерики, напряженно-звонящая тишина «голубого» бара, отвисшие челюсти с накрашенными губками завсегдатаев... Какой кайф! Это надо было видеть, истинные женщины меня поймут!

Но, увы, триумф длился недолго... едва мы присели, взявшись за руки, а Игнат, не оборачиваясь, попросил бармена принести для меня «Оргазмо», как к нам толпой бросился весь контингент заведения. Видимо, у моего жениха здесь имелись давние поклонники. Причем рассерженные до крайности...

— Убирайся из нашего клуба, мы здесь всяких там... не принимаем! — фальцетом выкрикнул один, окидывая меня брезгливым взглядом.

Другие поддержали в том же тоне:

— Здесь приличное место, а у нее духи с сиреневым ароматом, фи!

— Она не умеет себя вести, никакой тонкости в обращении, пришла и надавила!

— Кто вообще сюда пропустил женщину?! Охранник, заставьте ее немедленно уйти!

И, не дожидаясь появления последнего, которого, кажется, в зоне слышимости и в помине не было, они с яростью набросились... Я уже думала — на меня, автоматически зажмурила и выставила руки, готовая к обороне лица и волос в лучших традициях женских драк на дискотеке... но, открыв один глаз, увидела, что жертвой стал Игнат. Они кинулись его обнимать и целовать и гладить по голове, уговаривать, о чем-то шептали на ушко... И самое главное — ему это нравилось!

Короче, вступить за нового любимого я не успела, слишком быстро он переметнулся обратно:

— Да отстаньте вы, отпустите меня, противные... а впрочем, мм... да-а... Аглая, крошка, подождите меня, я скоро... или не очень... или не ждите...

Мне оставалось только плюнуть и развести руками. Вот он вам, перевоспитанный гей! Вот они, неодолимые джиннии чары! Не посмотрит ни на одного мужчину, навек мой, восплаляет пламенной любовью...

С бурей в душе я принялась искать в толпе свою самонадеянную подругу, которая тут же выскочила из-за чьей-то спины. Она тоже не могла отвести ошарашенного взгляда от этого множественного любовного союза.

— Ай, прости, о горько опытная! Ты была права, это другая природа...

Два облома в один день. Как понимаете, домой я вернулась усталая как ездовая собака и в наихудшем расположении духа. А по возвращении пришлось еще объясняться с бабушкой! Обещания перенести «в то же самое время» джиннии не выполнила, потому что не вспомнила нужного заклинания, видите ли, ей давно не приходилось его применять... Взамен она со смиренным видом и поклонами выслушала от «уважаемой Марты Ивановны» самые витиеватые морские ругательства на тему нашего загула... Явно восточное почтительное отношение к старшим...

Когда я переодевалась ко сну, Акиса заметила крестик на моей груди.

— Эй, меня что, освободила христианка?!

— Ну да, меня крестили в младенчестве. — Увидев ее круглые глаза, я попыталась смягчить, вероятно, травмирующий ее факт моей биографии. — А что не так?

— Все не так! Джинния, принявшая ислам, не обязана служить какой-то... В общем, думаю, что я свободна от обязательств по отношению к тебе, о хитрейшая из желающих замуж! Но мне нужно удостовериться. Через десять минут я вернусь и, надеюсь, сразу освобожу тебя от моего присутствия.

С этими словами она исчезла, оставив меня в глубокой депрессии. То есть раз я христианка, значит, мне фигу, а не жениха, да?! Может, переметнуться в ислам по-быстрому, тогда джинния не отвертится, а потом как-нибудь назад...

Строя коварные планы типа «замуж по-любому! », я и не заметила, как прилегла и начала похрапывать. И кажется, даже видела какой-то сон, когда меня бесцеремонно растрясали за плечи:

— Ай, везучая, приятная для тебя весть, она усладит твои уши и поспособствует приятным сновидениям! Я уточнила наверху: слово джиннов нерушимо, даже если оно дано христианке! Ты ведь из людей Писания.

— Из кого-кого?!

— Ну, из христиан и иудеев, по Корану их можно уважать.

— Глубокое спасибо, могла бы и утром объявить, а-аух-ау-у-хр-р...

— Самовлюбленная соня, — резюмировала джинния, подтыкая мне одеяло... это было последнее, что и почувствовала, засыпая.

Глава седьмая, МСТИТЕЛЬНАЯ

С утра бабушка вела себя мирно. Завтрак уже стоял на столе, чашка кофе сейчас будет в самый раз, только умоюсь. Моей волшебной подруги дома не было, я собиралась спросить, куда она делась, но тут Акиса сама объявилась. Оказывается, она всего лишь выносила мусор. Ее бодрый голос раздался из прихожей:

— Марта Ивановна, я встретила внизу твоего многоуважаемого соседа. Он был совсем пьяный и чем-то очень недоволен. Прошу тебя, раскрой мне значение слов, с которыми сей благородный муж ко мне обратился...

И она без запинки процитировала коронные фразы из лексикона дяди Леши, местного алкаша и дебошира. Не знаю, кто как, а я покраснела...

— Э-э, это всего лишь значит, что ты очень нехорошая женщина, — невозмутимо

ответила бабуля, выпуская колечко дыма.

Джинния обомлела, взвилась и выскочила за дверь. Бабушка даже бровью не повела, ее волновало другое.

— Знаешь, когда я попросила ее вынести мусор, она сказала: «Слушаю и повинуюсь!» Из Казахстана, говоришь, девочка? Хм-хм, надо же до чего там Назарбаевы народ довели.

— Правда-правда, и из самого дальнего поселка, — внаглую соврала я, хватаясь за бутерброды.

После завтрака бабушка отправила нас с джиннией на рынок, расположенный в двух кварталах от дома, вручив длиннющий список всего, что она любит поесть. В ответ на мой вопрос о судьбе несчастного дяди Леша джинния только улыбнулась уголком губ, и взгляд у нее при этом был коварно-торжествующий. Каюсь, что больше я не вспоминала о нем, в тот день столько всего произошло, и лишь на следующие сутки соседи поведали кошмарную историю.

Оказалось, бедолага полдня провисел, подвешенный за шкурку на крюк стрелы подъемного крана. Он кричал, сначала очень громко, а потом все тише, пока совсем не охрип, так что даже пролетающие мимо вороны не смогли бы ничего разобрать, и шепотом требовал немедленно позвать прораба или хотя бы министра Шойгу. Но Шойгу где-то на Коморских островах ревизировал группу МЧС, спасавшую местных жителей от укусов сезонно распоясавшихся щетинистых ежей тенреки. А прораб и сам нашелся ближе к обеду. Потом долго искали крановщика и наконец совместными усилиями сняли оголодавшего и полуобезумевшего дядю Лешу. Про нашу «квартирантку» он никому и слова не сказал, а пил с тех пор только лекарства, по старой привычке предпочитая те, что на спирту. В общем, все списали на безвинный полтергейст...

На рынке была обычная воскресная толчея. В нашем многонациональном, хотя местами пока еще и патриархальном городке первую половину воскресного дня люди гораздо чаще проводят на базаре, чем в церкви.

— Дэвушки, ай, красивые, куда идете? — традиционно пристал высокий кавказец в кепке и грязном фартуке. — Пастой, падажди, виноград бэри, айва бэри, мимо не хады. Тэлефон дашь, э? Как тэбэ зовут, пэрсик?

— Тебе не выговорить, — отозвалась я. Ответ не из самых удачных, но у меня правило никогда не повторяться, а придумывать в сотый раз что-то новое очень сложно. Хоть бы вопрос менялся, а так...

— Аи, ну ты только скажи, я виговорлю! А твой подруга какой красавыца, сливка нэ хочешь, савсэм спэлый? — добавил он, хитро улыбаясь, но Акиса резко прибавила скорость, протаскивая меня за собой, а забежав за палатку с арбузами, громким шепотом оповестила:

— Это был Яман-баба, да пожрут могильные черви его черный мозг, а нам представился базарным торговцем! Его могущество приумножилось, как быстро он настиг меня!

Может, у джиннии мания преследования? Семисотлетнее сидение в пайдзе-одиночке не проходит даром для психики, все-таки срок немалый! Почему я так быстро поверила ей вчера? Подумаешь, погрозил пальцем, может, — это он оператору погрозил, не понравилось, что тот крупно его нелюбимый прыщик берет...

— Говорю тебе, он это, о недоверчивейшая из незамужних девиц!

— Значит, злодей снова внешность изменил? И как у него это получается, менять маски, как всемогущий и зловредный Призрак Оперы в предпоследней экранизации? Представляешь, у того была их целая коллекция, и все из человеческой кожи.

— Не знаю... И, главное, клянусь печатью на перстне Сулеймана, чего он выжидает? Он ведь поклялся погубить меня и стереть с лица Вселенной сами воспоминания о моем существовании! Что ему стоило сразу схватить меня и окунуть в воду?!

— Утопить, что ли? — не поняла я. — Ну так это где ж он тебя утопит посреди базара? В бочке с пивом?

— Только не в пиве! Коран запрещает нам алкоголь. — Отметив мой непробиваемый

взгляд, Акиса устало пояснила: — Помнишь, я говорила тебе, что Аллах сотворил нас, джиннов, из бездымного огня. От переизбытка воды жизненные токи покидают мое тело, огонь души угасает и мне надо снова постоять в бездымном огне, чтобы преисполниться внутренних сил и могущества.

Про свое могущество она никогда не забудет вставить, хотя ясно уже, что не такое оно у ней и могущественное, простите за «масло масленое».

— Вот почему ты не умываешься по утрам... И что за огонь такой бездымный? — живо поинтересовалась я, чувствуя, что у меня голова идет кругом от обилия знаний по физиологии джиннов.

По-быстрому загружаясь картошкой (нашу волшебницу удерживало сейчас на рынке только поручение уважаемой Марты Ивановны), Акиса ответила:

— Долго объяснять, но ваш газ на кухне в случае чего тоже подойдет.

— Ты уже говоришь совсем как современный человек и почти без акцента, — похвально заметила я, осознав, что меня уже ничто не удивляет. Слегка подивиться сейчас я могла бы, только увидев гигантского жука-солдатика, сбежавшего из военной лаборатории закусав до смерти сторожа-культуриста сержанта в отставке. Но секретной военной лаборатории у нас в городе нет, значит, и жук мне не светит...

— Аи, ты сильно права, о наблюдательная дева, поистине мы, джинны, обладаем способностью быстрого обучения чужеземным языкам, — гордо ответила Акиса. Кажется, я поторопилась с похвалой.

Джинния попыталась сказать что-то еще, но тут я увидела нашего продавца, он шел по ряду, явно кого-то выглядывая...

— Все, уходим отсюда, остальное докупим в магазине!

— Он вернулся?!

— Вах, красавицы, вот гдэ я вас нашел, мои золотые! Зачэм бежал, апельсин-шмапельсин не пакупал?

Этот тип уже стоял рядом с нами. Смуглое лицо, мелкие морщинки вокруг глаз, длинный нос с горбинкой — типичный небритый кавказец лет тридцати с гаком, двадцать пять из которых он провел на рынке. Неужели и правда так может выглядеть могущественный чародей-подпольщик?

— Что вам надо? — отдельно и строго произнесла я, убирая его руку со своего плеча, поскольку джинния практиковала в данный момент лишь молчаливое испепеление взглядом объекта. К сожалению, даже в ее случае только образно...

— Ай, ничего плохого, товар сасэду оставил, только чтоб пагаварить с такой *волшебный* дэвушка, как твоя падруга. Она мэнэ заколдовала огненными глазами, вах! И как жэ ей удалось *вырваться из плэна*.. То есть как же мнэ, гаварю, выбраться из *плэна-шмлэна* ее глаз! — Чародей многозначительно подмигнул, сверкнув черными очами. Да, это *его* взгляд, вот сволочь конспиративная.

Я уже собиралась пнуть резвого южанина по коленке, самый простой прием самозащиты, как вдруг подоспела помощь, откуда не ждали. Рядом возник Миша, мой сосед, курсант школы милиции.

— Эй, гражданин, оставьте девушек в покое! — потребовал он официальным тоном, да так громко, что все обернулись. Вот не знала, что Мишка такое умеет... Обычно, как встретишь его в подъезде, так он только промямлит что-то невнятное типа «здрасьте». Может, форма на него так действует, он ведь вроде в этом году оканчивает свою школу милиции.

— Или пройдем в отделение? — добавил Мишка, строго глядя на торговца и рукой указывая направление.

— Ай, куда пройти, зачем пройти, пачему честный Гоги обижаэш, а? Я нычего не сдэалал. Документы есть, прописка.. Э-э... мм... А! Товар оставил, тороплюсь очень, генацвал, совсем убежал, да!

Когда «честный Гоги» скрылся за спинами покупателей, расталкивая их в недостойной

спешке, мы обернулись к нашему спасителю. Джинния с удивлением, я с благодарностью. Или наоборот?

— Спасибо, Миша! Ну, мы пошли, тоже очень торопимся, — поспешно проговорила я, пытаюсь увлечь за собой кланяющуюся джиннию. Надо бы ей сказать, что ее поклоны не воспринимаются окружающими как само собой разумеющееся, а, наоборот, скорее вызывают легкий шок.

— Ничего, я рад, что оказался рядом в нужный... тебе... для тебя... момент. В общем... Да, а у нас практика! Вот. Сегодня сюда поставили, но... — Он словно бы и не замечал Акисы, торопясь мне что-то сказать. — Аглая, а ты... ты, оказывается, профессионально играешь в боулинг! Так вот, я думал... если у тебя будет время...

— Ха, так ты все-таки заметил? — поторжествовала я в душе. — Ладно, научу, но извини, потом. Мы правда очень-очень спешим...

— Я могу вас проводить, сейчас только попрошу кого-нибудь меня заменить.

— Не утруждай себя, юный господин, — возразила было джинния, перестав кланяться, но, углядев «Гогги», коварно притаившегося за лотком с арбузами, мигом сменила пластинку: — Да вознаградит тебя Аллах, если ты нас проводишь, о неустрашимый герой нашего времени, поражающий доблестью и величием! Скорее же лови второго стража.

— Короче, мы согласны, не обращай внимания на речь моей подруги — да уж, выражается странно, просто она из другой реальности.

— В смысле слегка тронутая? — совершенно серьезно спросил Мишка. Хорошо джинния, обеспокоенно озиравшаяся по сторонам (шпион-колдун снова исчез!), его не слышала.

— Потом объясню, — многозначительно шепнула я.

Но едва мой сосед отправился за товарищем, джинния схватила меня за рукав и утянула за ближайший киоск:

— Яман-баба, зловреднейший из чародеев, так легко не отступит, лучше нам сразу полететь домой, о свет моих очей и любимая звезда моего небосклона!

У меня сложилось стойкое убеждение, что, когда джинния применяла ко мне подобные эпитеты, они звучали исключительно в издевательском смысле. Но прямых доказательств не было...

— А как же Миша с другом?

Вопрос повис в воздухе, потому что непоследовательная в своих желаниях (решениях?) джинния, на этот раз даже не думая о многочисленных свидетелях «чуда» (вокруг была куча народу), мигом перенесла нас на нашу лестничную площадку... Вообще-то можно было бы и сразу в квартиру, но нам обеим не хотелось смешить бабушку телепортацией.

— Хорошо, что наши стены находятся под заклитием Сохранности Имущества, — облегченно вздохнула я, открывая дверь своим ключом.

Глава восьмая, МАНИАКАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКАЯ

Наверно, мы успели вовремя, потому что бабуля как раз сражалась в гостиной с каким-то шипованным монстром с арбузообразной головой! Он жалобно чавкал, оседая под ударами подарочного издания Железные энциклопедического формата и веса. Не знала, что бабушка читает фантастику, но это ей помогло...

На данный момент жуткий бой был практически закончен, чудовище валялась в полном ауте, на последнем издыхании, бессильно откинув желтые скрюченные, похожие на стебли конечности. Из большой трещины на арбузной голове текла струйка розоватого сока. Бабушка бросила на нас торжествующий взгляд и одним милосердным ударом окончательно добила гибрид агрессивной флоры. Да-а, а мы ее банальным переносом во времени и пространстве удивить боялись...

— Вот что, девочки...

— В каком смысле «что»?! — мигом уперлась я, ударившись в полную «несознанку».

— Растение-монстр, вот мерзость, да?! Оно что, живое? И почему таких размеров?! И ведь главное, что мы здесь абсолютно ни при чем! Вот честное-причестное...

— Девочки, — хмуро повторила моя бабушка. — Будет лучше, если вы все мне расскажете. С самого начала, БЫСТРО!

Джинния наблюдала наши разборки с неподдельной жалостью в глазах, видимо, она считала, что мне не в чем оправдываться. «Уважаемая Марта Ивановна» считала иначе, и у нее был повод так думать... Пришлось смириться с реальностью и посвятить бабушку и происходящее. Под давлением ее авторитета, разумеется! Сами мы и не собирались раскрываться — какое отношение может иметь к честным и добропорядочным девушкам мерзкий арбузный монстр?! Конечно, если он не успел перед смертью прохрипеть наши имена. По словам матери моего отца (вот оно, влияние инокультурной представительницы мира духов!), он набросился на нее сразу и без лишних слов принялся душить. Но чего он хотел? Скоро конец арбузного сезона, стебли уже ломкие и сухие, а бабуля спортсменка с шестидесятилетним стажем, так что ничего у него не вышло. Да и проникнуть в квартиру он смог только обманом, представившись инспектором рыбнадзора, и она сама же открыла ему дверь.

— Бабуля, ну зачем? Ты ведь не браконьер и даже рыбой не торгуешь.

— У него был такой проникновенный чувственный голос, — мечтательно протянула бабушка, когда наконец села, раскурила трубку и с удовольствием затянулась. — И он сказал, что видел меня во сне...

— В гробу и в белых тапочках?! Бабушка, ну как ты можешь быть настолько наивной в твои-то годы... — За этот вопль души я схлопотала родственный подзатыльник и укоризненное цоканье языком от Акисы.

Но в общем бабуля без лишних вопросов, но с большим интересом выслушала (а поверила ли?) обо всех чудесах, что мы ей понарасказали. Думаю, это лишь потому, что после смерти мужа-капитана ей катастрофически не хватало приключений.

Ну а насчет Яман-бабы, сумасшедшего ученого-генетика, что гоняется за Акисой, потому что она обладает экстрасенсорными данными, унаследованными от бабушки-шаманки, и хочет использовать в своих гнусных целях ее подсознательную способность понимать язык растений, мы убедили бабулю особо не беспокоиться. От его подопытных кактусов джинния узнала достоверно, что несчастный болен неизлечимой болезнью, подхваченной от каких-то экзотических растений, вывезенных им в обход таможенных санинспекторов откуда-то из экваториальной Африки. Ему осталось жить считанные дни... э... гм... уже часы, поэтому в милицию можно и не звонить. Было бы бесчеловечно по отношению к бедняге, если органы нагрянут к нему в такой момент и помешают отойти спокойно. Хотя почему бы не помешать, но ведь в милиции вряд ли поверят в рассказы об арбузном чудище...

Пока мы с джиннией, выбросив «останки» диверсанта в мусорку, думали о том, что делать с Яман-бабой, позвонил один из тех двух-трех удачливых поклонников, которым я вчера дала верный номер телефона, и попросил о встрече.

От намеченного (джинния все еще ищет для меня лучшего жениха) отступить уже поздно, так что договорились прямо на сегодняшний вечер. Хотела назначить ему хотя бы через неделю, в надежде, что он обо мне забудет, тем более что и сама его абсолютно не помнила, но джинния сказала, что столько времени на исполнение одного желания она тратить не собирается — ей свои проблемы решать надо. Похоже, теперь из-за дурацкого Яман-бабы она постарается как можно скорее спихнуть меня с рук. Встречу я назначила через час на остановке маршрутного такси...

Когда я подошла, там стояла, мешая всем, огромная белая иномарка.

— Ну и чего он здесь встал, эгоист самовлюбленный? Терпеть не могу таких типов, которые, видя, что ты ловишь маршрутку, тормозят прямо перед тобой, — сердито буркнула я.

— Ай, разве тебе сейчас нужна маршрутка? Так они тут не ходят, о невнимательная, ибо здесь под небом не протянуты веревки, — с чувством превосходства парировала джинния. Она еще путалась в названиях основных видов городского транспорта.

— Будет нужна, когда он наконец явится, — лаконично ответила я, с трудом удерживаясь, чтобы не пнуть машину по номерному знаку. Тут дверца открылась, и неожиданно вышел сам хозяин машины, направившись прямо ко мне.

— Я вовсе не собиралась ничего делать с вашей... — уже практически соврала я, и тут до меня дошло. — А-а, это вы! Я не узнала вас из-за очков, кажется, у Мадонны такие же...

— Добрый вечер, хм... Я вас тоже только что заметил... хм... давно ждете? Хм...

— Давно. — И правда, эти пять минут показались мне получасом.

— Аглая... хм... Какое у вас редкое имя... хм... позвольте заметить, совсем не современное... хм...

«И как только мои родители с тобой не посоветовались, современный ты наш», — едва не лягнула я.

Мой новый поклонник имел какое-то дергающееся лицо, к тому же постоянно сопел, шмыгая красным носом. Мы с джиннией подумали было, что он простужен, но оказалось, это привычка, со всем прочим добавляющая ему индивидуальности. И как только я ему дала вчера свой телефон? Это могло произойти только в минуту помрачения рассудка...

А вдруг он маньяк, нападающий на девушек с редкими именами типа Илария, Фивея, Сусанна, Прискилла, Виринея, Таисия или Агафоклия? Я как раз собиралась переговорить на эту тему с Акисой, но очкастый прервал нас, представившись Аполлиnaireм Феоктистовичем. Вполне современное имя, тьфу...

В общем, на Мужчину Мечты он в моих глазах не тянул, и я собралась смыться под уважительным предлогом — бабушке будет скучно в одиночку смотреть в окно... Но тут джинния, уловив мое настроение, ослепительно заулыбалась и силой затолкала меня в автомобиль, подключив к этому предательскому делу свою великорузмерную грудь.

— Не хочу никуда ехать, — зашипела я, зло глядя на джиннию, втиснувшуюся со мной на заднее сиденье. Однако Акиса ответила мне таким властным взглядом, что все возмущение в моем голосе скисло... Мы тронулись с места.

Нет, нельзя так поддаваться чужому влиянию. К тому же моя интуиция мне подсказывала, что лучше выпрыгнуть из машины на полном ходу посреди шоссе с двусторонним движением, чем ехать куда бы то ни было с этим «сердцеедом» в женских очках. Слава богу, на нашей улице движение одностороннее, просто идеально в случае, если я рискну... сейчас-сейчас... пусть только сбавит скорость....

— Остановите, пожалуйста! Простите, но я вдруг вспомнила, что у меня дети не кормлены, а ведь их у меня трое. Мне даже иногда кажется, что четверо, такие они шумные плюс абсолютно неуправляемые и все время хотят есть. Так что свидание придется отложить на неопределенный срок, но я обещаю вернуться к этой теме через месяц!

— Вижу... гм... я вам не понравился, — обиженно-угрожающим голосом отозвался тип, посильнее нажимая на газ.

Ну, что я говорила, он маньяк (как же я удивилась потом, когда это оказалось правдой). Я нажала на дверь, но щелкнул замок, и мы с джиннией остались наглухо запертыми в салоне. О-о, как я умудрилась забыть, ведь эта искусительница может нас отсюда в любой момент телепортировать!

— Акиса, ты разве не видишь, он меня просто крадет! Сделай же что-нибудь!

Но она даже ухом не повела и, вместо того чтобы спасти меня, неожиданно радостно воскликнула, обращаясь к водителю:

— Слушай! Ты что, похитил невесту, господин?

— Конечно... гм... невесту, кто бы сомневался в моих честных намерениях, хэ-хэ, — мерзко хохотнул тип, верно думая, что отвечает шуткой на шутку и при этом странно скорчив лицо. Меня передернуло...

— Благодарение Аллаху, тогда я вас покидаю, о счастливые мои, поспешу сообщить

приятную весть почтенной Марте Ивановне!

— Эй, постой, что ты несешь?! Да бабушка прибьет нас обеих, если узнает, что ты позволила меня похитить, а я позволила себе похититься!

— Ай, то есть Марте Ивановне ничего сообщать не надо? Слушаю и повиную...

— Да я не хочу за него замуж, он подозрительный!

— Вижу, ты не посещала «Дом мудрости», — сердито надулась джинния. — Или Аллах внезапно лишил тебя зрения, а то бы ты увидела истинные достоинства этого господина! Он зрелого возраста, значит, возможно, к нему уже снизошла мудрость, к тому же он богат, раз имеет собственный маленький автобус, а еще он страшен лицом и тебе никогда не придется испытывать мук ревности!

— Верни меня домой!!! — Я вцепилась в кофточку джиннии обеими руками. Какое-то время мы боролись, но в конце концов ей это надоело, и она просто исчезла, бросив на меня победный взгляд.

— Хм... куда она подевалась? — недоуменно спросил мой похититель, быстро оглянувшись через плечо.

— Провалилась под сиденье, — мрачно отозвалась я, искренне желая бывшей подруженьке именно такой судьбы.

Гадский тип завез меня в какой-то полутемный полуподвал полузаброшенного дома. Ничего точнее сообщить не могу, потому как он сунул мне под нос сильно пахнущий платок и я пришла в себя уже связанной, на колченогом стуле и с кляпом в виде резинового мячика во рту. Под потолком тусклая лампочка, на полу мусор и новенькая табуретка. Вдоль стены пробежала крыса, эх, если бы она сгрызла веревки, но так бывает только в мультфильмах. Но то, что произошло потом, было воистину ужасно...

Он медленно разделся до трусов, забрался на табуретку, которая оказывается, не случайно стояла в центре комнаты, и начал декламировать:

Целуй, целуй меня везде,
А особенно в гнезде!
Моя деточка, моя конфеточка!
Хлопай ресницами и взлетай!
Моя бутылочка, моя таблеточка!
Побриться не забывай...
Твои губы опять не туда угодили,
Там их чем-то стальным второпях прикусили...
Ведь я всего лишь навсего хочу тебе понравиться!
И спариться, и запариться...
И че ва-аще тебе и не нравится?!

Это было чудовищной пыткой — слушать весь этот бред! Я подпрыгивала и ерзала на стуле, пытаюсь ослабить путы, и почти сжевала кляп! Злодей прерывался лишь на демонический хохот и с каждым разом подбирался ко мне все ближе и ближе, его возбуждение нарастало...

Я собрала в кулак всю свою храбрость, дабы хоть плюнуть в маньяка недожеванным мячиком, когда в комнате, сопровождаемая громким хлопком, материализовалась джинния. Вид у нее был какой-то усталый. Она быстро вытащила у меня кляп и с ходу затараторила:

— Марта Ивановна и вправду почему-то не обрадовалась известию о том, что тебя похитили. Она тут же послала меня за тобой, я не посмела ослушаться уважаемую женщину ее возраста и повиновалась. Хотя она, как и ты, почему-то не понимает, как это хорошо для всех нас, что тебя...

— Все, хватит повторять «Ах, как восхитительно, что тебя похитили!»! — еле отдышалась я. — У меня вся спина в мурашках от твоего цинизма! Развязала бы лучше...

— Ай, зачем отказываться от похищения таким видным мужчиной?! — Акиса как ни в

чем не бывало подмигнула негодяю, по-прежнему игнорируя мои слова и потребности, главная из которых состояла в том, чтобы поскорее отсюда удрать. Было еще тайное желание выбить у извращенца табуретку из-под ног. Но я знала, что вряд ли это сделаю, не позволяет врожденная интеллигентность...

К счастью, Акиса наконец-то соизволила обратить скептическое внимание на пыльное пространство комнаты:

— Совсем грязно, э? Где же твои слуги? Почему твои рабы не привели в порядок дом, где ты собираешься поселить свою молодую жену...

— Хм... ты прервала мой стих, женщина! И как ты вошла? Я ведь запер все двери! — возмущенно воскликнул наш маньяк, шмыгая красным носом. Кажется, он даже не понимал, как дико выглядит в одних трусах и носках, стоя на табуретке с тетрадкой в вытянутой руке и гордо поднятой головой! Хотя, если человек так увлечен своим поэтическим творчеством... Графомания не лечится.

— Но, быть может, слуги явятся с минуты на минуту?

— Да разуй же глаза, он полный псих! Сумасшедший, я точно тебе говорю!

— Вах, воистину так, он немного безумный! Но зато, о недогадливая, с таким мужем милостью Аллаха ни один твой день не пройдет в скуке, — рассеянно отмахнулась джинния, думая о чем-то своем.

— С каким таким мужем?! — удивился Аполлинаруй Феоктистович. — Хм... вижу, это уже далеко зашло. Я не собираюсь ни на ком жениться, к вашему, хм, сведению!

— Огромное спасибо за поддержку, мерзавец, — хмуро отозвалась я.

— Аллах услышал тебя, строптивая, этот человек тебя не хочет, — сдалась Акиса и тут же прозрела: — Но зачем тогда ты крал честную девушку, нечестивец? И кто теперь ее возьмет замуж?

Похититель, гнусно ухмыляясь, попытался изобразить неприличный жест, демонстрируя, что я уже не «честная девушка». Но с моей джиннией такие вольности не проходят... Как она сама бы выразилась, «глаза ее засверкали праведным гневом», после чего она просто выполнила мою мечту, пинком выбив у него из-под ног табуретку! И спокойно принялась развязывать меня, даже не оборачиваясь на его вопли.

— Она меня убила! Я свернул себе шею!

— Отлично! Так вы мне даже чуточку нравитесь, — съязвила я.

— Да ты маньячка!!!

Правда, кричал он хоть и грозно, но не слишком громко, чтобы не привлечь внимание с улицы. Видно, привык таиться, соблюдая правила конспирации, до боли знакомые каждому горе-маньяку. Бить его мы не стали, но, вызвав «скорую», благополучно отправили в психиатрическую лечебницу: словно по знаку судьбы она находилась всего в квартале от подвала, в который он затаскивал невинных, ну и не совсем невинных девушек, носивших редкие имена. Одевать мы его не стали — зачем давать врачам повод усомниться в том, что это их пациент...

А у джиннии и вправду был больной вид. Лицо осунулось, румянец исчез, под глазами темные круги, и не от косметики (или это все подвальное освещение?). Может, простудилась во время «полетов»? В любом случае, домой мы добирались долго...

Глава девятая, ПОЛУКРИМИНАЛЬНАЯ

Бабушка поджидала нас возле подъезда, в компании двух соседок в качестве группы поддержки взволнованно фланируя по пешеходной дорожке, стараясь не отходить далеко, чтобы с нами не разминуться. Как три богатыря, контролирующие каждый свою сторону света, они караулили все входы во двор. Моя Марта Ивановна хоть и была во многом очень оригинальной старушкой, но беспокоилась за внучку так же, как все бабушки...

— Сумасшедшие ученые, растения-монстры, маньяки, прикидывающиеся женихами, и

наверняка вы мне еще не все рассказали! — сурово обобщила бабуля, не выпуская трубку из зубов, под личным конвоем препровождая нас в квартиру. От любопытных соседок она привычным властным манером быстро отделалась, сославшись на то, что мне нужен покой для восстановления сил после стресса.

А вот дома она оторвалась на мне всерьез:

— Все, мое терпение лопнуло! Глаша, ты немного придеешь в себя, и мы идем в милицию. Там ты все расскажешь и про утренний арбуз, и про этого похитителя, спасибо Акисе за все эти напасти! А ты-то хороша?! Сесть в машину к незнакомому человеку, учишь вас, учишь...

— Акиса тут ни при чем... — Я скосила на джиннию взгляд, ей и так было худо.

Но бабушке надо было выговориться, хотя от нее не укрылось ни раскаяние Акисы, ни ее убитый вид, отчасти вызванный непонятым недоумением, во всяком случае, проявляя благородство, бабушка ни разу больше не попрекнула джиннию. Та по ходу собиралась приступить к любимым поклонам, но почему-то передумала. В общем, укоряли, по обыкновению, меня...

— Всех на ноги подняла, всех взбаламутила! Вот и Миша тебя ищет, не знает еще, что ты нашлась. Позвони ему сейчас же!

— И этот туда же! — Я наконец не выдержала. — Ему-то что за дело, где я и с кем? А может, мне нравится общество маньяков и монстров?! Успокойся, бабуля, шучу, ты все преувеличила, это был обычный поклонник... больной только...

— Все, хватит врать! Я что, не вижу синяков у тебя, а эти следы от веревок на запястьях, сердце разрывается... Завтра же вызываю родителей, а до их приезда из дома ни шагу!

Я вздохнула и переглянулась с Акисой, которая понимающе улыбнулась, зашевелила губами и сделала пасс руками. В следующую секунду бабушка уже возмущенно говорила о недавнем собрании в кружке парашютистов при ДОСААФе, где ей открыто намекали об опасности прыжков с парашютом в ее возрасте, а ее сердечные ритмы якобы не позволяют ей кататься по горам на велосипеде, заниматься скалолазанием, серфингом, рестлингом и в том числе, конечно, прыгать с парашютом.

На что джинния неожиданно заявила, что у нее там в руководстве родственники бабушку (уж это она обещает) обязательно пустят прыгнуть. Таким образом Акиса пыталась загладить вину перед глубокоуважаемой Мартой Ивановной. Хотя не уверена, что она представляет, что такое парашют...

Но проблема с походом в милицию оставалась: если помните, на квартиру вроде бы было наложено охранное заклинание, но арбузный монстр ведь как-то пролез?! А последующие события окончательно уверили меня в мысли, что восточная пери отнюдь не многоопытная, а совсем еще молодая, начинающая джинния... Но тут Акиса шепнула мне, что «достопочтенные соседки случай со злодеем тоже уже предали забвению», и я признала ее профессионализм. Когда хочет — может.

Наконец мы остались в комнате одни, бабушка гремела посудой на кухне...

— А вот теперь ты мне скажешь, что с тобой! Ты на себя не похожа, заболела? — сочувственно поинтересовалась я.

Джиннию мои слова удивили.

— О чем ты говоришь, о необразованная?! Джинны не болеют, это удел смертных!

— Я думала, вы тоже смертные. В своем роде, конечно...

— Да, это с нами происходит, но, слава Аллаху, так не скоро и редко, что мы очень нечасто об этом вспоминаем. Обычно только раз в жизни, перед самой смертью.

В ее устах это прозвучало совершенно серьезно, без намека на шутку.

— Какие вы оптимисты, — не скрывая сарказма в голосе, отозвалась я. Но высокомерная и самоуверенная представительница «существ высшего порядка», кажется, не уловила моей интонации.

После ужина Акисе стало хуже, даже бабушка заметила.

— Что же с тобой делать? Может, выпьешь колдрекса? По-моему, здесь где-то было написано «Противопоказаний для джиннов не выявлено», — неудачно пошутила я. — И подпитаться от газовой конфорки не помешает, ты ведь говорила, что бытовой газ подходит для восстановления сил, которых у тебя явный упадок.

— Пробовала, когда помогала Марте Ивановне жарить курицу, — угрюмо отозвалась моя «опекунша», явно пребывая в своих мыслях. — Не помогло...

— А если это сглаз? Ведь вроде для джиннов характерно, что ими можно завладеть с помощью лампы, печати какой-нибудь или кольца... Ты случайно не теряла в последнее время колечко? Или та пайдза, к которой тебя «приговорили», не могла она тут сыграть свою роль?

— О неожиданно сообразительная, как я сама не догадалась?! Посчитала, что нет мне в ней больше надобности. Но столько хлопот после того как ты освободила меня из заточения, и в основном связанных с тобой, о прихотливая в желаниях... немудрено, что я и не подумала о пайдзе. Мне надо найти ее и вернуть, оказывается, я все еще привязана к ней, и будет совсем худо, если ею завладеет Яман-баба. Я чувствую, что он пытается до нее добраться, если мы не опередим его, он сможет управлять мной.

— Так пайдзу надо украсть?!

— Ай, достаточно разбить... И почему я не сделала этого сразу?!

— А что, если пайдза уже у него?

— Нет, о недоверчивая, иначе бы он давно отозвал служащую тебе дочь джиннов и жестоко с ней расправился. Говори же, если знаешь, что сделал с золотой пайдзой ваш недостойный базилей?

— Все более или менее ценные находки передаются через отделение милиции в наш краеведческий музей, там же проводится экспертиза, после чего наиболее ценные занимают место в экспозиции. Вася сразу же сдал твою пайдзу, значит, она давно в музее!

— Ты должна помочь мне, о великодушная, — повелительно произнесла Акиса, но в ее рубиново-карих глазах читалась откровенная мольба.

— Разумеется, подруга, мы опередим твоего Яман-бабу! — уверенно пообещала я, тихо паникуя в душе при мысли о том, что придется стать музейной воровкой. Хотя пойти на это придется — не оставлять же джиннию погибать во цвете лет!

Ночь прошла спокойно. Впрочем, как и добрая половина дня, в течение которой мы были жутко заняты по дому, умасливая бабушку. Только к вечеру вырвались на улицу, дабы приступить к черному делу, будь то кража либо акт вандализма по отношению к исторической ценности.

Мои познания о труде жуликов исчерпывались исключительно киношными заимствованиями, поэтому я решила, что соответственно случаю наша одежда должна быть черной и облегающей. Но черные джинсы были одни, и зимние, а в футболки у Акисы не влезал бюст, поэтому ей пришлось надеть мой тренировочный костюм, черный, но с красными вставочками. Еще мы надели черные солнечные очки, на моих, правда, не хватало одного шурупчика, так что сидели они криво и постоянно соскальзывали с носа, но ради такого дела можно и потерпеть...

Долететь до места не сумели, дочь джиннов совсем ослабела, и мы свалились на дорожку в парке в десяти минутах ходьбы от музея. Прямо перед нами на лавочке мирно курили поклонники рок-группы «Ария», которым все было по фигу — мы ничуть не потревожили их замутненное сознание. Зато мы рисковали не успеть до закрытия музея.

Всю дорогу джинния тихо издавала возмущенные восклицания по поводу растрченных сил. Теперь я знаю, что даже на заклинание отстройки восьмизэтажного дворца с тысячей комнат сил расходуется всего ничего по сравнению с тем, сколько расходуется на вынужденный полет с девицей, соперничающей по весу с некрупным онагром! А вот это, я думаю, она преувеличила, кто бы ни был этот онагр...

В музей мы успели. Хотя тетка на кассе ворчала, что они уже закрываются и, дескать, что мы рассчитываем там посмотреть за пятнадцать минут и так далее, и тому подобное. Я

уже начала беспокоиться, что она будет читать нотацию, пока музей действительно не закроют, но обошлось.

Нужная нам экспозиция находилась на третьем этаже, получив наконец вожаемые билеты, мы дунули вверх по лестнице. Вернее, я дунула, ну, по крайней мере, попыталась, ведь мне приходилось тащить на своем хребте, как раненого солдата, обессиленную джиннию.

Войдя в зал, мы бросились к стеклянным витринам с жадностью двух голодных гиен, почуявших остатки львиного завтрака (едва Акиса оказалась в нужном месте, как у нее открылось второе дыхание). Смотрительница, наверно, искренне подивилась столь безудержному желанию приобрести максимальное количество знаний о тех временах, когда у нас мирно налаживали свой бандитский быт татаро-монголы.

На стенах висели картины, гравюры со сценами из жизни ордынцев, в центре зала стоял макет городища. На стенде с одеждой выделялась залатанная кольчуга и круглый шлем с пучками волос. Бр-р! Свитки преимущественно с долговыми расписками, посуда (пиалы и кожаные фляжки для кумыса), украшения с бирюзой, оружие и множество всяких муляжей... Здесь были и монеты, кстати, вон те две отчистила лично я! Хотела показать джиннии, чтобы оценила мою работу, как вдруг она тихо вскрикнула:

— Ай, посмотри! Вот она где, слава Аллаху! Басма, послужившая мне зинданом!

— Зинданом...

Я представила футболиста с тонзурой на макушке, прислуживающего джиннии с идиотски-раболопной улыбкой на лице. Странно... причем тут Зидан? Не знала, что они вообще знакомы... Ах, зинданом! Эта жара скоро совсем мозги расплавит. И зачем только я настояла на черной экипировке? А эти обтягивающие зимние джинсы! Хотелось стащить их с себя прямо здесь...

— Мы ее нашли, уже хорошо. Но что будем делать дальше? — прошептала я, задумчиво глядя на пайдзу.

Под стеклом на синем бархате, начищенная до блеска уже музейными реставраторами, она выглядела весьма презентабельно, прямо скажем, достойная коллекций лучших музеев мира. Мы склонились над витриной, я колебалась, не зная, что предпринять. Но джинния, недолго думая, попыталась разбить витрину, мне еле удалось перехватить ее руку.

— Пой, не так прямолинейно, нас сразу же схватят и препроводят в кутузку! — Я почему-то сникла, а моя решимость помочь подруге любыми путями почти испарилась.

— У тебя есть другие предложения, о осторожная? Тогда не медли, у меня кончаются силы. — Освободив руку, Акиса испытующе посмотрела на меня, но, увидев мой отсутствующий взгляд, рассердилась: — Ну а если нет, так не мешай мне, о нерешительная дочь... э-э... нерешительных родителей!

— Надо подумать, — взмолилась я и зашептала: — Все равно стекло слишком толстое. А у тебя точно магии не осталось? А то мы могли бы отключить сигнализацию, заставить стеклышко временно исчезнуть и с пайдзой вылететь в окно (это чтобы не встречаться с охранником внизу, вдруг он поймет все по нашим хитрым лицам!). Да и здесь надо оставить дубликат, который ты создашь из воздуха. Ты ведь можешь создавать копии? И не забыть очистить у всех свидетелей память! Абсолютно у всех, даже у тех курак на лавочке...

— Ай, умная какая! Но знаешь ли ты, сколько для этого надо внутренних резервов, как вы это называете?! А у меня сейчас сил нет и камня потяжелее сотворить.

Акиса надула губы и принялась озираться в поисках чего-нибудь тяжелого, чем можно было бы разбить витрину.

— Ах, ты здесь, моя беглая джинния! Конечно, я предполагал, что вы поспешите сюда за волшебной басмой. Но поздно, глупенькая, у тебя, вижу, совсем не осталось сил... Недолго же ты пробыла на свободе, о непокорная женщина, — вдруг раздался тихий ядовитый голос у нас за спиной. Усиленно размышляя над тем, как в ближайшие минуты максимально незаметно выкрасть пайдзу, если такой способ вообще существует в природе, я не сразу поняла, что обращаются к нам.

Глава десятая, УЖЕ ЧИСТО КРИМИНАЛЬНАЯ

Яман-баба?! Он был в странном черном балахоне, на плечах распахнутый длинный плащ-накидка, пальцы в перстнях, на голове черный платок как у арабов, типичный средневековый чернокнижник. Глаза черные, но горят как угли! Вот таким только в кино сниматься, было бы очень забавно. Но он смотрел на нас так строго и торжественно, что улыбаться казалось уже невежливо...

Но, хм, зачем он так вырядился?! Излишняя и невнятная театральность вредит злым героям... Я обернулась к Акисе, она остолбенело смотрела на своего заклятого врага, даже не пытаясь что-то предпринять или хотя бы возразить. Бедная, видно, сил действительно нет даже на ответные обзывательства...

— Ха! Слепые курицы, вы возомнили себе, что обойдете самого Яман-бабу?! — яростным шепотом продолжал этот коварный тип. — Я тоже решил, что пайдзе будет лучше всего в моих руках, а уж ты, Акиса, дочь Мариджи, сама придешь ко мне за ней, упадешь на колени и, заламывая руки, будешь молить позволить тебе вновь служить Яман-бабе!

Ну и самомнение, и где он его только в таком объеме высидел? Я попыталась ответить ему максимально язвительно, но в голову почему-то не приходило ничего, кроме Чубайса, а этим его вряд ли проймешь...

Помолодевший чародей, игнорируя меня, уставился на джиннию, которая просто вся сжалась под его взглядом, и продолжал измываться:

— Вижу-вижу, ты уже жаждешь отдаться моей власти! Надеюсь, ты будешь более сговорчива и мне не придется причинять тебе боль. На сей раз я более осмотрительно обойдусь с твоей басмой — в тот вечер я слишком много выпил с ханом Топтомышем и его турецкими рабынями. А наутро пришло войско какого-то князя, нам не дали даже отоспаться, так что пришлось в спешке покинуть Рязанщину и отправляться в Узбекистан, где на тот момент было поспокойнее...

— Проще говоря, он потерял мою басму во время пьянки, — презрительно пояснила мне вдруг ожившая Акиса, — видимо, этот эпизод до сих пор болезненно отзывается в ее душе.

— Не во время, а на следующий день! Говорю же, нам пришлось спешно уходить, с этими мстительными русскими всегда столько хлопот, — явно оправдываясь, стушевался Яман-баба, и вид у него был по-детски обиженный.

— А возможно, и подарил турецкой красотке от широты души, если бы только у него была душа! Как ты мог, пропойца и бабник, потерять мою басму?!

— Замолчи, женщина! — Голос Яман-бабы снова стал угрожающим. — Знай же, несчастная, что с тех пор я сильно ограничил себя в употреблении спиртного и много веков ревностно придерживаюсь однажды принятого решения. Да и тогда уже утром похмелялся кумысом...

— Наверно, потому, что в Узбекистане во все времена трудно разжиться приличной водкой! — не унималась Акиса.

Как это похоже на разборки кровных врагов или... семейный скандалчик. Мне захотелось удалиться и не чувствовать себя третьей лишней...

— Ну все, хватит! Глуп тот мужчина, что слушает женщину, к тому же джиннию, ты принадлежишь мне, и я сам буду решать, что с тобой делать. Уничтожить сразу или же прежде заставить тебя перемыть полы во всех трехстах комнатах моего дворца! Ха-ха... кхе-хе... А пайдза поможет мне осуществить это!

Яман-баба с самодовольной миной протянул руку и сторону витрины. После чего я увидела, что стекло исчезло, а пайдза быстро летит по направлению к протянутой ладони злодея. Выглядело это, конечно, впечатляюще, как во второразрядном фэнтезийном фильме.

Вот тут и настал мой звездный час! Стой я столбом, подумала я, может, мне что и

перепадет, но не пайдза. Акиса вообще замерла, зажмурившись, как кролик. Золотой блеск басмы отбрасывал солнечных зайчиков, чародей расплылся в улыбке и...

Я перехватила ее в воздухе, даже не двигаясь с места, и быстро сунула за пояс джинсов. Они облегающие, это надежней, чем в карман, а я сунула так, что любая попытка ее вытащить будет просто актом сексуального домогательства. Потом бегло осмотрелась и заорала во весь голос:

— Мужчина, что вы пристали? Отойдите от нас, а то я позову охранника!

На мой крик мгновенно отреагировали припозднившиеся посетители других залов и подбежавшие бабушки-смотрительницы. Яман-баба на секунду остолбенел и, не сдерживая себя, сорвался:

— Ах ты, лживая... сайгачка!

— Поклеп на сайгаков, — пробормотала я себе под нос. Как можно оскорблять невинных животных только потому, что вдруг вспомнились? Сомневаюсь, что он хоть раз поймал сайгака на чем-то непристойном вроде вранья...

— Что ты вмешиваешься в наши дела, кто ты, вообще, такая? А ну немедленно отдай мне пайдзу, коварная лисица!

— Молодой человек, прекратите выражаться. Вы не просто в общественном месте, вы в историческом музее! Здесь вам не базар, — гневно сверкая очами, вступилась за меня сотрудница музея, немолодая женщина в крепдешиновой блузке с большим бантом на огромной груди. За ней шкандыбала сухонькая старушка со сморщенным лицом (наверное, одна из старейших смотрительниц) и в целом с еще более суровым, непреклонным обликом, чем ее могучая коллега.

И тут Яман-баба совершил жестокую ошибку. Он бросился на меня и попытался завладеть пайдзой. Джинния кинулась мне на помощь. А я по-умному упала животом на пол, молча прижимаясь к паркету, зная, что иначе никак — этот гад прилюдно полезет ко мне в джинсы! Получился своеобразненький «шведский бутерброд»...

Престарелые смотрительницы тоже разом набросились на этого неконтролируемого типа, пытаясь заломить ему руки за спину, да так слаженно, что я не удивлюсь, если они уже не в первый раз работают в паре.

Плюс ко всему вдруг завопила сигнализация! Как будто все это время, с того момента как этот сумасшедший враг человечества растворил витринное стекло, она размышляла, что это было и стоит ли ей в данном случае среагировать или нет. Через минуту в зал вбежали два перепуганных милиционера.

— Что здесь происходит? — глупо осведомился один. Типа своими глазами не видят, да?

— Варвар, манкурт! Вы в музее! — кричала смотрительница с бантом и бюстом, дергая и с треском разрывая черный балахон на Яман-бабе.

— Да у меня орден и шесть медалей за битых фашистов! И не такого в рукопашной отделявала! — торжествующе рычала сморщенная старушка, выкручивая руку общему врагу, пока я с трудом выкарабкивалась из-под него. Джинния тянула меня за ногу, сидя на полу, и больше мешала, чем помогала.

— Бежим отсюда, пока не поздно! — выпрямившись, я попыталась увлечь Акису за собой, помогая ей встать.

— Ай, неразумная, я без сил, — слабо откликнулась джинния, глядя на меня снизу взглядом умирающей лани. — Мне нужна моя басма. Дай, пожалуйста, поддержать, а?!

— Не здесь, потерпи еще немного, — закинув руку подруги себе на плечо, я потащила ее через зал, громко возмущаясь, что уже и в музеях от маньяков не укроешься.

Общими усилиями милиции и музейных работниц наконец скрутили брыкающегося и выкрикивающего восточные проклятия Яман-бабу. Он отбивался изо всех сил, но, увы...

— Обыщите его, пропала бесценная золотая пайдза тринадцатого века! — кричала смотрительница с бантом, прыгая вокруг задержанного «преступника». Старушка подозрительно осматривала оставшихся из любопытства посетителей, буравя их неласковым

оком. К счастью, мы были уже у двери, а вскоре и на улице. Выхватив у меня пайдзу, Акиса приложила ее ко лбу и несколько секунд стояла без движения, словно наполняясь незнакомой золотой энергией. Когда она отняла пайдзу ото лба, золото почернело и превратилось в кусок черной глины... А джинния чудесным образом мгновенно сотворила из воздуха молоток и несколькими яростными ударами расколола табличку.

— Надо было расколоть ее сразу, как только ты освободила меня. Но неважно, дело сделано и больше злобный Яман-баба не сможет использовать эту басму в очередной попытке получить власть надо мной. К тому же, о помогающая джинниям в беде, я чувствую, что сил во мне стало во много крат больше!

— Правда? Поздравляю, очень рада, а теперь...

— Теперь, я думаю, мы сможем скрываться от него где угодно, и я усилю магическую защиту квартиры! Отныне ни один враг не смеет перешагнуть ваш порог, даже если многоуважаемая ханум Марта Ивановна сама пригласит его войти, как получилось с тем арбузным чудовищем. И главное, теперь мы спокойно можем заниматься твоей судьбой, ибо я не отказываюсь от своих слов и найду тебе достойнейшего мужа!

— Ну наконец-то, а то... Стоп, сначала поясни мне одну вещь, о воскресшая как от порции газа... Тьфу! Тебе не показалось, что у него слишком уж двусмысленно звучало: «Ты будешь мне повиноваться и телом, и душой, о непокорная женщина!»? — сгустив голос, изобразила я. — Или еще это: «Ты жаждешь отдаться моей власти»? Прямо как-то неловко было слышать такое от взрослого человека, причем твоего знакомого, я даже покраснела...

Джинния тоже покраснела и демонстративно ускорила шаг. Я впервые начала ее серьезно подозревать, ибо смутные сомнения никогда меня не обманывают... Ну, так кто же он на самом деле — зловредный чародей или ревнивый возлюбленный, в воспитательных целях заточивший ее в пайдзу? Какие на самом деле их связывали отношения? Хм-хм... Чую, она многое недоговаривает, если уж не сказать прямо привирает...

Мы торопливо шли по центру города. Вечерело, удушающая для девушек в толстых джинсах жара спала. Или я попросту притерпелась...

— К тому же, о засидевшаяся в невестах уже три дня, теперь дело пойдет быстрее, — вдохновенно продолжала Акиса, игнорируя мои вопросы. — Отныне я смогу перенести тебя в любую часть света, чтобы твой выбор пал на наидостойнейшего из представителей Адамова племени. А исполнив данное обещание, я стану свободна в своих передвижениях и скроюсь там, где проклятый Яман-баба меня за сотни лет не отыщет!

— Подожди-подожди, ты сказала, в любую часть света?!

— Да, о причудливая в выборе, вижу, у тебя уже имеется желанный кандидат среди известных мужей твоего времени, — удовлетворенно заметила джинния.

— Ага, и первым делом я бы хотела познакомиться с... нет, только не с Киркоровым!

— Ах, вот вы где?! Думали, простые смертные стражи даже при помощи этих ужасных старух удержат великого чародея всех времен и... — Из-за угла ближайшего дома, прихрамывая, выскочил помятый в музее злодей с физиономией и прической попсового певца.

— О Аллах, опять он! Я должна была догадаться, что надолго они его не задержат, и бежать отсюда подальше!

— Но ты же теперь могущественна, — напомнила я, сквозь черные очки беззастенчиво разглядывая сверкавшего лохмотьями чародея. Почему-то я несколько не волновалась, уверенная, что наивный Яман-баба уже почти бессилен перед отчаянной Акисой.

— Могущественна?! Ай, ну да, конечно! Так ты хочешь вступить со мной в схватку, несчастный колдун?! Знай же, о коварнейший, что тебе не одолеть меня в честной борьбе! Силы мои возросли втрое, а ты что можешь этому противопоставить? — гордо вскинулась Акиса, уперев руки в бока.

— Кое-что у меня еще есть, — нервно ответил Яман-баба, лихорадочно поправляя на груди жалкие остатки черного одеяния.

Я огляделась по сторонам, боясь, что мы скоро начнем привлекать внимание

окружающих, а ведь мы еще от музея недостаточно удалились. И тут увидела в конце улицы знакомую фигуру в курсантской форме. Ура! Это наш Миша, да еще с напарником, и идут прямо к нам. Я запрыгала от счастья, старательно размахивая руками над головой...

Яман-баба, дернувшись, тоже сразу узнал моего соседа:

— Стражник с рынка, уязви его шайтан! Нет, на сегодня с меня хватит стражников... Но не радуйтесь, женщины, ибо вы меня еще попомните. До заката! — торжественно пообещал он, злобно сплюнул и, запахнув драный плащ, нырнул в ближайшую подворотню.

Миша с напарником ускорили шаг, они явно хотели пообщаться с беглым колдуном поплотнее.

— Кто это? Странно знакомое лицо. Серега, задержи его. В этом дворе, кажется, тупик, никуда от нас не денется. Тоже психопат какой-нибудь?

— Точно, психопат и есть! Сбежал из больницы, а нам представился злым волшебником из арабских сказок, правда?!

Поймав мой взгляд, Акиса с усмешкой покачала головой.

— Не затрудняй себя, о доблестный стражник, там ты его уже не найдешь, — с авторитетным видом обратилась она ко второму курсанту, скрестив руки на груди и поклонившись.

Тот недоверчиво посмотрел на джиннию, заколебался, но во двор решил заглянуть. И вышел оттуда буквально через минуту.

— Там никого нет. Проверить жильцов не получилось, но у него просто не было времени куда-нибудь спрятаться.

Тут следом за ним выскочила пятнистая драная собака, и то и дело оглядываясь на нас (подозрительно знакомые у нее глаза!), побежала по улице. Если я что и поняла, то рот открывать не стала — не поймут и сдадут в ту же психушку...

Глава одиннадцатая, СОБАЧЬЯ И БОЛТЛИВАЯ

Миша с товарищем только заступили на ночное дежурство, поэтому долго оставаться с нами не могли. Они отправились по своим делам, но прежде посадили нас с Акисой на маршрутку, и мы поехали домой. В родной двор заходить не стали, чтобы не нарваться на неприятную встречу с каким-нибудь очередным подосланным колдуном монстриком или с ним самим, надоело уже...

Джинния сразу перенесла нас на площадку перед Дверью. Интересно, соседи напротив уже заметили наши исчезновения и появления? Дома нас ждал новый жилец. Большой, лохматый и пахнувший псиной.

— Это Найда, собака Анастасии Петровны. Она поехала на вокзал за бронью, сегодня одиннадцатичасовым автобусом мы едем с ней в санаторий на лечебные грязи!

— Какой санаторий?! Куда? Ты же ничего мне не говорила.

Я с грустью уставилась на собаку, в душе копошилось нехорошее предчувствие...

— Ну, конечно, не говорила — мне самой только что сообщили. Анастасии Петровне на работе как самой старой работающей пенсионерке дали две путевки в Тинаки, чтобы она с мужем поехала. А Володя у нее еще в восьмидесятых помер, но она, ясное дело, не стала раскрывать карты. — Довольная бабушка докурила трубку и продолжила энергично паковать вещи.

— И собаку вы с собой берете, уважаемая? — наивно поинтересовалась Акиса.

У Найды, собаки неизвестной породы (скорее это помесь дворняги с Лабрадором), вид был крайне вялый, болезненный, я бы сказала. По всем признакам в путешествие в ближайшее время она не собиралась, разве только в последний путь.

— Найда остается на вас. Анастасия Петровна уверила меня, что с ней не будет никаких проблем. Единственно она любит гулять, и подолгу, несмотря на то что одна лапа у нее на пять сантиметров короче других, это из-за травмы. И еще она не может оставаться

одна в квартире, у нее страх одиночества. Это уже возрастное....

Глянув в обманчиво невинные глаза больной собаки, я подумала, что это мы еще посмотрим. Хватит ей и включенного телевизора, эффект присутствия живых людей будет обеспечен. В любом случае не повесится же она, если мы с джиннией чутко погуляем...

— Да, и оставленным включенным телевизором ее не обмануть, это с ней не проходит!

Я с ненавистью посмотрела на хитро прищурившуюся после бабушкиных слов собаку. Но вариантов не было, спорить бесполезно и небезопасно. Ладно, Найдой займется джинния, а я поскорее шмыгнула в свою комнату освободиться от душной водолазки и джинсов. Потом накинула халатик и пошла в ванную.

Холодный душ — об этом я мечтала весь вечер! Прикрыв за собой дверь, я включила воду, разделась, потянулась к крану, чтобы пустить воду, и остолбенела. В ванной сидели два одинаковых маленьких существа с азиатскими чертами Яйца, в черной слизи, третий такой же вылезал из сливного отверстия. В воздухе слабо распространялся запах канализации...

— Мам дома? — деловито поинтересовался самый чумазый, глядя на меня чистыми глазами.

— Нет, — обалдело покачала я головой.

— А пап дома? — осведомился другой.

— Нет, — на автомате ответила я, лихорадочно пытаюсь за спиной нащупать ручку двери. Но выскользнуть я не успела...

— Ощинь харшо, — удовлетворенно кивнули они и, обменявшись друг с другом самыми паскудными взглядами, резко набросились на меня. Один вырывал у меня полотенце, двое других дико щекотали за ноги. Потом первый, быстро вскарабкавшись по шлангу душа, прыгнул оттуда мне на шею и стал щекотать везде, где доставали его шаловливые ручонки. Оторвать их всех было просто невозможно, я задыхалась — еще полминуты, и все, безвременная смерть от щекотки!

— Бабушка-а-а!! — в отчаянии завизжала я, толкая попой вдруг заклинившую дверь и прыгая и извиваясь в попытке сбросить адских существ.

Бабуля почти мгновенно пришла на выручку, чуть не сорвав дверь с петель, и, не задавая лишних вопросов, принялась колотить дымящей трубкой мелких чертят или демонят (их порода мне неизвестна). Те недовольно залопотали — видно, черепашки не настолько крепкие, чтобы выдержать тяжесть массивной ореховой трубки, помноженной на силу удара женщины, которая в пору гиперактивной молодости успела и молот пометать.

Бабушка своей массивной фигурой зажала меня в угол и без того крошечной ванной, на месте расправляясь с чертенятами, посмеявшимися напасть на ее любимую внучку. А уже следом, сопровождаемая любопытствующей Найдой, подросла и джинния.

Увидев мелких паскудников, Акиса прокричала несколько раз какое-то заклинание, после чего щекотальщики с громкими воплями и ругательствами попрыгали в ванну. Как они просочились в сливное отверстие — непостижимо, но это факт, не подлежащий сомнению!

Боже, что за неделя?! Сколько всего и всякого вторглось в мою размеренную жизнь вместе с этой пленницей пайдзы, такое и за сто лет не увидишь, даже рискнув дожидаться праправнуков. Я с трудом вылезла из-под раковины, куда меня вмяла моя спасительница бабушка...

— Это аят из Корана, шайтаны его очень боятся, Марта Ивановна, — охотно пояснила Акиса. — Аи, вы же опоздаете на автобус, почтеннейшая!

Бабуля же как воинствующая атеистка на упоминание Корана даже бровью не повела, а вот о поездке санаторий, видимо, не забыла. В любом случае она автоматически сунула трубку в зубы и, развернувшись, оправилась допаковывать свои сумки.

— И что, вот это вот и есть суперукрепленное магическое заклинание против проникновения в дом всякой нечисти?! Ты хоть что-нибудь можешь сделать по-настоящему?

Джинния пожала круглым плечиком... Типа зато она наложила такое заклинание, что

бабушка теперь сразу забывает все козни, творимые Яман-бабой у нас дома. Ну а мелкие дэвы (вот они кто!) пролезли через сливные трубы, на которые защита не распространяется. Вот попробуй они сунуться в дверь или окно — диверсантов бы размазало тонким слоем пепла по неровной поверхности без единого шанса на воскрешение!

Иногда я просто дурею от умения джиннии во всех — ситуациях находить себе оправдание...

На автовокзал бабушку с подругой отвезил наш сосед по площадке дядя Боря. Мы с Акисой остались Дома, а если бы рискнули вызвать такси, на нем бы почти наверняка приехал Яман-баба с наклеенными усами. Ночью ничего не произошло. Может быть, потому, что я спала чутко, с молотком под подушкой и бдя вполуха...

С утра пораньше меня разбудила Акиса при полном параде. Причем лишь для того, чтобы сообщить, что одна из ее многочисленных тетушек заболела вирусным гепатитом и ей надо слетать навестить старушку. И как это у моей «вершительницы счастья» получается всегда быть в курсе происходящего в далеком родном государстве? Я отпустила ее сонным мычанием и с наслаждением провалялась в постели еще часа три... Как хорошо дома одной! Но, едва я с аппетитом принялась за оладьи, которые приготовила на скорую руку (немного бледноватые и полусырые, но в остальном полное совершенство!), как в дверь постучали. Несмотря на то что джинния вчера перед сном наложила дополнительное заклятие непроникновения уже и на ванную, я в это утро умывалась на кухне, какие-то силы при каждой попытке перешагнуть порог ванной разворачивали меня на сто восемьдесят градусов. Не исключено, что и ее упрямый враг мог ответно мобилизовать самых сильных своих приспешников!

Так что к двери я подошла на цыпочках и с довольно неоптимистичными мыслями в голове. Уфф, это был Миша, но, по-моему, мы начинаем с ним слишком часто сталкиваться...

— Я не помешал? — спросил он, вытягивая и без того длинную шею в попытке кого-то или чего-то высмотреть у меня за спиной.

— Нет, что ты! — счастливым голосом воскликнула я, загораживая проход (на двоих оладьев не хватит!). — А у тебя все хорошо? Ну, тогда была рада снова видеть. Пока-пока!

— Спасибо, я это... Отец мне сейчас рассказал, что вчера ночью, когда я был на дежурстве, он видел в ванной нечто необычное — прямо из стока выскочили существа, подозрительно похожие на чертей, с азиатскими чертами лица, небольшого роста...

— Ха-ха, ну конечно небольшого, а то как бы они пролезли в сливную трубу... В смысле в жизни не слышала ничего подобного! Везет же некоторым, с чертями встречаются...

— Папа не пьет, если ты об этом, — чуть надулся Миша. — Но он не мог не отметить, что они крайне напуганы. А один из них, прежде чем исчезнуть в токе раковины, с ужасным узбекским акцентом, тыча пальцем в потолок, сказал: «Шайтан-бабушка!»

— Ну и что? Эй, да не подозреваешь ли ты в чем-то мою бабушку?!

— Я про твою бабушку ни слова не сказал... ты сама.

— А зачем тогда пришел? Провести очную ставку с бабулей насчет чертей? Так ее нет, она вчера вечером уехала. И вообще, хватит мне сказки рассказывать! Я, конечно, ни на что не намекаю, но если твой папа не пьет, а чертей видит, да еще они с ним и разговаривают... случай уже клинический, нет?

Мой сосед слегка смутился, но, как ему свойственно, ненадолго.

— Не заговаривай мне зубы, Аглая, я знаю, что они были. Отец у меня человек рациональный и до сих пор ломает себе голову, пытаюсь объяснить это с научной точки зрения. Ведь как получается — стояк у нас один, труба одна, слив один, значит, они вполне могли спуститься от вас. А учитывая, что с тобой в последнее время связано столько необъяснимого.... Послушай, черти — это уже перебор! Расскажешь ты мне наконец, что происходит, или нет?! Я ведь, твой друг, хочу помочь, потому что ты в этом нуждаешься.

Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза. Видя, что он прощаться не собирается, я решила.

— Ладно, заходи.

Но прежде я оттащила, схватив за задние лапы, успевшую разлечься у двери собаку. Та только зевнула, широко оскалив пасть, по-моему даже не просыпаясь.

Рассказ получился сумбурным, тем паче что оладьи остыли и ела я их быстро. Миша слушал внимательно, не перебивал и, похоже, верил. Особенно в ярко описанные мною сцены с Яман-бабой, который и у него не вызывал симпатий...

— Рад, что ты не побоялась выговориться. Но, честно говоря, у меня от всей этой демонологии просто голова кругом.

— Да-а, а я в этом живу! И как только ты папе своему поверил?!

— Не сразу, по-настоящему только после твоего рассказа. Хотя, признаюсь, без всяких улик, основываясь только на интуиции, связал чертят с тобой. Но многое все равно остается непостижимым. Джинния в нашем мире...

Только сейчас до меня дошло, как давно мне уже требовалось сбросить груз всего необычного, что произошло со мной, и поделиться с понимающим меня человеком (хоть бы и милиционером)! Акиса, конечно, хорошая подруга, но она джинния. Оказывается, мне было нужно и самой на все это взглянуть со стороны и окончательно убедиться, что это не шизоидный синдром от перегрева на раскопках и я не чищу сейчас монеты, воображая, что болтаю с соседом на кухне...

— Жаль, конечно, что вчера, когда ты подверглась нападению чертят (или скорее, раз они восточной национальности, шайтанят), я был на дежурстве. Но почему ты не позвонила мне или в милицию, ведь у твоей бабушки есть мой сотовый? И на похитившего тебя субъекта, назвавшегося Аполлинарием Феокистовичем, надо было все же заявить в отделение! Я, конечно, выясню, действительно ли он сейчас в психиатрической лечебнице. Как думаешь, сумеешь показать тот подвал и опознать личность преступника?

Ну вот, влипла со своими откровениями... Теперь меня по следователям затаскают.

— Вообще-то мне очень некогда. Во-первых, мы от Яман-бабы спасаемся, а во-вторых, у меня свои дела с Акисой есть, личного плана...

Но Миша строго сказал, что женихи подождут: как товарищу по детским играм я рассказала ему и об этом, хотя уже корила себя за излишнюю болтливость. Он хороший парень, но я отношусь к нему только как к другу. Да, но с какого момента он успел им стать? В смысле стать другом... Он же мне просто сосед с нижнего этажа!

Уф, совсем запуталась...

— С азиатским колдуном я постараюсь вам помочь. Можно попытаться вычислить по нашим каналам — кто он, где остановился в нашем городе, но на это уйдет время. Проще будет задержать его самого при очередной попытке нападения на твою Акису. Надо подумать, как организовать твое сопровождение...

— Ха, будешь моим телохранителем?! А как же твоя практика и экзамены?

— От них, конечно, не сбежишь, поэтому, к сожалению, я не смогу быть рядом все время. Но постараюсь...

Не понимаю, с чего бы у него такое воодушевление? Обычных преступников не хватает, что ли? Или я сегодня как-то особенно выгляжу...

— У меня есть на этот счет несколько идей, но их надо обдумать. Все, я уже опаздываю в училище. Как только освобожусь, позвоню. Твой сотовый у меня есть, не беспокойся, — деловито добавил он, засобиравшись.

— Э-э... откуда... собственно?!

— Марта Ивановна дала, когда мы пытались тебя найти.

— А я его в тот день дома оставила...

Миша укоризненно покачал головой и посоветовал больше не забывать телефон, если надо, деньги на счет он мне сам положит, главное, чтобы со мной всегда можно было связаться.

Ну надо же... Я сразу и не нашлась, что сказать, только открывала и закрывала рот наподобие золотой рыбки. Уже на пороге он вдруг остановился, взглянул на Найду и странно

изменившимся голосом поинтересовался, давно ли я ее кормила.

— Недавно, только вчера... — Я покосилась на скучающего Лабрадора. Странная собака, могла бы и напомнить о себе, если есть хочет.

И пошла насыпать ей сухого корма, благо бабушкина подруга оставила его достаточно, чтобы свалить с язвой здорового и молодого чемпиона собачьих бегов, не говоря уже о не занимающейся спортом пенсионерке Найде. Но за неделю псина вряд ли умрет, главное, не перекормить ее этой гадостью, и мы предъявим собаку любящей хозяйке в полуживом виде. В живое состояние ее вернуть по всем признакам уже много лет нереально...

Глава двенадцатая, МОДЕЛЬНАЯ

Покончив с кормлением животного, я вернулась к своему завтраку и, попивая остывший кофе, чуть им не захлебнулась, потому что вдруг прямо на моих глазах из кухонной стены выскочила джинния. И вид у нее был такой, будто она спасалась бегством от стаи одичавших кошек — лицо и руки расцарапаны, волосы дыбом, глаза горят безумным огнем, парчовый халатик местами порван и покрыт необъяснимыми разноцветными пятнами.

— Ты что, в косметичку с разбегу упала? — выпалила я первое, что в голову пришло.

Акиса непонимающе посмотрела на меня, потом быстро оглядела свою одежду.

— Пустяки. Просто я так сильно торопилась к тебе, не замечая ничего на своем пути, чтобы объявить: сегодня я достану тебе жениха!

— Эй, куда так торопиться? Я не успею выбрать. Ведь с каждым надо пообщаться и пару-тройку дней вместе провести, убедиться, что он и есть тот, единственный! Я еще и со списком не определилась. Кстати, напоминаю, ты сама вчера сказала, что я могу выбирать любого из достойных мужей своего времени.

— Да, о взыскательнейшая, — обреченно вздохнула Джинния и уже непререкаемым тоном добавила: — Но не беспокойся, мы все успеем. Не обязательно встречаться с каждым, чтобы понять, что он тебе не подходит. По твоим рассказам, даже самым скудным, я выберу достойнейших, а на остальных сама слетаю посмотрю, чтобы не отнимать твое драгоценное время, ведь тебе надо позаботиться о приданом, наткать ковров и покрывал, вышить на них растения, произрастающие в райском саду!

— Понятия не имею, что там растет. Да и в любом случае не пытайся меня перехитрить, не собираюсь я выбирать мужа с бухты-барахты за один день! Может, мне потом всю жизнь придется расхлебывать последствия опрометчивого шага.

— Ладно, о предусмотрительная, я уже поняла, что ты хочешь иметь земного мужа, обладающего неземными достоинствами. Поэтому не будем тратить время на разговоры, доедай свои лепешки и пиши список.

Для составления списка пришлось порыскать по квартире в поисках журналов и газет с хрониками светской жизни, кино и политическими обзорами. Я чувствовала, что если взяться за это дело всерьез, то день пропал безвозвратно...

— А может, ну его, список, остановлюсь на каком-нибудь знаменитом модельере! Мне всегда нравились люди искусства, и кто из девушек не хотел бы одеваться в коллекционные модели? А тут еще и бесплатно! При условии, конечно, что он будет традиционной ориентации, а то мне хватило впечатлений и от одного «перевоспитанного» гея.

Я улыбнулась, чтобы смягчить свои слова, осознав, что они могут задеть Акису, которая еще переживала «профессиональную неудачу». Джинния на секунду надула губы, но тут же удивленно и насмешливо поинтересовалась:

— Подожди-ка, ты говоришь о портном?! Не смеши меня, разве бывают знатные портные?

— Бывают! Полным-полно, и мало того что знатные, так еще и богатые до безобразия! А самые знаменитые, ну, к примеру — Зайцев, Юдашкин, Джон Гальяно, Хьюго Босс, Жан-

Поль Готье, Пабло де ла Аренда. Вот он точно холостой, недавно про него читала...

— Не смей меня бессмысленной ложью! Может быть, еще и сапожники знатные есть?

— Есть, о неверящая, — я показала Акисе язык, — Кейт Спэйд, Джимми Чу, Патрик Кокс. У меня даже один раз босоножки были от Патрика Кокса! Правда, китайские, ненадолго их хватило...

— Ай, еще и богатые, говоришь? Наверно, за еду у господина работают.

— Вот сейчас найду про де ла Аренду, здесь в каком-то журнале было, сама увидишь, как он живет! Там есть фотографии его виллы, яхты, интерьеров дома...

Когда обширная статья о модельере, проживающем в какой-то банановой республике, с видами его поместья с пальмовым садом была предъявлена джиннии, та сразу мне поверила и, быстро пробежав статью глазами (где научилась читать на русском, не знаю), решительно отбросила журнал и вскочила на ноги, едва увидела отметку о его холостом статусе.

— Не будем терять время, о практичная в поиске, надо спешить, а то упустим такого перспективного жениха! Этот журнал когда вышел?

— Четыре месяца назад, — сообщила я, посмотрев выходные данные.

— Портной мог уже жениться, но будем полагаться на милость Аллаха, быть может, он сохранил его для тебя! — торжествующе воскликнула Акиса, велев мне поскорей одеваться и причесываться. При этом она тщательно следила за всеми моими действиями, забрала мои любимые потертые джинсы и маечку с Симпсонами на груди. Вообще-то весь мой невеликий гардероб состоял главным образом из армейского стиля брюк с обилием ремешков и футболок с блузами-рубашками преимущественно нейтральных цветов. Носить яркое и всякие там платья с оборочками я всегда считала немножечко безвкусным. Консервативная же джинния уверенно заявила, что в этом и пьяного тушканчика не соблазнишь, мужчины любят женственные формы и больше открытых пространств...

— Надень это. — Джинния извлекла прямо из воздуха неглаженный набор тряпья. — В таком же платье была мать матери моего отца...

— Прабабушка, — тихо поправила я.

— ...Э-э, ну да, прабабушка, когда ее увидел отец отца моего отца, потом он ей сказал, что в нем она похожа на возлюбленную небесами праматьер Еву, — важно процитировала Акиса, торжественно вручая мне «обнову».

Я чувствовала себя Золушкой, терпеливо внимающей напутственным речам крестной феи, дабы получить дармовые подарки. Вот только прабабушкино платье никак не походило на Золушкин наряд. Восхитить им на балу принца нельзя, но поразить оригинального модельера... Хм, может сыграть как раз в плюс! Главное, во дворе так не появляться, собаки обезумеют и начнут кидаться...

— Надеюсь, оно хорошо сохранилось? — спросила я, осторожно разворачивая прозрачный халат с блестящими нитями, отливающими всеми цветами радуги, с двух- или трехслойным ступенчатым подолом, свисающим рванными лохмами. Из-за этих лохм я подумала, что достопамятное знакомство Акисиных предков произошло бог знает сколько тысяч лет назад и с тех пор костюмец несколько поистрепался...

— Нет, о щепетильнейшая! Я воссоздала этот наряд по выкройкам, то платье изорвали собаки, когда моя почтенная прабабушка решила погулять в вашем мире. Так все равно оно тебе было бы несколько великовато, ведь она была из ифритов, а они самые огромные среди джинов и обычно наступают на все, что меньше быка...

— Тогда какого же размера были собаки?

— Аи, обычные, с волка или чуть больше! До края подола допрыгивали, как видишь... Ну, одевайся скорее, тебя ждет муж! Он еще не знает, какое болтливое счастье уготовил ему Всевышний...

Я бросила задумчивый взгляд на свои стоптанные босоножки. Джинния быстро подсунула мне соответствующую обувь — шитые золотом тапочки с загнутыми кверху острыми носками. Ансамбль довершала расшитая бисером тряпичная сумочка, какими торгуют в индийских лавках.

Наведя макияж и наскоро причесавшись, я отказалась от укладки, к великому неудовольствию Акисы, которая собиралась наvertеть у меня на голове нечто в стиле царицы Савской. Куда лучше так, простенько и живенько. Согласитесь, для того чтобы сразить мужчину, и прозраченького халата бабушки-джиннии вполне достаточно...

Но смыться незаметно для Найды мы не успели. Она насторожила уши, еще когда я начала переодеваться, а через пару мгновений, видимо утвердившись в своем предположении, ожила, окончательно, я даже не предполагала в ней столько жизненных сил. Позабыв о возрасте (мое платье ее тоже не испугало), она нарезала круги вокруг нас, громко выла, скулила и повизгивала, даже не опасаясь, что ее примут за ненормальную и усыпят!

Мы хотели плюнуть на нее и уйти, так эта зараза принялась грызть подушку, стащив ее с моей кровати, одновременно лапой пытаюсь разодрать выпавший из-под подушки дневник, куда я записывала памятные свидания и кое-что из секретов подруг. Пришлось пойти на хитрость...

Найда спокойно дала прицепить к ошейнику поводок, но едва я, торжествуя в душе, попыталась быстро привязать ее к батарее, псина рванулась к двери, демонстративно поскребывая ее передними лапами. Положение спасла куда-то исчезнувшая на полминуты и вновь материализовавшаяся Акиса...

— Слушай, у нас крупные проблемы с этой хвостатой дурой! Как мы там втроем появимся, у него на вилле? Нас запросто могут принять за цыганок и спустить с лестницы вместе с собакой!

— Я уже все подготовила, о паникующая без повода! Нас ждут... Разве ты забыла, что способности мои безмерно возросли?! Только не спрашивай подробностей, сама увидишь!

Ага, а когда я попросила ее помочь мне с Найдой, сказала, что ее магия на собак не распространяется! И почему бы не взять псину с собой, она всегда мечтала выгуливать какого-нибудь щеночка, а у джиннов собак нет. Ну, что тут скажешь!

В общем, мы, то есть две странно одетых девицы и чудаковатая пожилая лабрадорша, перенеслись к воротам виллы Пабло де ла Аренды. За кованой решеткой простирался огромный сад с пальмами и другими эк-, отическими растениями. Доносился щебет птиц и собачий лай, не иначе как ротвейлеры.

Я жутко разволновалась, Найда тоже начала шумно дышать, высунув язык и мелко подрагивая, хотя переход перенесла на удивление спокойно, даже с каким-то безразличием на морде. Подозреваю, что джинния, что бы там ни говорила, все-таки имеет на собаку какое-то воздействие. Но, возможно, я на нее наговариваю...

— И что дальше? Будем звонить и врать, что прогуливались мимо и решили заглянуть в гости?

— Просто назови себя, нас ждут! Конечно, имя у тебя неблагозвучное, но я решила оставить какое есть, после свадьбы добавишь к нему пять-шесть титулов...

— А меня устраивает вполне, что я Аглая Морозова! Вот только... как насчет языка?

— Ты будешь говорить на том языке, на каком заговорит он, о до сих пор не верящая в предусмотрительность и могущество джиннов! — не выдержала Акиса. — Ладно, слушай и внимай изощренности моего плана. Ты девушка, которая хочет в приятной беседе расспросить знатного господина портного о его жизни, записать этот рассказ и опа-опубликовать чудесную историю о его дивных достижениях в одном из этих ваших... э-э...

— ... журналов?!

— Да, журнале для женщин. А называется он «Эль»! В этом слове слышится падение капель начинающегося дождя в оазисе, столь благодатного для жителей пустыни, и оно как будто взято из моего любимого арабского языка, где оно значит «бог». И ты будешь спрашивать этого портного обо всем, что тебя интересует, за короткое время узнав, подходит ли он тебе в мужья? Воистину мой план не знает изъянов!

Конечно, идея лежала на поверхности — очередное интервью для еще одного женского журнала. Держу пари, он раздает эти интервью по десять штук на неделю...

Глава тринадцатая, ИЗЫСКАННО-МАЗОХИСТСКАЯ

Я нажала кнопку домофона на кованых воротах, но оттуда полилась абсолютная тарабарщина, видимо местный диалект какого-то псевдоиспанского, это же островная республика. А джинния говорила, что все услышанное будет звучать как родная речь.

Ну ладно, там на месте разберемся. Я назвала себя и Акису, фамилии которой до сих пор не знаю (а есть ли вообще у джиннов фамилии?!), представив ее своей ассистенткой-фотографом, и нас пригласили войти. Не то что я разобрала слова, но пока все и так понятно. Ворота запищали и открылись. Мы шагнули внутрь, сразу оказавшись в саду. О, это был настоящий шедевр ландшафт-дизайнера, — достигшего неплохих результатов в очередной попытке воссоздать райские кущи... На гаревой дорожке у дома нас встретил сам де ла Аренда, стройный седой мужчина лет пятидесяти, стильный от прически до ботинок. Блин, а на фото в журнале он выглядел значительно моложе...

— О, buenos días, прекрасные сеньоритас! Estoy muy encantado! Me enamore!

Я вздохнула про себя, покосившись на джиннию, она и ухом не повела. Браво, а как же обещанный пол ный перевод? Либо сам модельер говорит с жутким акцентом, либо я его понимаю через пень колоду...

— Восточный коллекция Валентин Юдашкин, — ревниво констатировал он, мельком глянув на наши одежды. Ну, дескать, все это вчерашний день, его же творческая мысль шагнула далеко вперед...

После того как мы представились уже лично, де ла Аренда попросил называть его Пабло и вежливо поинтересовался:

— Как вы добратся? Как перелет в avion? Какой simpatico perro! — Он восхищенно помахал руками перед носом у Найды.

— Спасибо, но это она. В смысле, не perro, а су... ой! Слово какое-то неблагозвучное, не кобель, в общем! Добрались хорошо, вот только наш самолет нечаянно приземлился на плантацию кофе, поэтому урожай «Чибо» в этом году будет с привкусом «Аэрофлота», — заумно пошутила я, расслабившись. Ладно хоть наполовину его речь понятна, остальное домыслим по ходу...

Мои слова взволновали хозяина, оказывается, у него самого несколько плантаций кофе и какао-бобов. Он-то все воспринял всерьез, глупая шутка получилась.

— Вы говорите по-русски?

— К сожалению, нет, не говорить ни слова, — радостно улыбнулся де ла Аренда, ведя нас на веранду, где стоял ротанговый столик с креслами. (Черт, на каком же он тогда сейчас говорит?) Едва мы уселись, рядом бесшумно возник слуга-негр. — А вы по-испански, сеньорита Агелая?

— Аглая. Нет, не говорю, к сожалению.

Пабло согласился, что действительно жаль, так как чудесней языка он не знает и на нем говорят великие люди мира — Бандерас и Агилера. И тут же предложил что-нибудь выпить, пока готовится обед: sopa de ajo, национальная разновидность чесночного супа, и паэлья.

Что ж, первое впечатление приятное... Галантен, гостеприимен, подтянут, следит за собой, элегантен, внимателен, пока я не видела в нем недостатков. Кроме возраста, конечно, но разве это так уж важно, если мужчина тебя любит? А джинния явно внушила ему ко мне самые теплые чувства, обожание просто читалось в его глазах. Только если оно не относилось, по признанию самого де ла Аренды, к его любимому принесенному слугой castellano vilno «Dell toros»...

Я заказала стакан сока, почувствовав легкий укор совести за то, что мы с Акисой коварно манипулируем человеком. Чтобы как-то успокоить душу, дала себе слово, что стану самой хорошей и преданной женой! Буду не только мыть посуду, но даже готовить, в случае если мы вдруг разоримся и не сможем платить повару. Я мило улыбалась, строя глазки, пока не вспомнила наконец, что я ведь журналистка и пришла сюда взять интервью у знаменитого

модельера, одевающего Сандру Баллок и кого-то там еще...

Мы начали с вопросов, действительно ли он холост в данный момент, есть ли у него дети, где живут его родители и как сильно они вмешиваются в его жизнь? Мой будущий муж немного удивился и попытался сменить тему. А когда я стала расспрашивать, какой у него доход с показов мод и сколько дают в год его кофейные плантации, он явно занервничал, озадаченный тем, что разговор пошел не в том направлении, а отказаться отвечать он не может, боясь меня обидеть. На его счастье, снова возник слуга, интересующийся, подавать ли обед. Пабло посмотрел на него с такой благодарностью, будто это был сам Робин Гуд, спасший его, не платящего налогов доброго поселянина, от допроса с пристрастиями у шерифа Ноттингемского...

Джинния, зевая, разглядывала авангардные фрески на стене, Найда от жары и бездействия уснула под столом. Ну если даже собака с нервными расстройствами чувствует здесь себя спокойно и безмятежно, значит, это хорошее место. А кто в значительной степени и создает ауру жилища, если не хозяин? Да и ответы де ла Аренды на те вопросы, что я успела ему задать, никак против него не сыграли. Кажется, я действительно нашла подходящего суженого. Будем брать!

К явному облегчению Пабло, я милостиво согласилась продолжить интервью после обеда, так как и сама успела проголодаться. Но я ведь теперь только и должна делать, что облегчать его участь, чему отныне будет посвящена основная часть моей жизни! Найде, отозвав собаку в сторонку, тоже дали корма в миске. Какая внимательность! Нет, мне здесь определенно нравится...

После обеда я попросила показать нам дом, прежде чем мы вернемся к интервью. Тем более что запас вопросов у меня иссяк. Акиса все-таки сообразила вытащить из сумки прихваченный из дома скромный фотоаппарат-мыльницу и принялась все фотографировать... не открывая объектива. Весьма настораживающе, но на нее мало кто обращал внимание...

Интерьеры были роскошные, просто выше всяких похвал! Думаю, я здесь пока ничего менять не стану. Только вот спальня темноватая больно и почти вся в черной цветовой гамме. Стены обиты бархатом, простыни шелковые, а кровать огромная, как вертолетная площадка! Интересно, на ней с ним спал кто-то до меня? Ой нет, пожалуй, ревновать еще рано... И все-таки!

Надо будет поменять здесь все на голубенькое и золотое, приморский стиль вполне подойдет. Пабло открывал перед нами все двери подряд, но как-то снова и снова мы оказывались у дверей спальни. Я немного смутилась, может быть, такое интимное место мне стоило похвалить активнее? Иначе чего он меня туда подталкивает еще до свадьбы! Но модельер с воплощенным достоинством наконец объяснился:

— Por favor позвольте, сеньорита, я проводить вас на балкона. Только с этот балкона открываться самый *fantastico* вид на море, какой только можно себе представлять, к тому же там есть моя коллекция ракушки, которую я больше всего хотеть вам показывать.

— О, мне очень интересно взглянуть на ракушки, сеньор де ла Аренда...

Так я сама шагнула в ловушку.

С балкона и вправду открывался грандиозный вид на сад, море и бесконечный, тянувшийся по берегу бухты пляж.

Показав мне свою коллекцию ракушек, при этом с особой гордостью продемонстрировав обитающую в большом количестве в нашей Волге самую маленькую и невзрачную плоскую речную беззубку, он достал из шкафчика на стене два фужера и бутылку шампанского. Пробка улетела в небо...

При других обстоятельствах я не стала бы пить наедине с полужнакомым мужчиной. Но ведь мы стояли на балконе, под чистым небом, охваченные необъятным простором раскинувшегося внизу экзотического зеленого острова. И сама атмосфера сказки, в которую я окунулась, опьянила меня еще до того, как я пригубила шипучее вино. Тем более что и тост был вполне безобидный:

— За наше знакомство, сеньорита! Me gustas¹... Кажется, теперь я была готова на все! В разумных пределах, конечно, но все-таки... Сладко улыбаясь, он оставил меня «на минутку», обещав показать что-то даже еще более интересное, чем речная беззубка:

— Вы ждать меня здесь, о, ma bella сеньорита! Тут бы мне и сбежать, но я не сумела отвести взгляда от моря. Оно так притягивало....

А на пляже загорелые люди, беспечно резвясь, мирно предавались водным процедурам, играли в волейбол, намазывали друг друга перечным кремом в качестве солнцезащитного, перекидывались в гаитянского дурачка и старательно делали вид, что не замечают, как пляжный вор вытаскивает из брючного кармана соседа, минуту назад попросившего тебя присмотреть за его вещами, пока он «разочек окунется», «Ролекс» с золотым браслетом и бумажник... И никто не догадывался, что совсем скоро эта безмятежная идиллия будет прервана чарами совершенно распустившейся джиннии...

— Si, о божественная Агелая, я хочу, чтобы вы стать моей госпожой! — нежно прошептали у меня за спиной.

Эти тихие слова наполнили меня двойным счастьем! Знаменитый модельер предлагает мне руку и сердце! Так легко и сразу! Я, конечно, верила, что джинния способна выполнить мое второе желание, но чтобы настолько быстро?!

Я уже хотела заключить испанца в свои объятия, но, вспомнив Сердючку: «Он бы мой ответ месяц дожидался...», решила взять полгода на размышление... Шутка! Я оптимистично обернулась и... Не стоило мне этого делать.

Де ла Аренда стоял за моей спиной в черных кожаных трусах, на шее ошейник с шипами, на запястьях такие же браслеты, а грудь перетянута ремешками с заклепками! В руках плетка-семихвостка, и глаза горят, как у возбужденного кролика...

— Э... о... мм... упс! В-вы лбом обо что-то ударились?

Понимаю, глупый вопрос, но я в тот момент от шока ничего не соображала и, попятившись, чуть не полетела через перила с четвертого этажа. Но успела в них вовремя вцепиться и, покачнувшись, с трудом удержалась на ногах — старый добрый инстинкт самосохранения не раз меня выручал.

Де ла Аренда и не думал бросаться мне на помощь, кажется, даже не заметил, что мог лишиться своего объекта вожделения. Он был заиклен исключительно на себе.

— Моя повелительница! Я вас сразу понять, что вы любить...

— Вы ошибаетесь! Напротив, я не привыкла к жестокому обращению с объектами противоположного пола. Может, вы перепутали меня с Акисой, той волевой девушкой, с которой мы пришли?! Так я ее позову...

— Нет, я знаю, кто моя владычица! Но не надо слов! Я плохо себя вести. Накажи меня!

Везет же мне на извращенцев. Двое за три дня! А поначалу казался таким милым дядечкой...

— Наоборот, вы очень хорошо себя вели, мне просто не к чему придраться, — как можно вежливее пропела я, бочком пробираясь к выходу, стараясь не задеть стоящего на коленях и загораживающего мне проход модельера-мазохиста. — Даже Найду покормили, собака вам так благодарна. Мне просто как-то confuse вас наказывать, тем более такой страшной плеткой. Поэтому я лучше пойду, спасибо за хлеб-соль...

— Я вас отпускать, прекрасная? О нет! Вы со мной играть, соблазнительница, si? Но мне нет больше сил ждать! No vaciles, сеньорита! Adelante! No medites fanto!²

— Нет!

— Si!

— Нет, нет, нет! — Я уперлась спиной в стену, дальше отступать было некуда.

¹ Ты мне нравишься (исп.).

² Решайся! Вперед! Не раздумывай долго! (Исп.).

— Si, si, si! — Он встал и пошел на меня вихляющей походкой, поигрывая черной плетью, и в глазах его горела настоящая испанская страсть!

— Ай, ладно уж, если мужчина так просит, то грех отказывать... — Откуда-то сбоку неслышно выплыла Акиса, твердой рукой выхватила у него плеть, замахнулась от плеча и, как говорится, отвела душу. Чувствовалось, что восточные женщины умеют работать камчой...

Де ла Аренда в жизни не испытывал такого кайфа! Может, кто-то считает, что в сексе плеть и цепи — штучки на любителя, так вот нам достался уже не — любитель, а профессионал! Он стонал, извивался, катался по полу, бился в сладострастных спазмах, скулил на одной восторженной ноте и отпал в полном экстазе, лишь когда джинния просто устала...

— Es super! — со слезами счастья на глазах выдохнул наш модельер. — Меня еще никто так не отпороть!

— Я же говорила, вы нас перепутали. Акиса, забирай его себе!

— О чем это ты, о насмешливая?! За все его богатство я не соглашусь ежедневно выбивать пыль из столь необычного мужа. Более того, я унесу тебя отсюда, не дожидаясь тех язвительных слов, что уже готовы сорваться у тебя с кончика языка... Идем же! Где наша возлюбленная собака?!

Глава четырнадцатая, ОБНАЖЕННАЯ

После разочарования, постигшего нас от общения с оригинальным де ла Арендой, мы обе пребывали за воротами его виллы не в лучшем расположении духа. Но, поразмыслив, решили не терять времени на возвращение домой, а сразу отправляться в следующий пункт назначения. Правда, куда именно, оставалось еще неясным...

Хотя за этим дело не станет, в голове уже мелькали известные фамилии, но теперь я уже не только по слухам знала, что у знаменитостей может быть куча комплексов. Вот если бы еще где-нибудь потерять собаку... У меня зародилась мстительная мысль подбросить ее Пабло, но думать об этом надо было раньше, сейчас ворота были закрыты. А протиснуть сквозь прутья кованого забора апатичную Найду можно было бы, причем без всякого сопротивления с ее стороны, будь они только чуть пошире. Увы... и Акису просить бесполезно, она почему-то неровно дышит к этой старой псине.

В конце банановой рощи виднелись столики летнего кафе, а нам надо было дать эмоциям короткую передышку и еще определиться со следующим претендентом перед магическим рывком. Как же это непросто, оказывается, выбирать мужа?!

Джинния превратила рубли в моем кошельке в песо, кажется нахимичив с курсом в нашу пользу. А, где наша не пропадала, я расхрабрилась (до этого просто не хотелось ее попусту расстраивать) и призналась наконец, что понимаю и могу общаться почему-то только на английском, а здесь, кажется, все говорят на испанском. То есть с ее всесильным волшебством опять какой-то недобор... Недовольно проворчав, что это, наверно, происки шайтана, в крайнем случае козни Яман-бабы, восточная пери фыркнула себе под нос и поманила пальчиком официанта.

Вручив мне ромовый коктейль с многоярусными зонтиками, джинния заказала безалкогольный (как истинная мусульманка, она не употребляла спиртного) и две сосиски для собачки. Но сытая Найда уже дрыхла под столом, разлегшись на моих туфлях, так что мы принялись за дело.

Кстати, Акиса, похоже, не ошиблась с нашими нарядами, здесь все одевались многокрасочно. Ну-у, может, не столь экзотично... Официант два раза спотыкался, уставившись на нас круглыми глазами, и пролил на себя чей-то бокал, а парень за соседним столиком подавился, едва мы вошли, и пять минут ловил ртом воздух, держась за горло, в конце концов у него начались конвульсии и бедолагу увезли на «скорой». Согласитесь,

приятно осознавать, что ты так действуешь на мужчин. Хотя герой Коэльо Сантьяго счел бы это за неутешительные знаки... И был бы прав!

— Ладно, о модельерах забудем, дальше кто у нас может быть?

На этот раз, решив не плыть по течению, а подойти к вопросу вдумчиво, я попросила ручку с бумагой и коротко набросала список профессий, из которых, по моему мнению, мог бы выйти мой будущий муж.

— Что ты раздумываешь, я могу добыть тебе в спутники жизни самого великого правителя твоего времени, могучего мужа, неустрашимого льва, благородного и мудрого властителя, доблестью и величием подобного орлу!

— Президента в мужья? Да они все женаты, к тому же ни одного такого, как ты описала, ни в одной стране нет. Можешь мне поверить, я с детства смотрю телевизор.

— Ай, у могущественного правителя не может быть одна жена, величие властелина, кроме всего прочего, и выражается в количестве жен! Не раздумывай, о слишком разборчивая, у тебя будет собственный дворец, который он тебе подарит к рождению сына.

Я не стала разубеждать джиннию, сказав ей, что мне хоть и нравятся мужчины в строгих костюмах, но президенты — вариант не из лучших. Во-первых, они рано стареют, во-вторых, избираются не больше чем на три срока, в-третьих — ну их вообще! Акиса, правильно истолковав мои сомнения, открыла было рот, чтобы привести десяток аргументов в пользу старого мужа, но я быстро продолжила:

— Что мы раздумываем? Кино! Голливуд! Киану Ривз холостой до сих пор, он мне всегда нравился.

Брэд Питт развелся, тоже неплохая кандидатура при условии уживчивого характера, потому что внешне не совсем в моем вкусе. А вот Бен Аффлек самое то, как Я могла о нем забыть! Он так восхитительно груб и сексуален! К тому же в прессе писали, что он хорошо играет в покер, значит, умеет думать...

— Вах, так которого мы берем?

Я уже хотела сказать джиннии, что выбрала, но, вспомнив недавнее позорное фиаско, почувствовала неуверенность. Нет, лучше сразу определиться с несколькими, конкретизируем на месте. Вдруг у того же Аффлека карточные долги?

— Кино — это живые картинки, которые мы смотрели в первый день у тебя дома?

— Ну да, только мне надо еще немного подумать. Тут в списке и бизнесмены есть. Будь Ходорковский холост и если бы он даже был последним бедняком, я бы выбрала его за одну только красоту. Сначала бы носила ему в Матросскую Тишину домашние пирожки и ватрушки, потом... — размечталась я, подперев голову рукой, слегка опьяневшая от гаитянского коктейля.

— Матросская Тишина — это не место ли отдыха отважных мореплавателей?

Когда Акиса узнала, что это место предварительного заключения, она закричала, что за узника меня никогда не выдаст, что она порядочная джинния и будет всю жизнь чувствовать себя в ответе за глупую девушку, то есть меня, в данный момент волей небес сидящую у нее на шее. Короче, бизнесмены отпали напрочь...

— Хорошо, тогда выберу кого-нибудь из творческой интеллигенции, у них, писателей, художников, поэтов, обычно более спокойная жизнь...

— Этих бумагомарателей, бездельников и пьяниц?! Храни, Аллах, мою наивную работодательницу, ты и так лишил ее разума...

— Попрошу без оскорблений, творческие люди бывают разные! Вот, например, Терри Пратчетт — талантлив, умен, успешен. К тому же я его уже люблю! Правда, пока только как создателя «Плоского мира», но ведь я еще и не встречалась с ним лично. Конечно, он немолод. Но я бы с удовольствием ухаживала за ним в его глубокой старости как сиделка, а пока бесшумно подавала бы кофе, когда он за работой, лечила бы радикулит, натирая ему спину редькой и привязывая чеснок к нужным местам... Чеснок — он от всего, — знающе прибавила я.

Джинния скривилась, слушая все эти неожиданности, после чего заметила:

— Твоих желаний не поймешь, о противоречивая, твои потребности очень разнообразны. Но я, как и положено, слушаю и повинуюсь и напоминаю тебе, что мужа ты получишь сегодня, хотя бы он и был горшечник!

— Но куда такая спешка? — логично возмутилась я. — У меня еще два месяца каникул впереди. Что случилось сегодня утром, когда ты прилетела домой вся взъерошенная, как блудный попугай?

Вместо ответа джинния поспешно вскочила на ноги и начала командовать:

— Ты все допила? Тогда поднимайся, мы отправляемся... Куда ты там пожелала сначала?

— А мне здесь нравится, почему бы тут, на Гаити, кого-нибудь не присмотреть? Вокруг много привлекательных мужчин. Например, тот мулат за соседним столиком, которого увезли на «скорой», был оч-чень даже симпатичным... пока не начал синеть. Пжалста, мне еще коктейля! Дв-ва раза!

Джинния, поразмыслив, согласилась, прикинула мое состояние и силой вытащила меня из-за стола.

Мы гуляли по Сан-Педро-де-Макорис, пока я не протрезвела. Ох и длинное же название у этого городка! Мы очаровывали встречных парней своими экзотическими костюмами, пили кофе, ели местные сладости и в целом классно проводили время в абсолютном безделье!

Найда стряхнула сон и, радуясь жизни, носилась вокруг, насколько позволяла длина поводка и короткая лапа. К моему удивлению, она даже флиртowała с местными собаками, которые были намного мельче ее и на прощанье окидывали грустным и откровенным взглядом ее пушистые, но, к сожалению, слишком длинные ноги...

Здорово, я была так благодарна Акисе, что она вытащила меня за границу, да еще и на далекий, почти сказочный для меня остров Гаити. Здесь радовало все: люди, пальмы, солнце, море и даже жара! Но особенно — море! А кстати, на пляже мы еще не были, я видела его только с балкона противного де ла Аренды, тогда-то он и раскрыл себя. Фу, даже гадко вспомнить... Но побывать на Гаити и хотя бы разок не окунуться в Карибское море?! Да, моя жадность до новых впечатлений росла на глазах...

Джинния только успевала делано ворчать и возмущаться:

— Я не вижу здесь ни одного достойного мужа, смотри, как неподобающе они одеты для благочестивых мусульман!

Большинство мужчин действительно были в коротких шортах, а то и в одних плавках, видно, что прямо с пляжа, по которому я уже тосковать начала.

— Пойдем на море! Все равно тут одни туристы и католики.

— Католики? Не годятся в мужья, ибо неискушенны в любви. А кто эти женщины в одинаковых серых платьях и платках?

— Это всего лишь монашки, не знаю только, какого ордена, и местных можно не спрашивать, они, как правило, сами не знают. Ну, давай на море?

— Служительницы Аллаха, или как они его называют, Господа, и не закрывают лиц?! Поистине, это верх неприличия и греха!

Что-то на нашу джиннию сегодня напало... Обычно она не особо заиклена на религии.

— Слушай, пойдем на пляж! Там наверняка окажется какой-нибудь достойный претендент, на Гаити отдыхают преуспевающие мужчины со всего мира, — попыталась схитрить я. — Ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

— Что за пляж?

— Место на берегу моря, где все загорают и купаются.

Акиса поджала губки, ее разобрано любопытство. В глазах уже читался оттенок легкого злорадства, она наверняка представляла, каким вместилищем разврата окажется этот пляж, и ей не терпелось самой увидеть и на месте поразиться грехопадению людишек. Если бы в тот момент знать, как нелогично могут повернуться ее мысли...

— Посмотрим на твой пляж, о любознательная! Любознательная, значит? Ой-ой, кто

бы говорил...

— Значит, к морю!

И мы мгновенно очутились в самой гуще народа на песчаном пляже, который тянулся на много километров по кромке берега. А море было просто восхитительно прекрасно! Надеюсь, акул в такой красоте не водится...

— Хорошо, акул здесь нет, но креветки иногда просто буйствуют, — словно отвечая на мои мысли, пожаловался какой-то стоящий рядом со мной близорукий старичок другому. — Но вот, помнится, в Австралии в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году... Вот там были акулы! Хуже местных креветок, да и крупнее...

Сколько же тут было народу и какой шум от болтовни, музыки и морского прибоя! Пляж был забит тентами и загорающими, свободного неиспользуемого кусочка земли я не видела, не то что прилечь, ступить было негде! Люди перешагивали друг через друга, а загорали боком, возможно, очень удобно, надо проверить... Наудачу рядом оказался киоск, где продавались плавки, купальники, парео, банданы и даже босоножки и большие пляжные сумки. Так, сюда-то нам и надо.

— Вах... Они что... все в этом... нижнем белье?! — медленно выдавила Акиса, как будто не веря своим глазам.

— Все верно, не голыми же им купаться. Ты только что сама монашек за отсутствие чадры поругала. Кстати, мне тоже нужен купальник, поможешь выбрать?

— Раз уж они решили совершить омовение, разве им неизвестно, что в воду предписано входить без одежд... — не слушая меня, продолжала джинния, хмуро глядя себе под ноги, где на песке лежали двое изящных парней в розовых плавках.

— Кем предписано? По-моему, ты что-то путаешь. Пожалуй, возьму вот этот ярко-оранжевый с красными цветами танкини в стиле шестидесятых, вот это парео как раз под цвет, и еще вон то полотенце. Акиса!

— А? Что, о крикливая?!

— Да просто ты меня не слушаешь. Я говорю, все в купальниках и плавках, потому что здесь не нудистский пляж. Ну сама представь, что будет, если все вдруг полезут купаться голыми?

— И что же будет? — напряженно поинтересовалась джинния со слишком мне знакомым выражением лица, которое у нее появляется всегда, когда... Она щелкнула пальцами! Один безобидный жест, но что началось...

Визг, крики, суматоха! Правда, я не сразу поняла, с чего вдруг такая паника. Но через секунду с ужасом увидела, что все уже ГОЛЫЕ!

— Ты что, рехнулась?! Я от тебя не этого ожидала, зачем?

— Тут было слишкомлюдно и прилечь позагорать негде, — беззаботно мотивировала она. — Не могу же я ложиться рядом с посторонним мужчиной!

Акиса пару минут явно наслаждалась произведенным эффектом, после чего с усмешкой кивнула на меня. И только тут я заметила, что и мое платье исчезло. Я тоже стояла совершенно обнаженная! С визгом я бросилась к воде, потому что тент с купальниками за моей спиной просто смели с лица земли в считанные секунды. Но одеться успели немногие, только самые быстро соображающие и оказавшиеся ближе к ларьку. Остальные убегали в чем мама родила. Сумки, деньги и документы остались, но верхняя одежда тоже испарилась, как и полотенца и подстилки...

Глава пятнадцатая, АРЕСТОВЫВАТЕЛЬНАЯ

В результате пляж наполовину опустел. Голые отдыхающие бросились по улицам, пугая или радуя прохожих, которые приняли невинных жертв Акисиногo эгоизма и моральных принципов за участников демонстрации, протестующих против американцев в Ираке. А уж вою было-о-о...

Как только спасительная вода моря прикрыла всех оставшихся, общая паника сразу схлынула, словно волна с отливом. Все сидели по горло в воде такие умиротворенные и довольные, словно этой необъяснимой акции повального раздевания и в помине не было.

— Уф, а я уже думал, что настал конец света, — счастливо признался мой сосед, попрыгивая в воде и бросая заинтересованные взгляды на мою грудь. Я не учла, что море тут очень прозрачное...

— Мистика какая-то, я почти уверен, что это все гаитянские колдуны, — поделился другой сидящий рядом парень, по виду сам чернокожий колдун с Африканского континента. — Позвольте представиться, сеньорита, я Мамбуку с Берега Слоновой Кости!

Я страдальчески прикрыла глаза, игнорируя его заигрывания, меня вдруг обеспокоило, что джиннии на берегу нигде не видно. А вдруг эта взбалмошная особа опять умотала на весь день к родственникам? Я на секунду представила, что осталась совершенно одна, в чужой стране, к тому же находящейся на другом полушарии (вроде бы? Жаль нет карты, уточнить...), без паспорта, без одежды, голая, как последняя дура! Вообще-то сумка где-то на песке валяется, если уже не свистнули предприимчивые пляжные воры, у них сегодня наверняка урожайный день...

Так, главное, без паники, успокаивала я себя. Отыскать российское посольство — это уже полдела, за рубежом не оставят, вернут домой, а там бабушка заступится. Но сначала найти одежду, в таком виде консул мне не обрадуется. Сумасшедшая российская туристка, решит он, к тому же без паспорта, без денег и голая. А может, и наоборот, очень даже обрадуется, вон у моих соседей уже хорошо видно, что моя фигура им нравится!

И тут меня озарило, кто-то другой на моем месте сразу бы сообразил, что она просто-напросто загорает на песочке, ей родная огненная стихия лучший отдых. Из-за чего эгоистка и заставила народ в панике бежать с пляжа и освободить пространство ее целомудренной особе! Не может она, видите ли, загорать рядом с парнями в розовых плавках...

Увидев, что многие потянулись на сушу, правда, очень медленно и нерешительно, подобно нашим предкам зеленым водорослям, наверняка без особого энтузиазма покидавшим привычную водную среду, я тоже устремилась вперед, забыв про стыд и не думая о плотоядно улыбающемся за спиной Мамбуку. Ну его, извращенца! Чувствую себя какой-то стриптизершей поневоле...

Все, будем считать, что я искупалась в Карибском море, хорошего понемножку, не дай бог, приестся раньше времени, а у меня еще много чего впереди. Мне с собой, любопытной, еще жить и жить, а какая может быть жизнь с собой скучающей и пресыщенной?! Вот именно...

— Акиса-а-а!!!

Пляж был огромен, а потому джиннию, разомлевшую на жарком солнышке и не собирающуюся откликаться даже на дикие крики, которые должны были посеять за меня беспокойство в ее сердце, найти было почти невозможно. Кажется, я тоже начинаю выражаться по-восточному? Ой, только не это...

Проблема в том, что я еще и не запомнила место, где ее оставила, но, наткнувшись на останки разгромленного ларька, неподалеку увидела и отступницу. Она, как и предполагалось, безмятежно загорала на песочке. Причем в полном одеянии (меня просто вымораживают ее прозрачные розовые шальвары). И при этом еще довольно шурила глаза, как сытый и выпавший котенок...

— Акиса, ну хватит издеваться, верни одежду! Хотя бы мне! О, моя сумка у тебя, — не сдержав признательности в голосе, воскликнула я, хватая расшитую бисером плюшевую сумку. Паспорт был на месте и деньги, что не так уж важно, раз джиннии снова рядом, но сумку я уже не выпускала, а для верности даже перекинула через голову. И попыталась хоть что-нибудь ею прикрыть. Много не прикрылось, увы...

— Что ты кричишь, подобно потерявшейся в пустыне ослице? — сонно проворчала Акиса, как обычно не слушая.

— Одежду верни, говорю! — взывала я, еще раз оглядываясь вокруг, но тщетно — ни

одной тряпочки, пляжного полотенца, рваных штанов, презрительно выброшенных каким-нибудь бомжом, в радиусе полукилометра...

Так что, когда на мне оказалось голубое с малиновыми узорами сари, я даже оценивать его не стала (как сидит, как ткань, как фасончик) — в любом случае оно лучше, чем абсолютно ничего! Но тут к нам подкатил целый отряд полицейских. Причем неожиданно так, и именно к нам! Окружили, как бульдоги, и пожилой усатый дядька с более объемными, чем у остальных, погонами смерил нас обличающим взглядом:

— Я комиссар Имрек. Вы быть арестованы по подозрению в произошедшем здесь насильственном оголении нескольких тысяч людей! И, учитывая крупномасштабность преступления...

— Какого еще преступления?! По какой статье? Мы невинные русские туристки и меня тоже здесь раздели, вон тот нахал с Берега Слоновой Кости подтвердит! — нагло запротестовала я, убежденная в нашей безнаказанности. Нет такого закона, и доказательств нет, поэтому и не может местная полиция нас задерживать...

Но как они узнали?! Неужели это опять коварный Яман-баба... Холод пробрался мне под мышки, но абсолютно спокойный взгляд джиннии, обращенный на грозного стража порядка, вернул капельку веры в себя.

— Эй, а где Найда?! — забыв о стражах порядка, закричала я, вдруг с ужасом вспомнив, что не видела ее с тех пор, как мы перенеслись на пляж.

— Спокойно, о вечно вопяшая без повода, собаке уже и искупаться нельзя? — холодно покачала головой Акиса, кивнув в направлении моря, и вновь обернулась к усатому: — Так не пойдет, о добрые стражники, мы лишь мирные путешественницы. Нас сегодня один раз уже обидели, и не спрашивайте, что стало с этим недостойным... Он до сих пор не может сесть!

Что она несет?! Если модельер опомнился, посчитал синяки и обратился куда следует, то теперь нас точно есть за что задерживать. Хотя что-то явно шло не так, грудь джиннии часто вздымалась под пестрым жилетиком, глаза горели, ресницы вздрагивали, а эти прозрачные розовые шальвары... По дрогнувшему лицу комиссара было видно, что Акиса произвела на него впечатление.

— Допустим, сеньорита, я погорячиться. Признаю, что заподозрил вас без серьезного повода, единственно потому, что только вы двое стоите здесь в одежде. Так позвольте целовать вашу ручку в знак примирения, — с вдохновенной кротостью попросил комиссар Имрек. А вот что было дальше-э-э...

Джинния удивленно вскинула брови, но милостиво улыбнулась и протянула руку. Мгновенно на ней защелкнулось кольцо наручников, в следующую секунду второе кольцо защелкнулось на запястье комиссара. Впервые у моей подруги было такое растерянное лицо. В глазах полицейского блеснул лед, он явно наслаждался произведенным эффектом!

Немую сцену оборвала оглушительным лаем мокрая Найда, несущаяся к нам по опустевшему пляжу. Едва добежав, она без предупреждения вцепилась зубами и штанину комиссара.

— Какого черта?! Уберите собаку!

Несколько полицейских одновременно и я бросились ему на помощь.

— Тише-тише, она инвалидка, не причиняйте ей вреда! — по старой памяти воскликнула я, оттаскивая Найду за поводок. Но эта собака уже давно (еще с утра) не была той полупарализованной старушенцией, какой притворялась. Она рвалась в бой, она отхватила изрядный кусок комиссарских брюк и всем видом показывала, что перекусает тут всех, пока ее не повяжут и не сдадут в психушку!

Наконец кое-как мне удалось ее успокоить, но пострадавший комиссар еще долго был на взводе, пообещав, что нас, помимо обвинений в использовании запрещенной законом на острове Гаити магии вуду, будут дополнительно судить еще и за разгуливание с бешеной собакой, наверняка являющейся зомби, которую мы специально натаскиваем против наших врагов. Ну и бред! Даже Найда не поверила...

— Вы не шутите, действительно есть такой закон? Нас обвиняют в вуду? Что за вуду такое? — нарочито громко поинтересовалась я и, повернувшись к Акисе, зашептала, но так, чтобы всем было слышно: — Где твоя ящерица, подруга, пора зашить ей рот. Поможет и коровий язык, у меня закончились, но у тебя, кажется, остался один. А еще надо не забыть подложить высушенные бобы к судье в кабинет.

— Но как? — на полном серьезе спросила меня джинния с доверием и надеждой в глазах.

— Через подкуп, разумеется, здесь охранники, как всегда, выручат. А помнишь, что помогло нам на последнем процессе, на Кубе? Мы тогда выиграли дело и неплохо подзаработали, получив кучу денег в качестве компенсации за клевету. Смастерили куклу судьи и одели ее в платье наизнанку, хлопотно правда было, это ведь мне пришлось кроить и шить пиджачки как от Ив Сен-Лорана, которые предпочитал носить товарищ кубинский судья. Это заставило его изменить свой приговор отправить нас матросами на судно по ловле креветок насосами. Одежда наизнанку никогда не подводила!

— Эй, прикажите им замолчать! — неуверенно дернулся самый молодой, но уже с расшатанными нервами полицейский.

— Но самое безотказное средство, конечно, принести в жертву козла, привязав его у здания суда, — как будто не слыша, невозмутимо продолжала я. — Но где найти рогатого? В любом случае надо подкупить охранника, если не козел, то сойдет и наша Найда — она ведь опытный зомби-минер!

Полицейские почему-то почернели в лицах и яростно зашептались. А те, что были ближе, невольно отпрянули, молодой забормотал молитву, но вскоре все опомнились и взяли себя в руки. А суровый комиссар пообещал, что наши спектакли и наивное притворство не спасет нас от долгих лет каторжного труда на банановых плантациях.

Полицейский комиссариат, или участок, находился рядом. Всю нашу троицу сразу посадили в камеру, пообещав утром допросить как следует, и оставили одних. Дело в том, что в этот день был какой-то католический праздник, так что комиссара и полицейских буквально вытащили из-за праздничного стола. Теперь я понимала, почему все стражи порядка смотрели на нас неприязненно: они вспоминали недоеденную праздничную паэлью или фасоль с колбасой и салом (читала, здесь это любят).

Едва комиссар собственноручно запер нас на два замка, я повернулась к джиннии:

— Ладно, все ушли, смываемся незаметно. Честно говоря, я удивилась, почему ты не сделала этого раньше, ты же любишь эффектные исчезновения. А интересно представить их утреннюю реакцию, когда они обнаружат здесь только пыль, мух да следы мышиных лапок, — мечтательно улыбнулась я.

— Мы не можем уйти... Не видишь, что ли, эти железные браслеты, они мешают мне!

Такого разворота сюжета я не предполагала! Неужели джинния все-таки является своего рода нечистой? Я-то привыкла относиться к ней как к равной, только обладающей несколькими возможностями, а у нее, оказывается, есть свои проблемы...

— Больно? — сочувственно вздохнула я.

— Не очень, я же не какой-нибудь нечистый гуль, но пойми наконец — у меня другая природа, не такая, как у тебя. Ты создана из земли, а я из огня, и железо действует на меня, как ледяные оковы...

— Но в природе и по фэн-шую как раз-таки огонь плавит металл, а не наоборот, попытайся понять. Возможно, это всего лишь укоренившееся суеверие, часть вашей массовой психологии, что металл подавляет ваши силы.

Она не ответила, лишь ниже опустив голову. Мне стало так ее жалко-о...

— А ты заметила, комиссар как будто знал, что ты джинния и в любой момент можешь испариться. И знал, что руку ты ему просто так не дашь, и поступил очень хитро, пустив в ход всякие там извинения с поцелуями ручек, намеки...

— Да, о позднодогадливая, потому что это был Яман-баба, — с каким-то безразличием в голосе произнесла Акиса.

— Что-о?! Но почему тогда ты всю дорогу молчала? Вчера в музее вы так яростно препирались, чувствовалось, за столетия накопилось, что сказать друг другу. Вот и вlepила бы ему все!

— Я не сразу его узнала, но, конечно, заподозрила. И потом, ты, идя впереди с собакой, от которой он намеренно держался подальше, чтобы иметь возможность предотвратить неожиданное нападение, не слышала нашего разговора.

— А о чем вы говорили?

Под окнами раздался невнятный шум, похоже, не все полицейские разошлись. Кажется, я преувеличила их стремление к домашнему очагу. Уже темно на улице, а они все копаются...

— Подожди...

Я запрыгнула на стоящую вдоль стены скамейку, подтянулась на цыпочках и выглянула в забранное решетками окошко. Хоть этаж и второй, но потолки тут низкие, и из окна хорошо видно освещенных фонарем полицейских. Их было двое — сержант и наш многоликий чародей Яман-баба. Я поманила джиннию, но она лишь фыркнула и демонстративно отвернулась, дескать, что толку?

Чародей, насылающий чертят из канализации и арестовывающий честных девушек на пляжах, неизвестно как попавший в доминиканскую полицию, сказал несколько слов подчиненному, тот кивнул:

— Будем следить... не беспокойтесь, господин комиссар, запоры у нас крепкие!

Вот исполнительный тип попался... Сержант отдал честь и вошел в здание, загремели ключи в замке. Яман-баба бросил беглый взгляд на наше окошко, я присела, выдержала пару секунд и осторожно выглянула снова. Злокозненный чародей уже садился в полицейскую машину. И тут произошло неожиданное — его вдруг охватило синее пламя, он сдавленно вскрикнул, зажав рот рукой, а в воздухе зазвучал глухой голос:

— Мы наказываем тебя! И напоминаем...

В ту же секунду джинния, вскочив на ноги, кинулась к окну, но Яман-баба уже стремительно сорвался с места и уехал.

— По-моему, это небезопасно — в горящем виде вести машину. Но, может, я и ошибаюсь...

— Не понимаю почему? — Моя подруга была в полном смятении.

— А что это было?

— Мне надо подумать...

— Тогда поделись хотя бы, что он тебе сказал, когда нас вели сюда, ты как раз собиралась мне рассказать.

Опустилась ночь, на небе засияли звезды. «Замерзшие слезинки райских гурий», как сказала бы Акиса. Но она молчала, гладила Найду и задумчиво смотрела на стену.

Хорошо, что, кроме нас, в кутузке никого, повезло. И не особенно грязно здесь, а если повесить на окно красивый тюль, станет даже уютно. Я уже, забывшись, хотела попросить джиннию наколдовать занавеску. Спать совершенно не хотелось, здесь даже почитать нечего на ночь, наверное, я просто устала сидеть. Как заключенные выдерживают это по многу лет?!

Я с грустью посмотрела на мою подругу по несчастью. Похоже, она глубоко окунулась в свои мысли и выныривать собирается неизвестно когда... А делать что-то надо!

— Конечно, некоторые специалисты-психологи сейчас уходят от аутоотренинга, но это самый простой способ. Все равно ничего больше мне в голову не приходит.

Акиса без особого любопытства поинтересовалась, что это такое. И после моих подробнейших разъяснений (а в качестве примера я рассказала, что именно так избавилась от навязчивого страха перед кухонными тараканами!) отнюдь не преисполнилась энтузиазма.

— Ладно, все равно же делать нечего, напильник к нам сам не придет, поэтому ты хотя бы попробуй. Тверди что-нибудь вроде: «Я легко плавлю металл! Я имею власть над ним, а не он надо мной! Я уже не чувствую наручников!». Можешь от себя еще что-нибудь

добавить. Воспользуйся силой самовнушения, представь, что наручники исчезли.

— Хорошо, я попробую, о верящая в сказочные чудеса...

Кто бы говорил! Она сама была слишком рациональна, чтобы способность перемещаться в пространстве, получать предметы из воздуха, исчезать и повелевать стихиями называть чудесами, это для нее была проза жизни. А вот аутотренинг...

Минут десять она честно что-то бубнила себе под нос, а потом не выдержала:

— Ай, сколько можно! Битый час я повторяю эту чушь и даже...

— Смотри, у тебя наручники плавают! Как же вышло так буквально?! — Вскочив с места, я забарабанила в дверь. — Помогите-помогите!! Нам нужен врач!!! У моей подруги ожог четвертой степени! Потерпи, пожалуйста... Не умирай без меня!

— Вай! Все получилось! — Джинния восхищенно уставилась на свои запястья. — Успокойся, о сострадательная, мы, джинны, не обжигаемся горячим. Как огонь может обжечься?

К моему ужасу, она спокойно разорвала мягкое красное кольцо металла, а со второй руки просто начала стаскивать гибкий браслет, но сталь уже потекла на пол. Никаких ожогов! Кроме обгорелых дыр в полу, естественно... Когда же я окончательно привыкну к ее нечеловеческому происхождению?

— О неожиданно умная, благодарю тебя, что открыла мне такую могущественную магию сама... самовнушения!

В эту минуту с грохотом открылось окошко на двери и показалось заспанное заросшее лицо:

— Че сл-чилось?

— Ничего! — Я быстро заслонила сидящую на скамейке Акису, которая сложила ручки вместе и зажала их между коленками. — Нам просто показалось, что у нашей собаки начался бзик, она, знаете ли, подвержена эпилептическим припадкам, особенно когда ее запирают в четырех стенах, а у вас тут еще и воздух несвежий...

Окошко с грохотом закрылось. А в следующий миг мы трое покинули это негостеприимное место, а вообще... если бы там были на скамейках хотя бы восточные подушечки с кисточками, я бы, пожалуй, осталась переночевать...

Мы вернулись домой усталые и голодные, я сразу повалилась спать, хотя на небе ярко светило полуденное солнце. Когда я проснулась, первое, что увидела, были Найдины задние лапы и хвост у меня на груди, остальную часть туловища она разместила по центру кровати.

— Ай-яй, нельзя так баловать собак, — тут же высказалась джинния. — Мусульманам их вообще нельзя держать в доме.

Она, разодетая в новые синие шальвары и балахонистую с серебристыми узорами рубашку, каких я еще на ней не видела, стояла посреди комнаты, уперев руки в бока.

— Ну, я-то не мусульманка, — отозвалась я, выбираясь из-под Найды. Первая мысль была вообще скинуть эту наглую собаку на пол, но у нее была такая невинная морда и она так крепко спала или притворялась, что спит, что у меня рука не поднялась.

Акиса была полна энергии и решимости:

— Собирайся, всласть поспим тогда, когда добудем тебе мужа! Успели бы вчера, если бы не происки Яман-бабы. И посмотри, видишь, я беру железную вилку! Это еще не все. И вместе с ней становлюсь невидимой! А?! Такое чудо не всякому джинну по плечу!

— Bravo, но время от времени повторяй установки, а то страх вернется, — посоветовала я, обыскивая холодильник на предмет съестного. Был найден шпротный паштет и плавленые сырки. Я быстренько перекусила, джинния, не нуждавшаяся в пище, но готовая съесть что-нибудь вкусное ради удовольствия или спокойствия Марты Ивановны, отказалась есть со мной без повода.

Заваривая чай, я решила спросить то, о чем давно хотела спросить:

— Слушай, я читала, существует мнение, ты только не обижайся, что джинны — это и есть шайтаны.

— Мы к шайтанам не относимся, они служат злу, а мы приняли ислам. По крайней

мере, многие из нас... Объяснить это трудно, вот если бы ты попала в Ирем, ты больше узнала бы о джиннах, увидев, как мы живем.

— Я не против, мне даже интересно, а нам, людям, можно туда?

— Конечно, нет, — отрезала Акиса, насыпая корм пробудившейся и оголодавшей Найде.

Осталось только полить цветы, и все. Мы отправляемся! И куда? А в Голливуд! К Бену Аффлеку! С самыми приятными фантазиями в голове, предвкушая нечто волнующее и прекрасное, я вышла на балкон полить любимую бабушкину герань. И тут в меня выстрелили... Кто, кто, враги, конечно! Мне едва удалось увернуться...

Да, лучше бы цветы усохли и я получила нагоняй от родного существа, а не шаровую молнию в цветочный горшок от злобного чародея, совершенно чужого мне к тому же! Тем более что его целью была совсем не я...

— Думала, сбежишь от меня, хитрая женщина?! Не знаю, как ты освободилась от кандалов, но больше ты не сумеешь меня одурачить! Я вызываю тебя на поединок, один на один, и обещаю не привлекать моих слуг. Ты уверяла, что у тебя прибавилось могущества, может, так ты избавилась от железных кандалов, посмотрим!

С этими словами Яман-баба завис в воздухе перед нашим балконом и, паря в своем черном балахоне, запустил в меня еще одну шаровую молнию. Ну, прямо как в кино, подумала я, быстро пригнувшись, расскажу Бену Аффлеку — не поверит, он такое вряд ли видел, даже когда в «Армагеддоне» снимался. Огненный шар угодил в стену, хорошо не в стекло (кто бы покупал и вставлял новое?), и рассыпался искрами. За ним последовал второй! Он их просто выпускал из ладони, выкидывая вперед руку.

— Сейчас же прекратите это безобразие! Я вызову милицию!

Но чародей, мерзко улыбаясь, опустил на перила моего балкона.

— Где эта проклятая изменница? Непокорная дочь христиан, уйди с дороги, девица, не видишь, тебе приказывает мужчина!

В этот момент его оглушительно облаяла выскочившая на балкон Найда. Яман-баба быстро подобрал подол, собак он заметно побаивался...

— Прочь, животное! Я в ярости, а когда я в ярости, то способен на страшное. И я выполню то, за чем пришел, даже если мне придется тебя сжечь заживо!

Он поднял руку, чтобы поразить Найду молнией, но та, первой вцепившись ему в подол, принялась с остервенением трепать материю, не обращая внимания на истошные вопли чародея...

Размахивая руками, Яман-баба выпустил пару случайных молний и все-таки попал в окно! Меня осыпало дождем осколков, я едва успела присесть и прикрыть голову руками, защищая лицо. Правда, где потом взять денег на пластику?

— Хочешь со мной сразиться, о жалкий повелитель червей? Так сражайся, а не вреди чужому имуществу! — прикрывая меня спиной, крикнула подоспевшая Акиса.

Она пустила пробную молнию, которая прожгла дырку в балахоне Яман-бабы. И раскрыла свой очередной талант — метать молнии из ладони так мастерски метко, как Человек-паук паутину после пятилетней практики.

Чародей из последних сил вырвался от Найды и, спрыгнув с балкона, завис в воздухе метрах в пяти от нас. Собака надрылась от лая! Моя джинния столь же храбро шагнула с перил и грозно воспарила над покусанным противником.

Яман-баба мигом взлетел до ее уровня. Ой, мамочки, что будет-то... Соседи, наверно, облепили все окна.

— Я поражу тебя, отступница!

— Вах, лучше сначала расскажи, что значит: «Мы наказываем тебя!» Кто тебя так наказывает, трус?!

— Кто ты есть, чтобы задавать вопросы мужчине? Я не унижусь до ответа женщине...

— Он запустил в ход новые молнии, но Акиса не отступала:

— И это твое могущество, о ничтожнейший из всех чародеев, с которыми мне

приходилось иметь дело?

Но огненных шаров стало слишком много, они буквально пестрили в воздухе, и у джиннии загорелась штанина шальвар. Увидев, что натворил ее недруг, Акиса обомлела... Если до этого было заметно, что все происходящее ее скорее развлекает, то теперь она впала в неуправляемую ярость. Да самая кроткая женщина тоже взбесилась бы, если бы ей вдруг прожгли новые колготки...

Шаровые молнии полетели в Яман-бабу с удвоенной силой, но тот не отступал:

— Я изгоню твою душу из тела, изолью на твою голову чашу мучений, о непокорная беглянка!

Огонь и в самом деле не причинял дочери джиннов ни малейшего вреда, но даже отсюда было видно, как оголяются ее ноги все выше и выше, уже горели обе штанины, и шортики все укорачивались, как у Шерон Стоун в «Копях царя Соломона» по мере развития сюжета фильма. Акиса одной рукой старалась тушить на себе огонь, а другой ей по-прежнему приходилось отстреливаться молниями.

— Твое коварство и бесстыдство не уступают самому прародителю пороков! Я честная девушка, и тебе воздастся за то, что ты подверг меня такому унижению!

Но этот злобный тип не отступил пристыженно, а хладнокровно продолжал нападать, пока, на свою беду, не оказался под самым нашим балконом. Я поозиралась вокруг в поисках горшка посолиднее и положила глаз на большой глиняный с алое. Бабушка делает из его листьев притирания для поясницы, но честь подруги сейчас важнее. Ладно бы чародей просто пытался убить джиннию, это как-никак предусмотрено его ролью злодея, но он же еще над ней издевается!

Я выбрала удобную позицию и скинула горшок вниз ему на голову, снаряд полетел точно в цель, а потом... упал на тротуар и разбился. А куда еще он мог упасть? В школе на уроках физкультуры только каждый пятидесятый брошенный мною мяч попадал в корзину. Главное, чтобы здесь набралось пятьдесят горшков. В крайнем случае, можно попросить у соседей...

Я сбросила второй, с полувывсохшим кактусом, не жалко, и — о чудо! наверняка Аллах, помогающий нам, направил мою руку, как заметила бы Акиса, — горшок попал Яман-бабе прямо в голову, разбившись вдребезги... И — никакого эффекта! Он и ухом не повел, продолжая нападать на мою подругу. Нет, я так больше не играю, это нечестно...

Вот тут во двор вошел Миша, причем в форме. И как он умеет появляться в нужное время? Наш спаситель будто даже обрадовался творимому на его глазах беспределу и решительно пошел на Яман-бабу.

— Гражданин, немедленно прекратите свои злодейские выходки, иначе мне придется принять меры. Вы понимаете, что совершаете уголовно-правовой рецидив? А на вас ведь еще висит хулиганство в краеведческом музее и побег с нанесением телесных повреждений сотрудникам охраны. Они не подали заявления, но предупреждаю в последний раз...

— Твое счастье, что по долгу службы мне не дозволено причинять вред слуге закона! — злобно воскликнул Яман-баба, смерив Мишу убийственным взглядом. А потом резко развернулся и, сверкая мускулистыми ногами сквозь рванину черного одеяния, стремительно вылетел со двора.

Честно говоря, я надеялась, что они как-то пообщаются, подерутся, что ли, и мой сосед обязательно победит. По крайней мере, я бы за него болела...

Глава семнадцатая, ПОЧТИ ГОЛЛИВУДСКАЯ

Миша помог спустившейся во двор Акисе затушить на себе огонь. После чего она без слов низко поклонилась ему и взлетела ко мне на балкон. Парень ничего и сказать не успел, только присвистнул, проводив ее шортиками восхищенным взглядом, но увидел наверху меня и обрадовался:

— Аглая, мне надо с тобой поговорить и с вами тоже, Акиса!

— Извини, но мы сейчас уходим, уже опаздываем, — с непонятной злостью произнесла я, перегнувшись через перила. — Спасибо, что помог. Так пристыдить агрессивного азиатского чародея и... оценить мою подругу! Спасибо еще раз!

У него покраснели уши, это было даже сверху видно.

— Я к вам сейчас поднимусь, — упрямо повторил Михаил.

— Ладно, поднимайся, — легко согласилась я. Нас ведь здесь уже не будет, наивный...

Когда двор опустел, появилась милиция вполне в их духе: приезжать, когда опасность уже позади. Наверняка соседи вызвали, понятное дело. Ой, сейчас пойдут сплетни, домыслы, протоколы... Не хочу!

— Смываемся отсюда побыстрее...

— Я ведь должна переодеться, о поспешливая! А твой — сосед-стражник очень даже ничего... — Моя джинния была заметно под впечатлением. Это задевало...

— Ну да, нормальный парень. Если бы не его любовь к бурундучкам, вполне сгодился бы на разовый поход в кино. Он же младше меня на полгода!

Пока джинния переодевалась, я привязывала Найдю за поводок к батарее, на этот раз мне удалось ее перехитрить, подсунув оставшийся сырок.

— По способности осыпать проклятиями Яман-баба у тебя прямо как пророк Иезекииль! И часто вы так ругаетесь? — между делом поинтересовалась я.

— Почему это у меня? — обиделась Акиса. — И не часто совсем! Чего мне с ним ругаться, кто он мне такой, чтобы я вообще обращала на этого мерзавца внимание?!!

Собака начала выть и пытаться выдрать батарею из стены. Поздно, матушка, останешься дома, хватит ним и без тебя хлопот, я ведь чувствовала ответственность за нее перед бабушкиной подругой и сейчас хоть и сочувственно, но одновременно удовлетворенно глядела на ее потуги.

— Почему он в тебя бросался огненными шарами, быть, ему неизвестно, что ты не боишься огня?

— Я об этом не подумала... Конечно, он знал это, но... Ай, этот злодей никогда не отличался большим умом, даром что мужчина! Все, я готова, — сказала она, подойдя к батарее, я не успела опомниться, как поводок отвязался и оказался в ее руках. — Нельзя так мучить животных, о «милосердная», пророк запрещает!

Кто-то уже звонил в дверь. Либо милиция, либо Миша, в обоих случаях открывать абсолютно не хочется...

— Ты собираешься отправиться к будущему жениху в этом?! — удивленно посмотрела на меня Акиса, сама она вмиг восстановила роскошь бывшего одеяния, может быть добавив чуть больше плотности в ткань шальваров.

— Да, джинсы — это как раз то, что надо в заграничных путешествиях. Почему-то больше не хочется жертвовать собственным удобством даже ради покорения кинозвезды.

— О небо, куда катится мир?!

— К Бену Аффлеку в Голливуд! Мы об этом еще вчера говорили!

— Будь по-твоему, о вдруг восплававшая страстью к какому-то лицедею! Значит, ты хочешь туда, где делают живые картинки? А то, пока ты спала, я уже присмотрела тебе одного, он размахивает руками и кричит во время «Большой стирки», Чуть болен на голову, зато красив и его все слушаются!

— Нет, я хочу в Голливуд! Можно даже не прямо к Бену Аффлеку, с ним я еще успею наболтаться, если у нас вся жизнь впереди. Сначала давай на какую-нибудь киностудию, всегда мечтала посмотреть, как делается кино. И с претендентом на сей раз нам точно повезет, я это чувствую!

— Аглая, открой, — устав трезвонить, настаивал мой сосед из-за двери.

— Я бы на твоём месте не радовалась заранее, ибо даже самые преуспевающие неженатые мужчины, как оказалось, имеют некоторые недостатки, но будь по-твоему, о жадная до приключений!

Как обычно, она что-то прошептала, и через секунду мы очутились в незнакомом месте... Я как-то сразу и не смогла определить, где именно — в Калифорнии, в Лос-Анджелесе, в Лас-Вегасе?

Не знала, что тут будет так много мулатов и одеты они как-то странно не по-американски, по крайней мере, не так, как в кино и по телевизору показывают, многие женщины вообще в парандже. Но, может, это и есть та самая арабизация западного мира, о которой все говорят, и мы попали куда надо. По архитектуре судить тоже трудно, со всех сторон нас окружали стандартные коробки серых многоэтажек и нескольких небоскребов.

— Твое желание исполнено, о привередливая. Тебе здесь что-то не нравится? По моему, совсем неплохо, и как много мусульман, посмотри!

— Мусульман много, а где здесь киностудия? Покажи мне хотя бы одну киностудию, где сейчас снимается настоящий фильм, и я согласна буду поверить, что в Голливуде такая толкотня.....

— Где-то здесь неподалеку, о сомневающаяся, иначе бы я не перенесла тебя на это место. Джинны не ошибаются! Мы умеем определять нужное место и ошибаемся самое большее на день пути.

— День пути по такой жаре немало, — притворно проворчала я, на самом деле было очень интересно посмотреть новую страну и любопытно, куда же мы все-таки попали.

Народ по улицам сновал туда-сюда, в толпе мы увидели женщин, одетых, как индианки, в сари, с золотыми украшениями, жирными стрелками на веках и точками на лбу. Прошли мимо спящего на тротуаре дедушки, явно индуса, с чалмой под головой вместо подушки. Во сне он то и дело вздрагивал и почесывал одной босой грязной ногой другую.

Мы встретили еще нескольких мужчин в чалмах, — может, неподалеку снимается фильм про Индию? Нет, не снимается, просто мы и находимся в Индии! Это я поняла окончательно, глядя на корову, переходящую улицу строго по полоскам пешеходной зебры, и обернувшись на крики рикши, пристающего к людям на тротуаре (по виду туристы из Западной Европы).

Вообще велосипедистов и рикш на велосипедах, или как эта штука с тремя колесами и зонтиком называется, тут было полно. Так же как и коров, гуляющих под небоскребами, сонных йогов и загорелых мальчишек-попрошаек.

Я потребовала у Акисы объяснений.

— Ты сама сказала Боливуд, — сразу созналась она. — К тому же здесь больше, чем где-либо еще в мире, делается живых картинок. Так чем ты недовольна?

— Голливуд! «Г», а не «Б», неужели непонятно?!

— Ай, тебе надо научиться четче произносить слова! Но в Боливуде тоже снимают твое кино, разница в одну букву, стоит ли так шуметь...

— Боливуд? Он еще существует? — зачем-то спросила я. Реальность шумящего вокруг города делала суть вопроса бессмысленной — Боливуд не только существует, но еще и вовсю процветает!

— Если ты меня неправильно услышала, это еще не значит, что у меня дефект речи, может быть, как раз тебе надо проверить слух? А Боливуд — это центр индийской киноиндустрии, в бывшей столице Индии. Значит, мы сейчас в Бомбее? Но что нам мешает теперь же перенестись туда, куда я и собиралась?

— Ай, мы попали в страну Великих Моголов?! Как же давно я хотела побывать здесь! И раз уж мы случайно перенеслись сюда волей Аллаха, ибо пути его неисповедимы, я не покину эту страну, прежде чем не посмотрю ее древние храмы! Это будет очень полезно и для девушки, ищущей мужа.

— Чем это, интересно? И что тебе, мусульманке, хочется увидеть в индуистском или буддистском храме? Там же сплошная эротика и многобожие...

Но джинния не смутилась, сказав, что хочет всего лишь повысить свой уровень культуры, что в этом предосудительного? Учение исламом только поощряется!

Я не стала ей напоминать, что еще вчера, да и сегодня утром, она страшно торопилась

покончить с моим вторым желанием. С чего это она вдруг решила расслабиться и двинуть по экскурсиям? Сама-то я только рада посмотреть храмы, но эта непоследовательность в желаниях непохожа на нее, хотя, возможно, виноват обычный ПМС. Хм, а интересно, бывают ли «проблемные дни» у джиннов женского пола...

— О, шумный возница, довезешь нас до Боливуда? — крикнула Акиса рикше, упорно преследовавшему пытающихся сбежать английских туристов, которых он все еще не терял надежды заполнить в пассажиры.

Найду пришлось взять на колени, хотя это был тяжелый груз, мы по-сестрински поделили его с Акисой, Собака всю дорогу в восторге смотрела по сторонам, высунув язык, и вертела головой так, что только уши на ветру развевались.

По пути мы дивились коровам самых разных мастей и громко комментировали наличие коровьих лепешек на тротуарах. Наш рикша, мужчина средних лет с капризным лицом, в конце концов не выдержал и обернулся:

— Похоже, вы иностранки. Значит, считаете нас придурками из-за этих коров?!

— Да нет, что вы! Вам показалось...

— А то я не вижу! Да знаете ли вы, что благодаря священным коровам мы экономим на вывозе мусора и стрижке газонов? Вот он, ваш Боливуд, с вас пятьдесят долларов!

— Пять рупий, — спокойно отсчитала моя подруга, так грозно глянув на нахала, что он еще и поблагодарил нас за щедрость.

Мы вышли неподалеку от огромного павильона, у входа толпилась стайка нарядно одетых и ярко накрашенных девиц. Такое впечатление, что все рвутся на съемки...

— Не сомневайся, раз женщины облюбовали это место, наверняка именно там и скрываются самые достойные мужчины, — приободрила меня жестокая Акиса, кивая на двери павильона.

Ой, прямо не знаю, идти или нет... Как будто кто-то из здешних, даже самых именитых, звезд сравнится с Беном Аффлеком?! Вспомнить хотя бы его роль проштрафившегося ангела в «Догме». Как он был великолепен в сцене раскаяния перед дверями церкви!

— В Индии миллиард жителей, примерно полмиллиарда из них мужчины, значит, идеальный жених, конечно, есть, не буду с тобой спорить, но как его в такой массе народу найти? Сколько дней, месяцев и лет уйдет на его поиски!

— Один час, о недоверчивейшая...

Глава восемнадцатая, СПЛОШЬ ИНДУССКАЯ

Сквозь заслон девушек пробиться было трудно, к тому же с крупной и ленивой собакой, да еще в дверях стояли охранники и никого не пропускали. Положение спас неожиданно появившийся человек с громоздкой киноаппаратурой на спине; выставив ее вперед, он начал расчищать проход к дверям. За ним следом хромал какой-то тип в английском военном мундире то ли восемнадцатого, то ли девятнадцатого века. Он шел пошатываясь, со слегка очумелым выражением побитой физиономии, словно только что чудом выбрался с поля сражения. Во мне пробудилось любопытство, люблю исторические фильмы. И пока Акиса подбирала подходящее заклинание, чтобы всех разогнать, я обратилась к «англичанину»:

— Извините, а что за фильм здесь снимается?

— Про Ангара Вандея.

— Знакомое имя... Я где-то читала, кажется, это был какой-то мелкий махараджа, которого свергли за то, что он чрезмерно увеличил поборы с крестьян и по-черному мухлевал с налогами, нет?

«Англичанин» оскорбился. Оказалось, что Ангар Вандеи был национальным героем Индии, одним из предводителей восставших сипаев. А сейчас снимается полнометражная эпопея к его столетию и все рвутся в массовку!

— И это точно делают здесь, в Боливуде?

— А где же еще? Только не принимайте этот павильон за весь Боливуд. Но именно тут все начинается, и, если вам интересно, фильм про Ангара Вандея будет главной картиной года, может быть, он даже получит «Оскара», и я в нем снимаюсь! А Боливуд — это целый город, это Мекка индийского кино, — с высокомерной ухмылкой сообщил он, явно ожидая восторженного визга с моей стороны. Видимо, мы чем-то похожи на глупых фанаток какого-нибудь Раджа Капура, специально приехавших из провинции, только чтобы взглянуть на обожаемого актера, а если повезет, то и попытаться сорвать с него что-нибудь на память, хотя бы носки.

— А вы не поможете нам пройти внутрь?

— Ха, с чего бы это?! Вдруг вы международные террористки, откуда мне знать? Раньше в павильоны, где снимаются фильмы, мог пройти кто угодно, но в этом году усилили меры предосторожности. Это один из самых важных объектов в нашей стране, все любят боливудские фильмы. Так что кого попало не пропускаем, — строго объявил актер, но тут его лицо застыло, просияв через секунду и глядя на меня счастливыми глазами, он воскликнул: — Конечно, о блистательная! По красоте с тобой сравнится разве что Приянка Чопра! Но ты рядом, а Приянка далеко, на такого скромного индийца, как я, скорее всего, и не посмотрит, так как же я могу тебе отказать? Охрана посторонних не пропускает, но я сделаю все, что в человеческих силах. На, возьми мой пропуск, это все, что у меня есть, тебя пропустят. Иди же!

Благоговейно дыша, он сунул мне в руку пропуск. Можно было и не видеть выражения глаз стоящей у меня за спиной джиннии, чтобы понять, чья это работа.

— Но твою подругу и собаку вряд ли пропустят, — с сожалением произнес он, кланяясь и Акисе, и Найде заодно.

— Они пройдут, не переживай, а как же ты? Ты уверен, что не пропустишь из-за нас эпизод сдачи англичан индийским повстанцам? — обеспокоилась я, чувствуя себя чуточку виноватой.

— Они уже сдались. Видишь синяки? — ответил он, с гордостью демонстрируя свой профиль справа и слева.

— Вас так побили! — притворно ахнула я.

— Да, работали без каскадеров. Сейчас будут снимать танцы перед решающей битвой с британскими войсками, а потом сцену издевательств в английском лагере над пленными сипаями. Это мне никак пропускать нельзя, с одним наглым сипаем у меня личные счеты, — сообщил «англичанин», коснувшись ссадины на скуле. — Потом еще я смазываю патроны будто бы коровьим жиром, из-за чего и началась эта заварушка, переросшая в освободительную войну!

Я уже успела устать от его бахвалистой болтовни, но он бессердечно продолжал, расчищая перед нами путь к дверям:

— Так что, можно сказать, у меня вторая роль в ленте после Ангара Вандея. А он, по правде, там ничего такого важного и не делает, подумает, выигрывает пару сражений, после чего обручается с проституткой и спокойно дает себя казнить. Просто режиссер счел, что его присутствие необходимо, раз он по сценарию главный герой. Это еще и потому, что он сам его и играет! В общем, скучный он, наш Ангар Вандеи, потому что положительный. Я вот антигерой, а антигерои всегда запоминаются больше... Кстати, Манипури!

— Что-что, простите?

— Не подумай, что я говорю о танце или об индуистах из штата Манипур. Это меня зовут Манипури, красавица, — обидчиво пояснил актер. — А тебя как?

Но в этот момент я уже протягивала пропуск охраннику, успев разглядеть, что документ именной. Хорошо хоть фотографии нет.

— Госпожа... Манипури? Проходите.

— Да. А я играю в этом фильме главную роль. Имя мое Бхагаван Шри!³ Пропуск мне не нужен! — услышала я за своей спиной и не удержалась, чтобы не обернуться.

— Бхагаван Шри? Хм... хе... — недоверчиво переспросил охранник, насмешливо хмыкнув, и снова посуровел: — Ничего не знаю, Бхагаван Шри, нет пропуска — нет прохода!

Пока они разбирались и шумно выясняли отношения, я тихо скользнула внутрь павильона. Пройдя через металлоискатель, увидела поджидающих меня в уголке Акису с Найдой.

— Ај, неплохой человек этот Манипури, хоть и сикх, зачем ты его отвергла? — с укором в голосе заметила мне джинния.

— Не надо снова пытаться сбить меня с рук лишь бы кому! Во-первых, он актер второго плана, а во-вторых, пустопорожний болтун, не люблю болтливых мужчин, — твердо отрезала я, уверенно направляясь по просторному коридору к большой распахнутой двери, поглощающей всех, кому посчастливилось к ней подойти...

Мы оказались в громадном зале с весьма правдоподобными декорациями — картонными валунами и целлофановыми водопадами. Особенно впечатляюще выглядел утес из покрашенного асбеста и дерева из пластмассы. Что вы хотите, индийское кино...

Несколько сценических площадок, отделенных друг от друга картонными перегородками: два поля битвы, одно чистое, явно перед сражением и с рядами солдат в отутуженной форме, другое с отдыхающими ранеными в грязных изорванных мундирах. Потом еще лагерь англичан, интерьер какой-то хижины, возможно, в ней смертельно раненный Вандей и обручается с... э-э... со своей всеми любимой девушкой.

Десятки гримерных, костюмерных... А главное, толпы народа, перемещающиеся на первый взгляд бесцельно, взад-вперед, непонятно куда и зачем. Статистики из массовки в национальных нарядах и дорогих украшениях, на одной я, кажется, даже видела настоящие бриллианты, а может, и стекляшки, только очень сияющие. От звона многоярусных ножных браслетов было столько шума, хоть затыкай уши. А запахом жасмина, который здесь пользовался популярностью, подозреваю, не только у женщин, просто пропитался сам воздух, и можно было задохнуться, как в газовой камере. Но все равно было так интересно!

Вдруг грянула музыка, загрохотали громоздкие барабаны, тамбуры, и разнеслись индийские напевы. Мы с Акисой, конечно, не могли ничего упустить и пробились сквозь толпу посмотреть. Нашим глазам открылось яркое зрелище.

На поле, которому предназначено было стать полем сражения, под светом софитов пели и танцевали сипаи в красно-синем и английские солдаты в белых мундирах. Причем англичане вели свою партию чопорно и медленно с холодными выражениями мрачных лиц, а сипаи эмоционально и весело, бегая взад-вперед, размахивая руками, вскакивая по одному на пригорок, чтобы спеть очередной куплет. Хор, соответственно, подпевал, радостно улыбаясь, разом вскидывая ружья и приплясывая.

Сипаи пели примерно следующее:

Скоро взойдет солнце!
Но мы его не увидим,
Мы счастливо умрем героями!
И никогда больше не покоримся проклятым англичанам!
Они ели наших священных коров!
Они забирали наших жен и дочерей в служанки!
Но сегодня мы ляжем на этом поле
И своей смертью завоюем свободу для Индии!

³ Господь Бог (с др. — инд.)

И припев:

Не будем больше рабами англичан,
Пришла пора послужить и своему народу!

Приводить здесь песню англичан я не стану, они в ней только и делали, что злобно оскорбляли и угрожали индийцам, рефреном повторяя угрозы. Практически один в один с куплетами сторонника колонизации недоразвитых стран Редьярда Киплинга...

В этот момент в неприметную дверь, недалеко от которой мы стояли (по-видимому, ход с пожарной лестницы), испуганно озираясь, проскользнул маленький невзрачный человек в национальной одежде сикхов — узкие белые брюки, длинная рубашка и облегающая курточка со стоячим воротником.

Я читала, что в последние годы у мужчин в Индии традиционные национальные костюмы вытесняют одежду западного образца. Правда, это было написано в энциклопедии «Страны и народы» за тысяча девятьсот восемьдесят второй год. Но неважно, факт ведь налицо. Хотя для чистого перед законом человека вид у него был слишком затравленный...

— А где боевые слоны? — услышала я вдруг взволнованный шепот джиннии.

— Вряд ли они принимали участие в борьбе против англичан, слоны за мир во всем мире, — отмахнулась я, с любопытством глядя, как фанатки с визгом обступили только что вошедшего затравленного индийца, стало понятно, почему у него такой вид. Теперь он вынужденно раздавал автографы с лицом обреченного на вечные муки в аду. Видимо, это одна из местных звезд. В какое-то мгновение я встретила с его взглядом. И быстро отвернулась — такую усталость и боль выдержать было трудно...

— Вот почему эта борьба и длилась так долго! — Уверенно констатировала джинния. — В случае войны никак нельзя обойтись без боевых слонов! Подержи-ка собаку, я хочу поближе посмотреть...

Глава девятнадцатая, КИНОШНАЯ

Едва Акиса исчезла в толпе, как ко мне подскочила какая-то высоченная тетка с перекошенным лицом и кипой бумажек в руках.

— Эй, вот вы где, сестра! И собака с вами, очень хорошо. Я Садхана, помощник режиссера. Вы уже были в гримерной?! — громоподобно взревела она.

— Зачем мне в гримерную, у меня тушь размазалась? — сразу испугалась я.

— Вам-то лично незачем, вижу, действительно не были, а собаку надо привести в нужный вид, покрасить, загримировать, быстрее-быстрее, поторапливайтесь, у вас пятнадцать минут!

— Но мы...

Бесполезно... Никого не слыша, она уже затолкала нас в ближайшую дверь. За ней и вправду оказалась гримерная. Очень худой маленькой девушке, стоящей у зеркала с кисточкой в руках, — было сурово приказано:

— Приведи ее в порядок, вздыбь шерсть, придай ей эффект грязи, но сначала перекрась в коричневый цвет, добавь бурых пятен, она перемазалась кровью, когда вытаскивала Вандея с поля битвы! И поспеши, съемка через двадцать минут! — И, хлопнув дверью, помощник режиссера исчезла.

Девушка оценивающе уставилась на меня, не понравился мне ее взгляд. Пришлось указать пальцем:

— Не меня, собаку!

— Ах, а я-то думала, как мне вас.... — облегченно вздохнула гримерша, сразу став очень активной.

— Но дело в том, что ее перепутали с какой-то другой собакой, — зачем-то пустилась

объяснять я, хотя кого это интересовало...

— Это вы сами разбирайтесь и не мешайте мне делать мою работу! — строго посоветовала девица.

— Ага, поняла, спасибо, до свидания! — Я схватила Найдку за поводок и потянула к выходу.

Но девушка бросилась между дверью и нами просто кик крейсер-перехватчик.

— Стойте! Вам-то, конечно, все равно, а меня обязательно уволят, если собака не будет покрашена через двадцать минут, — заныла она, с необычной для ее худобы и роста силой вырывая у меня из рук поводок.

— Но зачем мне крашеная собака?!

— Знаете, у нас миллиард с лишним жителей и на мое место сто претенденток, нас тут же увольняют за любую провинность. А на этой неделе меня должны были повесить, я пять лет этого ждала, год испытательного срока работала без зарплаты! Но теперь мне придется снова становиться в очередь на бирже, и я уже никогда не стану президентом кинокомпании. А это моя мечта! Позвольте выполнить то, что мне велели. Не волнуйтесь за вашу собаку, эта краска легко смывается, — взмолилась гримерша, тряся баллончиком у меня перед носом.

Пришлось вынужденно согласиться, не хотелось быть причиной разрушения ее карьеры. У меня доброе сердце...

— Хорошо, что смывается, действуйте, — неуверенно протянула я.

Девушка кинулась кланяться и, не теряя времени, принялась за дело.

Через десять минут нашу Найдку было не узнать! Она, конечно, попробовала сопротивляться, как и любая дорожающая своей честью собака, когда ее обрызгивают краской, моют шампунем, да еще с бальзамом, намазывают гелем, а потом подступают с жужжащим феном, непонятно что собираясь из нее сделать — корейский шашлык или всего лишь причесать?! Но сопротивление было подавлено, и ей оставалось лишь одаривать нас с гримершей попеременно полными упрека взглядами...

Хорошо, что лабрадоры миролюбивые и добрые собаки, а если бы нам пришлось таскать за собой недомоседливого бультерьера, а гримерше велели сделать с ним то же, что сейчас со смиренной Найдой, посмотрела бы я, чем она дорожит сильнее — работой или жизнью...

Моя псина превратилась под умелыми руками профессионала в настоящую бездомную дворнягу, промышлявшую по помойкам не меньше десяти лет. Причем последние девять переболевшую всеми собачьими болезнями.

В этот момент вернулась громобойная женщина, оценивающе оглядела Найдку и без спросу потащила ее на съемочную площадку.

Я бросилась за ней, пытаюсь перехватить собаку:

— Ну хватит, отдайте поводок. Это в конце концов уже слишком, это мое домашнее животное! И она не будет сниматься и корчиться от жестоких ранений, а еще перед этим тащить на спине какого-то народного героя, у нее спина не казенная.

— Но ведь это, я вижу, лабрадор, а лабрадоры, как известно, работают в спасательных службах и спасают людей даже в горах.

— Да, но подробности мало кому известны. Обычно только самим лабрадорам-спасателям! Они как никто знают, насколько правдива поговорка о том, что с горы катить всегда легче, чем в гору. Стоит лишь подтолкнуть носом, человек сам покатился, единственное, что нужно, подстраховать пару раз у обрывов, а если их нет, да и путь без уступов, совсем красота, сразу беги вниз (по дороге еще успеешь поохотиться) и подпирай пострадавшего у подножия, — поспешно тараторила я, но женщина, кажется, не слушала.

Мы куда-то бежали, ныряли под декорации, а в результате через пару минут оказались уже на съемочной площадке. По импровизированному полю, побросав ружья, бесцельно бродили воины обеих сторон, ни большинство посиживали на муляжах, имитирующих погибших солдат, покуривали папироски и травили анекдоты. Среди них был и «англичанин» Манипури, он мне весело подмигнул, помахав сигаретой. Видно, съемки в

английском лагере перенесли...

На декорациях были изображены кустарные панорамы героических сражений, уходящие за рисованный горизонт, над которым поднималось красное солнце, окрашивая все небо в кровавый цвет, что аллегорично обозначало рассвет новой жизни.

— Понятно, но ваша собака, как я сейчас приглядишься, кажется помесь, так что Ангари такие ужасы не грозят. Тем более она его будет не с горы сбрасывать, а перетаскивать через горы трупов.

— Э... Эм?! — Я давно забыла, о чем, собственно, сама и болтала.

— Не беспокойтесь, мы вам хорошо заплатим за все труды и усилия вашего питомца, в том числе и за выпавшие зубы.

— А с чего вы взяли, что они у нее выпадут? — насторожилась я.

— Вы еще не видели нашего Вандея... А вот, кстати, и он.

Я посмотрела в указанном ею направлении, ожидая увидеть гиганта-качка. Никого даже близко. Может, не так поняла? Но зато я увидела того затравленного актера и снова испытала странное чувство, как тогда, когда встретила с ним взглядом в первый раз.

— Так, собака есть, все здесь, где главный оператор? В буфете?! Живо тащите этого пьяницу сюда! Я жду минуту, не больше! — суровым голосом распоряжался этот индеец, одетый в пыльную форму, перепачканную кровью. Неужели он и есть режиссер и главный герой фильма? И почему собаки отказывались его тащить?

Помощник режиссера как будто прочла мои мысли.

— Господин Эмир Шах — наш ведущий актер, режиссер, сценарист и продюсер в одном лице. Не смотрите на внешнюю худобу, у него тяжелая кость. Поверьте моему опыту... э-э... то есть я хотела сказать, что ваша собака не первая, но надеюсь, она не откажется его тащить, как другие. А то мы этот эпизод уже неделю пытаемся отснять, потеряна уйма времени. Обычно у нас в Болливуде за такой срок целые фильмы снимаются!

Глава двадцатая, КИНОЛОГИЧЕСКАЯ

Сразу всех стало жалко и захотелось помочь, к тому же что плохого в том, что Найда станет кинозвездой, пусть даже индийского кино? Роль не пыльная, героическая, без излишней трагичности. Но на самом деле, только увидев Эмира Шаха, я решила больше не мешать актерской карьере Найды. Мне стало понятно, почему вокруг него крутилось столько поклонниц — у него были такие ресницы-ы...

— Найда в вашем распоряжении.

— Отлично. Эмир, подойди сюда, взгляни, вот новая, собака!

— Сейчас, минутку! Так, ты ложись сюда. И все-все укладывайтесь, да не так, как вам удобно, а поестественней — как упал, изрешеченный пулями, так и лежи. Нет, не так, выверни-выверни руку! Лежи прямо и не пытайся курить втихаря, думая, что тебя прикрывают Рошан, Мишан и Дишан только потому, что они сверху. Ты ведь к ракшасу подпалишь солому, на которой вы лежите, а раны у вас не настолько свежие, чтобы дымиться в кадре!

Наконец распорядительный красавчик обернулся к нам и замолчал, остановив на мне пристальный взгляд грустно-усталых глаз, потом пригляделся к Найде:

— По крайней мере, по внешним данным она нам подходит. Только это ведь не тибетский терьер, — задумчиво заметил он.

Точно, симпатяга! Надо будет наемкнуть насчет него Акисе, какая разница, что сикх — главное, по всем параметрам, кажется, подходит. Надеюсь, эта сволочная псина не опозорит меня на глазах у всех, а спасет народного героя как следует.

— Вы должны нам помочь, полагаю, она слушается только вас, вы ведь хозяйка, а как давно?

— Я вырастила ее с пеленок, — не знаю зачем соврала я.

— А обучали ли эту собаку спасать людей?

— Конечно, как ребенка, каждый день в течение пяти лет я водила ее в школу для собак! Думаю, это время не пропало для нее зря. — Я уже не соображала, что плету, мысли разбежались, а язык нес сущий бред. Я что, влюбилась?!

— У вас есть дети? — спросил он, глядя на меня очень внимательно.

— Нет, — на автомате ответила я. — Э... мм... простите, а какое это имеет отношение к талантам Найды?

Хорошо еще, иногда получается сориентироваться с ответами.

— Ровным счетом никакого, — признал Эмир Шах, смущенно отворачиваясь (как странно). Увидев появившегося на площадке здоровяка с национальными лепешками чапатти в руках, он радостно заорал: — А, Тишан, где тебя носило?! Давай за работу, тебя только ждем!

— Извини, Эмир, прошел слух, что буфет сегодня закрывается раньше. Запасался провиантом для наших храбрых солдат, ха-ха... хо... хм. Простите, — сдулся он, увидев посуровевший взгляд режиссера.

Эмир Шах, пока его помощница с криками завершала расстановку и раскладку солдат, быстро приблизился ко мне чуть не вплотную, отчего сердце у меня в груди, кажется, вообще перестало биться.

— Итак, ситуация. Эта собака... э-э... безымянная героиня, мы не знаем, как ее зовут, поскольку она из английского лагеря. Во время сражения ранят английского генерала, а ее отправляют вытащить его с поля боя. Но по пути, пробираясь через горы трупов и раненых, собака видит жестокость англичан и бедственное положение одетых в дешевую форму и слабо вооруженных сипаев, проникается к ним глубоким сочувствием и вместо генерала спасает лежащего рядом смертельно раненного Ангара Вандея. То есть меня! И когда она выбирает между нами, этот мучительный выбор читается на ее морде. Все понятно?

Я с трудом глотнула воздуха, чтобы выговорить:

— Да, но... только вот трудно будет уговорить ее изобразить мучительный выбор.

— Побрызгаем луковым соком в глаза!

— Ой, лучше она постарается так...

Найда с любопытством переводила взгляд с меня на режиссера, а когда тот пошел укладываться на поле брани, вопросительно зевнула. «Генералу» и Эмиру Шаху торжественно вручили один куриный окорочок на двоих, те дружески разломали его и сунули по карманам. В тот момент я еще не понимала зачем, но у актеров был свой опыт работы с собаками...

— Все. Тишина на площадке! Мотор! Поехали!

Я стала коленкой подталкивать Найду в худую ляжку, намечая направление, но Вандей сделал умнее, он приподнялся и помахал в воздухе куриной ножкой. Голодная Найда на секунду застыла, потом рванула к нему, а он быстро улегся и притворился тяжело раненным. Все камеры были направлены на стремительно бегущую Найду, но вдруг она потеряла интерес, остановилась, видимо перестав чувствовать запах мяса, и принялась обнюхивать кого-то из «мертвых».

— Просто замечательно! Она пытается найти хозяина, выглядело бы нереалистично, если бы она сразу безошибочно отыскала его среди густого запаха крови и пороха! — радостно зашептала помощник режиссера.

Но Найда попросту принялась слоняться по полю, Опрашивая у солдат припрятанные по карманам остатки пирожков из буфета, местонахождение еды она определяла безошибочно. Стыд-то какой! И не предполагала, что у нее душа попрошайки... А съемочная группа и актеры наверняка уже думают, что я приучила ее выпрашивать у незнакомых людей, чтобы экономить на пропитании. И где же Акису так долго носит?

Джинния возникла рядом как всегда незаметно для непосвященных окружающих.

— Ай, что тут происходит? — на ухо шепнула она, внимательно присматриваясь к происходящему вокруг. — Снимаете фильм во имя Аллаха?! А я тоже сейчас успела

присмотреть тебе парочку женихов из среды лицедеев...

— Тише ты, должна быть полная тишина, потом расскажешь, — одними губами проговорила я, строго цыкнув на подругу.

«Английский генерал» проснулся и тоже помахал в воздухе копченой куриной голенью. Найда, делая недоверчивую морду, слишком часто ее обманывали в последние полчаса, тем не менее устремилась к нему. Но хитрый «генерал» уже лежал, постанывая, надежно прикрыв пузом окорочок...

Когда моя собака подбежала к нему и попыталась добраться до курятины, ей это не удалось. Она бросила генерала, после чего вновь повернулась к Вандею и, подскочив к нему, с рычанием вцепилась в рукав. Бедняжка поняла уже, что ее попросту водят за нос... — Отдайте ей приказ, пусть вытаскивает его, — велела мне помощник режиссера.

Мамочка, про это я и забыла, когда согласилась отдать им Найду. Но тогда рядом стоял Вандей и я вообще ничего не соображала. Но какие приказы, эта псина ни в грош меня не ставит...

— Командуйте же!

— Но... это... надо неделями приучать животное тащить определенного человека.

Помощник режиссера уставилась на меня взглядом надувающейся кобры:

— Отдайте ей приказ спасать, немедленно! Вчера по телефону вы сказали, что ваша собака лучшая в мире и спасла в Тибете семьдесят семь монахов, когда те совершали утреннюю оздоровительную пробежку, а один вдруг чихнул, и всех накрыло лавиной...

Я умоляюще посмотрела на джиннию, с насмешливой полуулыбкой слушающую наш разговор. Кивнув, она понимающе прищурилась и чуть заметно повела бровью. После чего Найда, продолжая с наслаждением трепать рукав «бездыханного» Вандея, вцепилась ему в воротник и, упираясь на все четыре лапы, с видимым напряжением, читавшимся на ее морде, потащила его по полю.

Ура-а! Операторы радостно снимали, вся киногруппа, затаив дыхание, замороженно наблюдала, боясь, что на полпути собака сообразит, что тащить такую тушу нерентабельно, здоровье дороже, и, съев куру, которую актер, кажется, спрятал в карман, бросит его как уже ненужный груз прямо среди солдат неприятеля.

Но чудо свершилось! Вандей был «вытащен из-под обстрела» и даже доставлен к подступам в сипайский лагерь, где моя собака передала его с лап, а вернее, с зубов на руки окружившим их сотоварищам героического сипая.

— Стоп! Снято! С первого раза! Это было нечто-о...

Вот они, минуты славы! Найду окружили, поздравляли, обнимали и трепали по холке, гладили по голове и целовали в нос. Мужчины и женщины, набежав из соседних павильонов, наперебой жали ей лапу и поливали слезами благодарности. Вокруг нее уже пели и плясали! Все-таки индийцы — эмоциональный народ...

Но Акиса тут же разогнала всех, возмущаясь, что собаку и так уже загоняли, нацепила ошейник и, взяв ее за поводок, пошла к помощнице режиссера требовать Найдин гонорар, золотом и немедленно.

Эмир Шах с сияющими глазами подскочил ко мне, я обомлела и почувствовала дрожь в коленках.

— У меня к вам предложение, от которого вы не сможете отказаться! Мы подпишем с вами контракт. Ваша собака станет самой знаменитой и любимой собакой в Индии, а если повезет, то и в Бангладеш! Мне в голову сейчас пришла совершенно гениальная идея телесериала про благородную собаку-полицейского, которая не берет взятку, чем и завоюет в самые короткие сроки сердца миллиарда индийских телезрителей. «Ракш»! Так будет называться сериал. По кличке собаки — главного героя.

— Но... такой сериал... уже есть, — запинаясь, заметила я.

— Неужели? Не может быть, — расстроился Эмир Шах. — А я полагал, что сам только что придумал эту гениальную идею. Да, кстати, как зовут собаку?

— Найда.

— Поразительно, так звала мать моего любимого брата в детстве — Наид! Он пропал, и мы ищем его уже двадцать лет, — чуть нахмурившись, вздохнул индеец.

— Простите... — прошептала я.

— Ничего, в трущобах Бомбея каждый день кто-нибудь пропадает, но родные всегда думают, что он скорее всего уехал в большой город и стал там важным господином, богатым рок-музыкантом или хотя бы министром промышленности.

— Я думала, это Бомбей большой город.

— Неважно, трущобы — это один Бомбей, а элита, как я сейчас, живет и работает в другом Бомбее. Главное то, что всемогущий Шива свел наши пути с этой собакой, дав мне еще один шанс! Это моя карма. И я не отпущу ее, как когда-то отпустил брата!

Актера бесцеремонно оборвала, вклинившись между нами, какая-то низкорослая толстая женщина в оранжевом балахоне.

— Простите за опоздание... Сидеть! Сидеть! Но эти ваши бомбейские пробки... У нас в горах Тибета... Сидеть! Вы такого не увидите, ни одной пробки, ни на одном горном серпантине с тысяча девятьсот не помню какого года, когда в пансионате для девочек был найден наш новый далай-лама, — шумно щебетала дамочка. Она постоянно дергала за поводок даже и не думавшего трепыхаться лохматого упитанного пса с печальными глазами.

Эмир Шах, к которому обращалась эта дородная собаководчица, явно растерялся.

— Простите, но мы уже... вообще-то... извините... это ведь не Лабрадор, — не сразу нашелся он.

— Что-о? Какой еще Лабрадор?! Да это чистокровный тибетский терьер, как вы и просили! Сидеть!

— Все равно, вы опоздали, сестра, — со спокойным достоинством, поигрывая брелком, констатировал Эмир Шах. Как он был прекрасен в этот момент! И его смуглая чистая кожа, результат постоянных косметических процедур, и тонкие семитские черты лица, и чарующая улыбка, открывающая белоснежные кривые зубы, творили что-то сумасшедшее в моей душе. Видимо, всему виной вечно любовная атмосфера индийского кино и навязчивый аромат жасмина...

Глава двадцать первая, РАЗБИТО-СЕРДЕЧНАЯ

Скандал с разобиженной собачницей приняла на себя могучая помощник режиссера. Кое-как они отделались от этой женщины, пообещав, что порекомендуют ее песика в другой павильон, где как раз подыскивают толстую собаку для рекламы собачьего корма.

Я просто млела от благородства и возвышенных талантов Эмира Шаха. Где же Акиса? Когда кандидат практически найден, ее днем с огнем не найдешь!

А Эмир, вдруг сказав, что нам надо поговорить серьезно, отвел меня за декорации.

— О прекраснейшая владелица дивной собаки, ты запала в мое сердце, как розовый цвет лотоса в сердце влюбленного слона. — Он провел рукой по моему плечу. Я немножко сжалась, но продолжала жадно слушать, рассеянно поглаживая Найду. — Впредь я не смогу ровно дышать, если рядом не будет такой прекрасной девушки, чьи глаза сияют, словно танцующие звезды Бомбея! Чья грудь высотой и упругостью подобна спелым плодам золотистой папайи! Чьи бедра изогнуты и соблазнительны, как священная чаша для благословенного напитка на празднике венчания Шивы и Кали, чья шея нежна и подобна божественному столбу мироздания, коим была оплодотворена сама Вселенная!

— Да неужели, милый? Почему-то своей законной жене ты таких слов не говоришь! Это очередная твоя статистка?!

За спиной звезды индийского кино возникла мощная женщина средних лет с усами, уперев руки в неохватные бока, она окидывала нас обоих сердитым взглядом. А я как раз хотела уточнить тот двусмысленный комплимент насчет божественного столба...

— Родная, ты же... — позорно подпрыгнул режиссерчик. — Ты же должна была быть у

мамы в Хаджипуре! Ну, неважно...

— Ах, неважно... — Тетка начала засучивать рукава.

— Ты опять все неправильно поняла, эти слова я обращал к собаке, она сыграла главную роль, и только посмотри на нее, разве можно ею не восхищаться! — упоенно заврался этот трусливый гад. — Такой талант, такая грация, воистину ее создали боги лишь для того, чтобы мы ее славили!

О да... Кое-кто обладает истинным актерским талантом, и в этого кое-кого я почти влюбилась?! Или, правильнее сказать, едва не вляпалась!

Схватив Найду за ошейник, я вытерла невольные выступившие слезы и рванулась к выходу. Эмир Шах догнал нас у выхода и встал на пути.

— Вы уже уходите? Но почему?! Мы бы сделали из Найды звезду Болливуда, — чуть не плакал он.

— Нам некогда, спешим на собачью выставку в Париже, моя собака там почетный гость от клуба «Белка и Стрелка».

— О да, конечно, она заслуживает всяческого почета! А когда выставка? Ей там обязательно присутствовать?

— Хм, не поняла?!

— Ну, может, вы сами слетаете на выставку, а собаку оставите нам хотя бы на один день. Мы хотим снять рекламу к фильму. Афишу я уже вижу! Крупно, на первом плане ее морда в фас, гордый взгляд обращен вдаль, а брови слегка нахмурены. Она как бы в размышлениях о будущем индийского народа, прозревая, что там тоже полно испытаний и не скоро еще воцарятся на нашей многострадальной земле мир и благополучие. Ее торс в крови, символизирующей страдания всех, кто боролся за независимость Индии, во имя ее совершал подвиг и носил красную сипайскую форму, хотя... можно и даже выигрышнее будет просто накинуть ей на плечи мундир. И вот она на фоне огня! Может быть, даже кровавого побоища, смотрит вдаль гордым взглядом, не сломленная страданиями. Ее выбор сделан! Она будет едина с индийским народом в борьбе за свободу и будет помогать вытаскивать раненых с полей сражений до самой последней капли крови!

— Отличная идея, Эмир, — равнодушно заметил главный оператор, жуя пирожок. — Но, может, лучше точно так же изобразить самого Ангара Вандея вместо какой-то собаки?

— Сколько вы заплатите бедному, изможденному постоянными съемками животному за великие труды? Ей нужны лекарства и усиленное питание, — неожиданно вклинилась в наш разговор джинния с плохо скрываемой личной заинтересованностью в голосе.

— Сколько скажете! Ну, в пределах разумного, конечно, — спохватился Эмир Шах, когда помощник режиссера что-то яростно зашептала ему на ухо.

— Неразумно было бы взять мало за столь бесценную собаку! Кстати, мы ее даже можем продать, если договоримся в цене. Но, боюсь, у вас денег не хватит...

— Акиса, что ты несешь?! Не слушайте ее, она сошла с ума, это не ее собака и продавать мы ее не будем. Так что прощайте, уважаемый Эмир, было приятно с вами... в общем, ничего хорошего... Наш самолет улетает, пока!

Эмир заткнулся и уставился на меня грустным проникновенным взглядом. Не надо меня жалеть, сама виновата, с чего я взяла, что он непременно холост?!

— Я вызову такси, — с тоской в голосе произнес Эмир, казалось, ему большого труда стоило отпустить нас, но он вытащил сотовый и набрал номер. Странно, его руки дрожали от волнения...

Нет, пора сбрасывать с себя это наваждение, ясно же — он взволновался так только из-за Найды! Ненормальный, нельзя же настолько сильно привязываться к чужим собакам за какую-то пару часов. Или можно? Эх, мне бы хоть чуточку Найдиного магического обаяния...

Но джинния как обычно бесцеремонно оборвала мои размышления, оттащив в сторону, чтобы сообщить, что это я глупая, мы бы сорвали хорошие деньги, продав собаку, а через пару дней она бы незаметно ее выкрала! Но я категорично отказалась, в конце концов, кто

отвечает за собаку? С джиннии спрос небольшой, она всегда готова ввязаться в сомнительную авантюру, а если у собаки будет стресс от разлуки?!

В итоге мы сошлись на том, чтобы оставить ее до завтра, о себе думать тоже надо, все-таки постоянно таскать за собой собаку немного хлопотно. Эмир Шах — лично поручился, что ей на это время будут созданы идеальные условия, гарантировано самое уважительное обращение и трехразовое кормление в лучшем китайском ресторане. Сумму гонорара Акиса выбила просто несусветную, но ей выписали чек...

Через пятнадцать минут мы сидели в кафе на соседней улице:

— Все равно эти проклятые индийцы зарплату отдают маме. Их жены вечно сварливы и не находят душевного покоя. Тебе повезло, что он женат, — успокаивала меня волшебная подружка. — Только не плачь, о пылкая в эмоциях...

— Знаешь, я теперь об актерах и режиссерах буквально слышать не могу! Вот даже Бена Аффлекa сейчас видеть не в силах, ну разве что через недельку, когда мое разбитое сердце чуть успокоится. Может, сделаем перерыв на это время?

— Ай, сколько раз я уже говорила — у меня нет столько времени. Эй, слуга, еще два коктейля с персиковым соком!

— Ладно, ладно, просто я уже отчаялась... Ничего не хочу, лучше бы, как и собиралась, выбрала вторым желанием домашнего енота! Может быть, если еще не поздно, сделаешь мне скидку в знак дружбы? Я имею в виду — можно переменить желание? Енота вместо мужа?! И у тебя больше не будет со мной хлопот...

— Думаешь, этим облегчишь мой труд, о наивнейшая? Видно, что ты не много в своей жизни общалась с енотами. Да будет тебе известно, что хорошего енота сейчас найти так же трудно, как и достойного мужа! А может, и еще трудней... Подбросить же тебе плохого енота было бы очень недостойно с моей стороны именно потому, что ты моя подруга. Даже почти сестра!

Хотя другой джинн на моем месте так бы с тобой и поступил...

— Спасибо, что ты не другой джинн, — вздохнула я, находя в ее словах мало истинного утешения, достойного для излечения столь глубокой душевной рапы...

Фу-ты, что за напасть?! В то время как Акиса все больше переходит на современный язык общения, я же начинаю думать тем литературным стилем, каким она общалась в самый первый день нашего знакомства.

— Мужчины, как и еноты, существа трудноуловительные, но положиись на меня, сестра, у тебя будет самый лучший муж! Или, скорее, ты будешь считать его самым лучшим, — сощуриив хитрые глаза, добавила она в сторону.

— Скажи, а часто у вас женщины-джиннии кому-нибудь служат, то есть помогают людям, как ты? Если наравне с джиннами-мужчинами, то почему тогда об этом так мало пишут?

— Мужской шовинизм, о недогадливая в политике комплексов сильного пола!

Мы пообедали, заказав по порции цыпленка в соусе карри и молочный чай с пряностями.

— Очень вкусно, даже то, что кожа оципана только наполовину, не портит аппетита и скорее дает новые ощущения, — отметила я, собираясь попросить еще одного цыпленка.

— Аи, ты так много ешь, что скоро станешь весить, как священная корова! И твой будущий муж бросит тебя, опасаясь, что ты пролomiшь остов его новой заморской колесницы, — поучительно заметила джинния, заказывая себе уже третью порцию. А на мой изумленный несправедливостью и непоследовательностью ее суждений и поступков взгляд надменно ответила:

— Милостью Аллаха я не подвержена полноте, могу есть сколько захочу совсем без последствий для моего совершенного сложения. А могу и не есть, мне не очень-то и надо...

Поперхнувшись чаем, я уставилась на ее плотную и выпуклую, где надо, фигуру. Но Акиса уже о чем-то задумалась, расслабленно вытянув ноги и чуть хмуря брови, потом быстро попросила счет и поторопила меня:

— Так, собирайся, о недостаточно просвещенная для супружеской жизни!

Я хотела было заступиться за свое образование, но одумалась, она бы все равно не стала слушать...

— Готовься посетить древний индийский храм с весьма поучительной росписью на стенах.

— Например, изображениями слонов, поклоняющихся священному дереву? Познавательное, — обрадовалась я. — Ура! Сейчас, я только в туалет... помыть руки.

К этому моменту я уже была в состоянии отвлечься от мыслей о настырном Эмире Шахе. Все-таки хорошо иметь подругу-джиннию, несмотря на ее непредсказуемость, тем более что предсказуемых женщин, по-моему, и не бывает! Неважно, джинния она или человек...

Глава двадцать вторая, ОБЩЕПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ

Все-таки благодаря ей я побывала на Гаити, взяла интервью у знаменитого модельера-извращенца, отдохнув на его роскошной вилле (пусть и с не очень радостными последствиями, но сам факт!), искупалась в Карибском море... И вот теперь мы в Индии, уже успели побывать в Боливуде, влюбиться (то есть я успела, похоже, что джинния таким глупостям не подвержена) в женатого человека, а теперь собираемся посмотреть на древние культовые сооружения! Интересно ведь, правда?

А сколько всего еще в перспективе! Как же увлекательно искать мужа, каждый день открывая для себя новую страну, получая новые ощущения, новые впечатления...

— Я готова! Это каноническая полусферическая ступа? Или вырубленная в скале чайтя первого или второго века до нашей эры?

Джинния неуверенно почесала в затылке:

— Это храм в горе... эпохи наг.

— Эпохи Наг? А что это за династия? В первый раз о такой слышу. В какие века она правила? — пристала я к Акисе, державшей меня за запястье без всякой страховки метрах в ста над землей. Невидимые, мы сейчас летели над живописными местами, скорее — парили в воздухе. Но, хоть притяжения и не чувствовалось, огромная высота захватывала дух.

Мне стало стыдно за свой страх, и я решила продемонстрировать все свои знания:

— Мы в институте как раз в последнем семестре изучали историю Древней Индии, так что я еще не все успела забыть и почти уверена, что никаких аристократов Нагов там не было. — Я зажмурила глаза, чтобы не появилось соблазна посмотреть вниз.

И тут же стукнулась о купол какого-то дворца.

— Ай-ой! — Я отбила коленку, слава богу, легко отделалась.

Акиса помянула шайтана и взяла еще выше...

— Наги, о не знающая самых простых вещей и привлекающая внимание прохожих трусливыми криками, древние существа, полулюди-полузмеи. В те времена они фактически правили этой страной, защищали ее границы от врагов и требовали, чтобы люди приносили им в жертву самых крупных и упитанных кроликов! Сначала раз в месяц, потом раз в неделю и наконец каждый день, хорошо, что зверьки не уставали... мм... давать большое потомство и могли прокормить и нагов, и людей. Умные люди шкурки снимали, но у них было очень жарко, одевались они легко и даже не знали, что такое меховые шапки, поэтому так и не придумали, что с ними делать. Шкурки скапливались...

И все шло хорошо, пока жадность не обуяла нагов и они не захотели глотать кроликов целиком вместе со шкурками, просто кто-то из нагов уже попробовал такого кролика и поделился со всеми, какой у того был дивный вкус. И тогда наги решили жестоко отомстить людям, проглотив живьем всех их детей. Но чуть-чуть не успели...

В этот год у гигантской птицы Гаруды, чье имя значит «пожиратель змей», вылупилось много птенцов и ей пришлось расширять места охоты, так она и долетела до границы и

наткнулась, к своему счастливому изумлению, на сотни и сотни разжиревших пенджабских нагов. А ведь они были не только ее любимым лакомством, но и кровными врагами. Вот так погибли почти все наги от громадных когтей и большого аппетита птицы.

— Почти? — не поняла я. — Так они что, и сейчас, выползая из-под земли после хорошего сна где-нибудь на границе Индии с Непалом, требуют на завтрак кроликов пожирнее?

— Не уверена, этот храм не имеет к ним отношения, но тебе понравится. Не беспокойся, я добуду тебе мужа, как и обещала! Там есть где его присмотреть...

Мы перемещались в пространстве как обычно, не подчиняясь законам аэродинамики. Неожиданно накатили сумерки, а через пару мгновений стало совсем темно, а еще через секунду начало светать. Получается, мы что, всю ночь летели? Тогда нелишним будет поспать.

— О нелюбознательная, ты решила вздремнуть, даже не взглянув на величественный мавзолей Тадж-Махал, который был построен по заказу великого султана Шах-Джахана для него самого и жены его Мумтаз-Махал, хоть она и была порядочной стервой и орала на всех приближенных?

Тадж-Махал, вечный приют влюбленных. Пролегая, я загляделась в неподвижное зеркало огромного бассейна, в котором отражался грандиозный мавзолей.

— Его минареты возводили и джинны, только платили им меньше, чем людям, в то время как джинны считаются самыми лучшими строителями дворцов! Однажды они отказались работать до тех пор, пока им с людьми не уравниют зарплату.

— Да-а, несправедливо, конечно, они правильно сделали, что решили отстаивать свои права. А султан между тем нанял штрейкбрехеров и спокойно закончил строительство, да?

— Нет, джинны разрушили все, что уже было сделано, за одну ночь, то есть весь фундамент, который заливали накануне, и на следующее же утро им повысили зарплату на одну рупию, как раз на столько, сколько недоплачивали. Отец моего отца, мой дедушка, вставлял драгоценные камни в мраморные плиты, которыми покрывали стены. Тогда он так надышался мраморной пылью, что слег. Пришлось, как всегда, лететь за целебной водой к далекому Зем-зему...

— Похоже, что вода из Зем-зема для вас настоящая панацея. Может, стоило бы открыть поточную линию ее продажи в розлив, для особо экстренных случаев?

Тадж-Махал пропал, картинка сменилась. Теперь под нами раскинулись джунгли, чуть выше деревьев торчала скала, на которой шевелилась растительность. Мы опустились ниже, и я увидела, что на самом деле это выводки змей, нашедших единственное солнечное место в окрестностях. В самой чаше вдруг открылся водопад, с громким шумом струился мощный поток, и до нас долетели серебристые брызги. Такая красотища!

И тут мы вдруг резко опустились на землю.

— Что? Уже! И где?

Я не находила слов, не видя вокруг ничего, кроме джунглей.

— Прибыли, о не видящая очевидного, — с насмешливой улыбкой наблюдая за моими мечущимися движениями, сообщила джинния.

Я просто пыталась понять, где тут может скрываться храм с двумя рядами колонн, тремя нефами и каменными слонами в полный рост у входа? Так я почему-то представляла себе все индийские храмы, по картинке в одном из учебников.

Мы стали продираться сквозь высокий жесткий кустарник. Коленку я, оказывается, отбила неслабо, а вскоре уткнулась носом в серую скалу.

— Ну и что дальше, скажи «сим-сим» — и откроется потайной вход в пещеру? — как можно язвительней поинтересовалась я.

— Сим-сим, — послушно повторила Акиса, раздвигая кусты чуть левее, там оказалась низкая арка. То есть все-таки можно пройти?

Мы оказались в длинном узком коридоре, стены которого были облицованы

глиняными изразцами с каким-то орнаментом.

— Раз уж ты привела меня сюда на экскурсию, так может, хотя бы приличный факел сотворишь, а то ничего же толком не видно. Ты уверена, что этот коридор не забит древними ловушками?

— Ай, тут ты права, дочь Адама, я ведь вижу в темноте и забыла, что люди не обладают этой способностью. Но тут и смотреть нечего, сначала мне надо поговорить с моим старым знакомым, он здесь начальник, в конце коридора его кабинет, освещение тут есть, они просто экономят это, как его, эле-кт-ри-чест-во, потом пойдем в главный зал, там я тебе устрою твою экскурсию, а потом... э-э...

— Что потом? — быстро спросила я, стараясь двигаться, держась за стенку.

Но она вместо ответа нарочито возмущенно воскликнула:

— Не понимаю, почему нас не встречают?!

Прищурясь, я, кажется, разглядела какую-то пыльную дверь, как вдруг она распахнулась, и из яркого света, хлынувшего в коридор, на нас бросилась куча прыгающих лилипутов. Я заорала! Но, оказалось, что это всего лишь обезьяны, похожие на макак, с мордами маленьких уголовников, а я уже подумала про древних Демонов или что храм этот находится при монастыре прыгучих волосатых карликов. Страшно ведь...

— Это священные обезьяны, пинать их нельзя, подруга! Да, самой обидно, когда обрывают бусинки, но приходится терпеть, и приглядывай за сумочкой и карманами.

Я хотела возразить ей, что мне бы и в голову не пришло пнуть маленькую обезьянку даже с таким выражением лица, как у той, что в этот момент схватила меня за руку. Как мило... было бы, если бы она схватила меня через надежные прутья клетки в зоопарке среди солнечного дня, а не в этом жутком месте и не так неожиданно. С визгливым уканьем и дикими жестами обезьяны потащили нас к раскрытой двери незнакомого помещения, из которого лил яркий свет.

— Они дрессированные, наверно, — успокаивала я себя, стараясь отогнать мысль, что они разумны и действуют сейчас по своему тайному усмотрению.

— Священный Хануман ждет вас, сестры, — торжественно раздалось у порога вместе с вылетевшим нам навстречу густым облаком бананового аромата.

Хануман? Это что-то из «Рамаяны», кажется. Видимо, нас ждет костюмированное представление в средневековом стиле. Класс, люблю спектакли!

В комнате, однако, никого не было, кроме нескольких макак в бархатных жилетках, снующих туда-сюда в процессе вытирания пыли и мытья полов, к ним сразу же присоединились и наши сопровождающие.

Само помещение, к моему удивлению, было обставлено в стиле хай-тек: хромированный металл, белый пластик и стекло. Блестящие металлические трубопроводы по стенам, в изголовье огромный стол со стеклянной столешницей и стальными ножками, за ним огромное кресло, сделанное из извивающихся металлических шлангов, по обеим сторонам стола стулья, спинки которых переплетены такими же серебристыми спиралями. На стене картина без рамки, полотно расчерчено на серо-голубые прямоугольники, ламинатный пол под сосну, люминесцентные лампы, блок сплит-системы. Рядом со столом непонятная громоздкая инсталляция из алюминиевой проволоки и консервных банок.

Глава двадцать третья, БОЖЕСТВЕННАЯ

Из-за стеклоблоков вышло непостижимое существо, одетое по-европейски и очень стильно, в тонкой белоснежной рубашке с расстегнутой верхней пуговкой, открывающей волосатую грудь и идеально сидящем черном костюме от Кардена. Особенно бросились в глаза начищенные до блеска ботинки и черные лайковые перчатки, когда оно потянулось почесаться.

— Вижу, вас заинтересовала скульптура, изображающая возлюбленного моего

господина Раму в тот Момент, когда он убивает Равану, царя демонов! Между прочим, вот эта банка из-под анчоусов с зазубренными краями и есть злобный и жестокий демон, — произнесло существо мужским голосом, шаловливо мне подмигивая.

— Довольно мило, хотя и очень трудно угадать Раму в изогнутом куске проволоки. Правда, я бы его и по Фотографии не узнала, к сожалению, не имею представления, как он выглядел в жизни, — сказала я, с трудом сдерживаясь, чтобы не зевнуть. Все-таки всю ночь не спали с этой дорогой, а авангард всегда меня утомлял.

— Буду счастлив ввести вас в экспресс-курс современного индийского искусства, — с готовностью предложила обезьяна, заглядывая мне в глаза. В ее взгляде одновременно читались нахальство и сильная заинтересованность.

То, что это обезьяна, я начала подозревать, едва она вошла в комнату, но идеальная осанка и фигура сбили меня с толку. То есть лицо, манеры, руки — обезьяньи, но в целом силуэт Дэвида Бэкхема. То есть, скорее всего, это была обезьяна с фигурой человека, хотя, судя по перчаткам и груди, с природным волосяным покровом она боролась безуспешно.

— Божественный Рама так прекрасен, что хочется восхвалять и наслаждаться его созерцанием бесконечно! Но мне повезло, я смог пару раз ему реально помочь. «О прекрасный Хануман, возлюбленный друг мой, я твой вечный должник и искренне, всем сердцем к тебе привязан. Меня уже и жена к тебе ревнует. Давай выпьем, что ли, зеленого чаю, приятель, пока она не пришла!» — помнится, повторял он мне чуть не каждый день.

Чувствуя, что спина деревенеет, я слегка попятилась. Дико разговаривать с обезьяной, обладающей фигурой мужчины-фото модели, с манерами и речами сектантского проповедника и одетой от кутюр. Ощущение, что ты на грани помешательства...

— Как интересно, правда-правда... Извините, я сейчас кое-что уточню у подруги, между нами, девочками...

Обезьяна насмешливо улыбнулась, кивнула и отвернулась.

— Акиса, что происходит? Зачем ты меня притащила к человекообразной обезьяне, надеюсь, не для того, чтобы сосватать? — яростно зашептала я на ухо джиннии, которая так и стояла, склонившись, у двери с того момента, как появился хозяин комнаты.

— Это же великий Хануман, о непочтительная по неведению, помощник богов, советчик Рамы и его супруги Ситы! Любая бы захотела стать его женой, ведь он очень богат и привлекателен внешне. Но, к сожалению, еще тысячу лет назад он принял обет холостяцкой жизни, — прошептала она.

— Чудесно! — едва не подпрыгнув, обрадовалась я.

— А что происходит, потом тебе объясню. Приветствую тебя, о благороднорожденный в Свете!

— Очень рад тебя видеть, сестра, — слегка поклонился Хануман, многозначительно улыбаясь. — Помимо нашего дела, у меня есть еще вести для тебя, появившиеся за эти два дня, что мы не виделись.

— Сгораю от любопытства, о светозарный Хануман, источник мудрости и свежих новостей, — пропела джинния, сразу выпрямляясь и подплывая к нему, качая бедрами.

Впервые увидела, как она кокетничает, боже... Да, у этого странного существа есть чувство стиля и, признаю в очередной раз, отличная фигура, но ведь он обезьяна! Но, может, джинния знает о каком-нибудь его особом и весьма значительном достоинстве, помогающем хотя бы на время забыть то, что он примат. Ой, зря я об этом подумала, теперь ужасные образы не отстанут...

А Хануман тем временем отвел Акису в уголок и начал что-то с серьезным видом ей рассказывать. Я услышала только какие-то обрывки про нагов, про смену власти, поскольку была занята тем, что старалась контролировать карманы и крепко держать сумочку, так как обезьяны с полукриминальными мордами по-прежнему сновали повсюду. Бдительность терять было небезопасно...

Потом вдруг почувствовала, что меня дергают за брючину — маленькая обезьянка протягивала мне бутылку минералки, — сказав спасибо, я не отказалась от холодной

водички. А отхлебнув, едва не лишилась сумочки, которую эта мелкая шпана тут же попыталась вырвать. Правда, милые создания?

Видя занятость моей подруги, я начала бродить по комнате как по музею, за перегородкой из стеклоблоков я обнаружила еще несколько инсталляций. Одна из огромного клубка бельевых веревок, обмотанных скотчем, и разбитого монитора от компьютера, увенчанного шапочкой Санта-Клауса. Не вижу взаимосвязи, но, видимо, очередные эпизоды из жизни светоносного Рамы...

Соратник богов неслышно подошел ко мне, когда я тупо глядела на странно переплетающиеся канализационные трубы в углу комнаты. Фривольно приобняв меня за плечи (мм... хороший запах у его лосьона!), он протянул бархатным голосом:

— Необычная обстановка для кабинета священной обезьяны, не правда ли? Но вы не видели еще мою спальню... Я лишь имел в виду, что хотел бы показать Аглае, как хорошо поработали там дизайнеры, — обиженно пояснил он строго вставшей рядом Акисе и, снова повернувшись ко мне, с восторженной улыбкой продолжил: — Это деконструктивизм чистой воды, который свойственен моей натуре и безраздельно царит в моей душе! С трудом переношу порядок, чистоту и все, что с ними связано. Но в кабинете это необходимо, потому что здесь приходится принимать официальных лиц, всяких там далай-лам, губернаторов, мэров, религиозных деятелей, международных политиков. Мои обезьяны, как видите, убираются, но... вечно невовремя!

Он почти гневно уставился на озабоченную макаку, которая как раз в этот момент, решительно отпихнув его ногу, обмакнула тряпочку в ведро и принялась яростно начищать полы.

— В спальню не ходи! Если, конечно, не хочешь увидеть горы мусора, ржавых железок и ложе из битых кирпичей, — шепнула мне Акиса, вид у нее был какой-то взволнованный. Я незаметно кивнула. И подумала: выходит, моя подруга была в его спальне?!!

— Давайте отложим урбасупримитивизм и деколотофицистские инструментарные суспозитории на другой раз, — блеснула я образованием. — А сейчас объясните мне, что мы тут делаем. Кажется, осматривать храм никто не собирается?

Все замолчали. Я уже начала подозревать, что у них какой-то заговор, в который замешана и я, надеюсь только, что не в роли того несчастного лица, против кого этот заговор замышляется. Но уже через пять минут подтвердились мои самые худшие опасения...

— Хм-хм, красавица, в главном зале тебя ждет сюрприз, пройдем?

Обезьяна подала мне руку. Не люблю сюрпризы... Джинния сжалась:

— Всего лишь познакомим тебя с самым достойным молодым человеком в Индии. Божественный Хануман обладает знаниями о некоторых вещах как никто, поэтому я и обратилась к нему за помощью. Мне это пришло в голову, когда мы говорили с тобой, что нереально найти самого достойного среди полумиллиарда индийских мужчин. Только высший ум мог с этим справиться. — Она с гордой улыбкой кивнула на Ханумана, вид у которого почему-то был сконфуженный. — И — о совпадение! — оказалось, что этот юноша служит жрецом в его храме! Сразу видно волю всемилостивого Аллаха.

— Да, кхе-кхе, такое поразительное совпадение, — смущенно прокашлялась обезьяна.

— Какая еще воля Аллаха?! — возмутилась я, чувствуя, что мне катастрофически не хватает воздуха. Не хочу я такого мужа!

Меня вели по тому же коридору, что и полчаса назад, правда, сейчас на потолке и под ногами горели встроенные лампочки. Знакомство должно было произойти в другом зале...

— Никаких замужеств с храмовыми служителями! Жрецы не в моем вкусе, после свадьбы они продолжают поклоняться прежним божествам, хотя должны бы уже начать поклоняться новому, — попыталась я шуткой смягчить резкий отказ выходить замуж за индийского жреца не совсем для меня понятного культа. Служение обезьянам пахнет ересью, даже если они этой ересью занимаются уже тысячу лет.

— Он честный, добрый, благочестивый и перспективный, — на автомате отмахнулась Акиса. А Хануман, удивленно и как-то уважительно воззрившись на меня, после моих слов

слегка нахмурился, как будто что-то вспомнив, и оправдывающимся голосом признал:

— Прости, сестра, я говорил тебе, что это очень скромный молодой человек, обладающий многими достоинствами. Но оказалось, что у Шафи очень большие требования к своей будущей жене. Скромность его была обманчива.

— Почему не сказал мне раньше? — вспыхнула Акиса, но быстро взяла себя в руки или не взяла.

Просто в этот момент бежавшие впереди нас резус-макаки, схватив низко расположенные дверные ручки, явно в расчете на маленьких швейцаров, распахнули перед нами большую двустворчатую дверь. Да, насмотрелась я, как здесь за банан втайне от паломников эксплуатируют священных обезьян. Будь моя воля, я бы...

Но тут мы вошли в огромный зал со стороны здоровенной статуи золотого Будды. Только потом, рассмотрев статую спереди, я поняла, что это не Будда, а каменная обезьяна с крутыми бедрами, покатыми плечами, примитивными серьгами-цветочками в ушах и вся с головы до лап в браслетах!

— Не слишком современно, — скептически глядя на статую, сморщился Хануман. — Но паломникам нравится старина.

А зал действительно был полон паломников в темных балахонах с четками и котомками и разношерстных туристов, а еще сидящих на многоярусных антресолях макак... сотен макак! Шума от них было-о...

Но откуда здесь люди, посреди джунглей? Вертолетом завезли и сбросили? Я-то думала, это заброшенный храм... Наверно, я приняла парк за джунгли или у них коридоры такие длинные. Но почему тогда нельзя было просто пройти через парадный вход, непременно надо было продираться через жесткий кустарник?!

Но Хануман, к которому я обратилась с этим вопросом, загадочно ответил, что отсюда до его кабинета не так уж близко, как я думаю, просто они с джиннией умеют сокращать расстояния. Позже я узнала, что Акиса хотела показать мне, как великолепна страна Моголов и особенно Тадж-Махал, потому что его строил ее дедушка. К тому же она очень любит ночные полеты по Индии — а у нее семьсот лет не было возможности удовлетворить эту страсть — и поэтому не могла не воспользоваться подвернувшимся случаем...

Золоченые светильники, божки и прочие храмовые реликвии, все красивое привинчено или прибито, чтобы макаки случайно не смахнули хвостами. Но большую часть туристов здесь привлекали многочисленные эротические сюжеты, вырезанные прямо на стенах, сцены из сугубо «личной» жизни богов. Джинния, как всегда, куда-то исчезла без предупреждения...

Глава двадцать четвертая, ШОВИНИСТИЧЕСКАЯ

А Хануман следовал за мной по пятам, при нем было как-то неловко разглядывать интимные картинки, хотя некоторые действительно были познавательны. Любимец Рамы продолжал рассказывать о себе.

— Я для них обычный человек, истинный мой облик я показываю только тем, кто мне нравится, — заявил он мне, многозначительно подвигав бровями. — Скромный директор храма-музея. Служения проводятся по-прежнему, только больше по ночам, днем туристы мешают, их, видите ли, смешат процессии обезьян с факелами. Обязанности же главного священнослужителя я на себя брать не захотел, слишком хлопотно курить фимиамы самому себе, не говоря уже об организации многочасовых ритуалов. А вот и Шафи, младший жрец и обезьяний врачеватель, а это Аглая, познакомьтесь!

— Простите, господин директор, я задержался, туристы хотели бесплатно сфотографировать священный пруд-водопой, — заявил подошедший к нам молодой жрец в рваном балахоне и с синяком под глазом, поклонившись Хануману, он тут же оценивающе уставился на меня.

Симпатичный мальчик, несмотря на синяк, но не настолько, чтобы так задирать нос. Больше я о нем ничего не могла сказать, потому что тоже приняла высокомерный вид, отвернувшись в сторону.

— Что ж... ладно, дети, вам тут надо поговорить... Я нижу, вы настроены на общение, не буду мешать, пойду... — сказал Хануман, неуверенно переводя взгляд с одного из нас на другого, чуть помедлил и ушел, не дождавшись никакой реакции с нашей стороны.

— Итак, женщина, если ты хочешь, чтобы я на тебе женился, то тебе придется сначала выслушать мужчину.

Я удивленно обернулась, услышав такие слова, и демонстративно покрутила пальцем у виска, но он остался абсолютно невозмутим. Пришлось напомнить и себе вслух...

— И где тут мужчина?

— Итак, женщина, начнем сначала. Из всех дхарм исполнения религиозных, семейных и общественных обязанностей главным для моей жены должна быть кама — претворение в жизнь моих чувственных желаний шестьюдесятью четырьмя разными способами!

Ха, вот, оказывается, к чему приводит постоянное созерцание откровенных картинок в храме. Но жрец сразу заметил возмущение и насмешку в моих глазах.

— О чем ты подумала? — покраснел он, глаза его засверкали.

Ну, зачем так остро воспринимать чьи-то невинные мысли? Кажется, он такой же крайний фанат мужского шовинизма, как и служения священным обезьянам. Ладно, подыграем, не жалко...

Я вежливо улыбнулась, широко раскрыв глаза, и весь мой вид демонстрировал, что моя душа чутко устремляется навстречу его желаниям. Только бы не рассмеяться...

— Нет-нет, ни о чем, я внимательно вас слушаю, мой будущий господин!

— Итак, ты не знаешь о шестидесяти четырех искусствах? То есть даже не умеешь играть в азартные игры, раскрашивать пол и учить попугаев и скворцов разговаривать? Ну да ладно, всему этому я сам тебя обучу. Но, главное, ты не должна забывать об артхе, проще говоря, твоя задача хорошо зарабатывать, а то у меня небольшая зарплата. Еще у моей будущей жены должен быть тихий голос, она всегда должна мило улыбаться, исполнять все религиозные обряды и прежде всего готовить еду для священных храмовых обезьян. А по особым дням, когда я отдыхаю, читать мне и моим гостям изящные стихи и развлекать нас игрой на ситаре.

Неплохо, никогда не слышала более смешных речей. Конечно, я бы все делала, что он перечислил, мне нетрудно, но... для любимого, а не для столь самонадеянного и требовательного типа. Ведь он и слова не сказал о своих обязанностях передо мной, чего требовала справедливость...

— А свою зарплату вы будете отдавать маме? — спросила я (помнится, что-то подобное говорила Акиса об индийских мужчинах) и сразу притворно закашлялась, чтобы он не заметил улыбки.

— Итак, безусловно, маме, и все до рупии, — подтвердил он с важным достоинством. Похоже, «итак» — это у него слово-паразит.

В этот момент появилась запыхавшаяся джинния, она с видимым усилием тащила за собой разнаряженного слоненка. Хорошенького-о...

— Итак, о благословенные мои, вижу, вы уже договорились? — Акиса так и не поняла, почему я чуть не задохнулась от хохота...

— Итак, нет! Ибо мы еще не обсудили, какой выкуп она за меня заплатит моим родителям, — надулся Шафи и быстро добавил: — Но я уже согласен на тысячу рупий.

— Всего-то! Да это пять праздношатающихся паломников. — Джинния повела глазами по сторонам. — Заплатим.

«Жених», удовлетворенно опустив взгляд, с хмурым достоинством кивнул и пошел готовиться к церемонии, как я поняла. Все это очень походило на игру, и моя роль в ней была predetermined... Будем вносить собственные коррективы, я им не кукла.

— Церемония женитьбы длительная и сложная, но мы упростим, — бросила мне

Акиса, подавая знак каким-то девушкам с цветами, пришедшим следом за ней.

— Эй, а что ты имела в виду, когда намекнула на пятерых паломников и тысячу рупий?

— Что я «одолжу» у них эти деньги.

— Украдешь?! — неожиданно прозрела я. Господи, а мне ведь ни разу не приходило в голову, откуда Акиса вообще берет средства на все наши путешествия. Выходит, она не «наколдовывает» их из воздуха, а просто «перемещает» из чьего-то кармана в свой?! Какой стыд, мамочки...

От шока я даже не сопротивлялась, когда девицы переодели меня в красное сари и увешали гирляндами из белых, красных, желтых и розовых цветов. Немного придя в себя, я инстинктивно рванулась от них, но сообразив, что меня не держат, захотела досмотреть представление до конца. К тому же этот оттенок красного мне всегда шел, да и вообще это же традиционный наряд индийской невесты! Скорей бы увидеть себя в зеркале, а с женихом мы разобратся успеем...

Я не верила в серьезность происходящего, зная, что в конечном счете Акиса зависит от меня, а значит, можно позабавиться. Зачем отказываться от такого случая, не каждой выпадает участвовать в по-настоящему красивой экзотической церемонии бракосочетания. А какой милый слоненок! На спине у него красное покрывало с золотыми кисточками, а на голове что-то вроде плетеной золотой шапочки из монет, даже больше похоже на диадему. Вокруг меня толпились с фотоаппаратами счастливые туристы.

— А я не хочу за него выходить.

— Хотела устроить церемонию как положено на заднем дворе, но там макаки развели такой деконструктивизм, что за год не разгрести, — сказала джинния, недовольно косясь на шумную публику.

— Но я не хочу за него выходить! — повторила я уже громко, уловив в тоне джиннии решимость.

— Слушай, не хочешь — потом разведешься, — равнодушно махнула она рукой.

— Вот как ты заговорила? — рассердилась я. — А ведь сама обещала исполнить мое желание по высшему разряду!

— Прости, о всепомнящая, мне надо поскорей выполнить свои обязательства перед тобой, а именно: найти тебе самого достойного мужа! Шафи очень скоро в взлетит высоко, через год Хануман отправит старшего жреца на пенсию и назначит на его место Шафи, это и положение, и зарплата сразу на десять рупий больше! Раньше никак, нынешнему старшему жрецу всего двадцать девять, жаль, конечно, что он женат...

— И это твоя самая достойная кандидатура?! Акиса быстро увлекла меня за статую Ханумана.

— Послушай, о скандальнейшая, пока я не выдам тебя замуж, я несвободна, что бы там ни наговорила тебе о добровольной помощи. — Тут она заколебалась, похоже собираясь сообщить что-то важное; — Дело в том, что в моем Иреме два дня назад сменилась власть..

— Ну и что? Обычное дело. Кто победил? Партия зеленого финика?

— Дракон Аджи-Дахака! Могущественный и жестокий! Он сверг нашего шахиншаха, который правил еще до моего изгнания, хотя это не он меня туда отравил, а его... чиновник. Надеюсь, тот джинн теперь тоже потеряет власть, говорят, испепелил половину сановников в первый же день. Остальные сбежали... Мне необходимо вернуться домой и своими глазами увидеть, что к чему...

— А я-то думала, что ты навещала тетюшек. Но за что тебя изгнали, что произошло, ты стащила обручальное кольцо у жены шахиншаха? — сочувственно опросила я.

Кто бы знал, что всегда уверенная в себе джинния на самом деле персоне нон-грата даже в своем родном городе, и это после семисот лет заточения! А еще сумасшедший Яман-баба с его вечными проклятиями и кривляньями. Ну и жизнь у нее — не позавидуешь...

— Я обманывала тебя, сестры моего отца живут в деревне, — опустила голову Акиса.

— Значит, это и были новости, которые тебе сообщил Хануман? Теперь я понимаю, что ты не перепутала Голливуд и Боливуд. Тебе нужно было именно сюда, чтобы встретиться с

Хануманом и заодно отделаться от меня. Зачем тратить время на свидания с потенциальными женихами, если можно сразу организовать договорную свадьбу — за этим ты и притащила меня за собой, считая, что женихи везде одинаковы. Но я ведь не индуистка, и вы с Хануманом не мои родители, чтобы, не поинтересовавшись моим мнением, договариваться с противоположной стороной...

— Э-э... да, — неопределенно протянула джинния, разглядывая потолок.

Она умолчала, по какой причине ее отправили в изгнание, но мне-то что рассказывать, я всего лишь вытащила ее из заточения (терла пайдзу, изнемогая от усталости под палящим солнцем), потом вместе с ней убегала от Яман-бабы, рискуя жизнью, давала действенные психологические советы. Кто я ей после этого?

Глава двадцать пятая, УБЕГАТЕЛЬНАЯ

Моя «подруга» между тем переключилась на священный огонь, что должен был разгореться в чугунной бадье, но усердствующий над ним молодой служитель никак не мог добиться результата. Появившийся в это время рядом парадно одетый Шафи принялся разъяснять мне, сколько кругов мы будем накручивать вокруг священного огня с повязанными руками. Псих наивный...

Слушая его вполуха, я напряженно следила за джиннией в ожидании, когда она наконец закончит разбираться со священниками и вернется. Тогда я ей все скажу...

О том, чтобы по желанию Акисы выйти замуж за этого индуса и речи быть не могло. Но предательство джиннии, которой я всецело доверяла? Да кто она такая, чтобы так бесцеремонно распоряжаться моим счастьем! Значит, я всего лишь преграда на пути осуществления ее планов?! На глаза навернулись слезы...

Пол посыпали розовыми лепестками, но мне на эту красоту и на то, что все это для меня, было уже наплевать.

— Итак, послушай, женщина, а умеешь ли ты...

Но Шафи, не замечавший моего состояния, не успел досказать, каким еще очередным умением должна обладать будущая мать его детей. Потому что в этот момент возникшая у моих ног обезьянка, глядя мне в глаза чистым и невинным взором, сунула лапку в мою сумку и через секунду с добычей и торжествующим уканьем побежала прочь! Но тут же сбавила скорость и пошла эдакой вальяжной походкой, одаривая меня нахальным взглядом, словом издеваясь, как и все здесь надо мной!

— Маленькая дрянь... она вытащила мой телефон... черт, и кошелек! — возмущенно воскликнула я, проверив сумку.

Все удивленно уставились на меня, кажется, в храме не принято орать, но что поделаешь, когда доводят. Взглянув на жениха, который воспринял это безобразие с ледяным спокойствием, даже не почувствовав стыда за происходящее в его храме, я бросилась вслед за макакой.

Чудом перехватив ее на уступе, до которого можно было еще дотянуться (хорошо, она не перепрыгнула на уступ повыше), я отшлепала негодяйку, отобрав у нее кошелек и телефон. (Кстати, она уже «набирала номер» и прикладывала трубку к уху. Это отвлекло ее внимание и помогло мне ее сцапать.)

— Наговоришь тут не знаю на какую сумму, а мне счет оплачивать!

Нервные дни и бессонная ночь накануне, а еще тупая самоуверенность Шафи сделали свое дело, но эта обезьянка была последней каплей.

— Итак, эту женщину, посмевавшую поднять руку на священную храмовую обезьяну, я хотел взять в супруги, о великий Рама?! Осознаешь ли ты, что за святотатство она совершила! — возмущенно воскликнул Шафи, вздевая руки к небу.

Все осуждающе уставились на меня. Даже слоненок возмущенно затрубил, хотя он бы мог и помолчать, ему какое дело...

— Эту девицу надо наказать! — гневно крикнул какой-то фанатик. Видела я, как он бил поклоны перед одной из обезьян, пока та пожирала его дары — целый пакет воздушной кукурузы и гору чипсов, запивая все это пивом прямо из бутылки.

— Итак, дело решенное! Но может быть, она еще сумеет заслужить мое прощение, если покается! Все равно любую женщину надо перевоспитывать. Кстати, я еще не видел свадебного выкупа, его надо увеличить...

Я напряженно осмотрелась вокруг — ни одного сочувствующего или хотя бы понимающего лица. Разве что на физиономии Акисы было написано явное разочарование... Между тем возмущение одного идиота послужило детонатором для остальных сумасшедших фанатиков и на меня уже засучив рукава наступала кучка индуистов-обезьянопоклонников. Сбоку надвигался слоненок, а я-то его почти полюбила...

— Да идите вы все к Кришне! — задирая подол сари, рванулась я к выходу. Благо откуда ни возмись появился Хануман и своим авторитетом сдержал натиск оскорбленных прихожан. Уж не знаю, что он им наплел...

Через пять минут, догнав нас с джиннией на выходе, он со смущенным видом заметил:

— Э-э... я знаю еще одного жреца, он служит в храме священного мангового дерева. Может, с ним у тебя что-то склеится? Могу познакомить.

Но встретив мой взгляд, быстро добавил, чтобы мы заходили почаще, здесь нас всегда рады видеть и т. д. и т. п., и поспешил обратно, успокаивать паломников.

Как только я выпуталась из сари на заднем дворе и сбросила его на землю, хмуро наблюдавшая за мной Акиса поинтересовалась:

— Теперь куда?

— В Боливуд, надо забрать Найду, — холодно произнесла я, расправляя футболку и разглаживая штанины, которые в храме пришлось подвернуть, чтобы не выглядывали из-под подола.

Кто знает, как сложатся наши отношения с джиннией дальше? Собаку лучше иметь при себе, мало ли, придется скитаться по Индии в поисках российского посольства, если Акиса меня бросит. Я должна вернуть псинку хозяйке хотя бы в относительной целости. К тому же в крайней нужде она всегда поможет собрать денег на билет и сухую лепешку — повешу ей на шею табличку «Помогите собаке-ветерану индо-пакистанского конфликта», скоро выйдет «Ангар Вандеи», и ее станут узнавать, так что не пропадем и без этой изменницы...

Ни слова не сказав, но вид у нее стал еще более недовольный, джинния схватила меня за руку, и через пару мгновений мы перенеслись в некое помещение... Но не в Боливуд, я сразу это почувствовала.

— Куда ты нас доставила? Этот туалет не похож на тот, что был в павильоне «Вандея», здесь значительно чище, — недоверчиво заметила я.

— От тебя ничто не скроется, о проникательнейшая из дочерей Адама, — неожиданно мягким голосом льстиво произнесла Акиса, поправив прическу перед зеркалом, и пригласила следовать за собой.

Глава двадцать шестая, НАЦИСТСКАЯ

Мы вышли в роскошный ресторан; сосредоточившись, я уловила, что здесь говорили на немецком. Когда находишься под воздействием чар, благодаря которым ты понимаешь все языки как родные, не так легко определить, на каком языке идет речь. Тем более что и зрительно нельзя было сориентироваться — здесь все было по-европейски интернационально, никаких этнических различий ни в одежде, ни в интерьере.

Джинния незаметно указала пальчиком на сидящего к нам спиной низенького сутулого толстяка. Он был так толст, что свисал с двух сторон с узкого для него стула и в ярком освещении люстры ослепительно сиял лысиной.

— Достойная замена Шафи! Я ведь обещала, что найду тебе мужа за один день,

немного задержалась, но никто меня не упрекнет, что я не старалась и зря теряла время. Его я нашла за две минуты, когда ты начала орать на невинную обезьяну.

— Невинную? Я отобрала у нее мой кошелек и телефон!

— Ай, несправедливая, может, бедное животное себе на кусок хлеба зарабатывало!

— Только ты можешь назвать воровство честным трудом! Почему именно этот человек? — скривилась я, — И где ты его нашла, в брачном агентстве для толстяков? Сколько можно надо мной издеваться?!

— Не спрашивай, как я его нашла, это неважно, — с рассеянной улыбкой отмахнулась она, обозревая интерьер, выдержанный в духе парадного классицизма.

— Послушай, мне это надоело! По-моему, ты уже не исполняешь мое желание, а заведомо хочешь повесить мне на шею хоть кого-нибудь.

Но она, как всегда, не слушала и принялась напевать, чтобы заглушить мои слова, какой-то арабский мотивчик, но тут же сама его резко оборвала и поострожила:

— Ну все, хватит разговоров, это твой последний шанс, строптивая, только от моей доброты и милости.

Но я была еще в обиде на нее после попытки насильно выдать меня за жреца с зашкаливающим самомнением.

— Значит, по твоей доброте и милости я должна обедать с этим толстым буржуем-недобитком?! Не надо мне такой «милости»...

— Хватит, о не по своему облику взыскательная! Не нравится — дальше ищи сама, только не забудь освободить меня от обязательств перед тобой, — тоже разгорячившись, потребовала Акиса, но, тут же сменив тон, просительным шепотом добавила: — Хотя бы поговори с ним, я взяла с него плату. Он думает, что я сваха...

— Отлично, вот сама с ним и разговаривай!

— Кажется, из-за этих хлопот и переживаний с тобой я немного перепутала время, он уже час нас ждет. Что тебе стоит подойти, о привередливейшая?!

Наша перепалка в конце концов привлекла внимание толстого немца, он обернулся, его лицо озарила воскресшая надежда, пришлось, соорудив приветливую мину, устремиться к нему, как будто мы его только что увидели. Но, по правде, у меня и выхода не было: джинния, крепко схватив меня за руку, потащила за собой как на аркане. Он поспешно встал нам навстречу, но с лица тоже оказался не Клану Ривз.

— Да продлятся твои годы и да приумножатся твои богатства! — поклонилась толстяку джинния. Я стояла прямая, как мачта «Орла»...

— Он богат, — шепнула мне она.

— Он лыс, — одними губами мстительно ответила я.

— О господин, просим извинить нас за опоздание! Вот эта молодая здоровая девушка из страны русов, как ты и хотел, она принесет тебе большое потомство. Если у вас все получится, надеюсь, господин помнит о договоре? Десять золотых за каждый прожитый вместе год, платить можно по курсу в долларах.

Быстро она разобралась в современной денежной системе, своего не упустит, а высказывания, которые еще с утра показались бы мне оскорбительными, я уже равнодушно пропускала мимо ушей. Немец согласно закивал, окидывая меня взглядом, кажется, его удивила мятая футболка и перепачканные в зелени джинсы. Что делать, дорог к индусскому храму не выбирают...

— Хорошая погода, кажется, — прервала я молчание, длившееся полминуты, после того как Акиса исчезла. Пришлось сесть за стол. Никогда ей этого не прощу!

— Что вы, по всей Европе сильнейший ураган, — удивленно воззрился на меня толстяк, роясь в карманах. — Уже неделю как в городе сносит все столбы, рекламные вывески, крыши банков и строительных компаний. Так. «Мини-куперы» уносит потоком прямо к Балтийскому морю! Поэтому я приехал на метро. Так.

Да, с улицы слышался шум дождя и вой ветра, и стены немного тряслись, теперь понятно почему. Хорошо, что здесь нет окон, сидим как в уютном бункере.

— Правда? Я не заметила ветра, наверное, он просто теплый, — с сухой вежливостью отвечала я, глядя в меню. Если не было возможности в эти сутки поспать, так хотя бы надо, воспользовавшись случаем, хорошо поесть.

Обезьяна в храме, стащившая мой кошелек, — ну просто профессионал высочайшего класса, могла бы курсы повышения квалификации для жулья проводить! — каким-то образом успела вытащить из него все крупные купюры, наколдованные джиннией из рублей в доллары, оставив одну мелочь. И я это обнаружила только сейчас, когда решила тайком посмотреть в зеркальце, вставленное в разворот портмоне. Так что у свидания с несимпатичным немцем есть и хорошая сторона — обед за чужой счет. Это влияние джиннии, раньше я не была такой холодно-расчетливой...

— Меня зовут герр Карл Георг Бюргер, то есть просто Карл Бюргер... Карл. Так.

— А я Аглая Морозова, — равнодушно зевнув в сторону, представилась я.

— Мне нравится ваше имя. — Кажется, он нашел, что искал, это был аккуратно сложенный лист бумаги.

— Очень рада, — скучая, отозвалась я, проверяя в телефоне входящие эсэмэски и перечитывая старые.

— Я тут набросал план на ближайшие годы, так. Не будем слишком далеко заходить, двадцать — двадцать пять лет совместного будущего, — напряженно морща лоб, выговорил он.

Я поперхнулась минералкой, которую принесли по моей просьбе, перелеты во времени почему-то будят жажду, и навестила уши.

— Но сначала давайте что-нибудь закажем, так? Я очень взволнован, что вы выбрали?

— Утку по-пекински, фузили с лососем, луковый суп и, пожалуй, еще шесть шариков ванильного шеллера с сиропом! — с готовностью зачитала я.

— Так. Жирная пища вредна, — наставительно произнес господин Бюргер, проницательно посмотрев на меня, кто бы говорил. — Вот тут есть шампиньоны, тушеные в соевом соусе, и полезно для желудка и не очень дорого.

— Отлично, он еще и скупердйй...

— Простите, что?

— Давайте шампиньоны.

— Теперь, когда мы сделали заказ, приступим к делу, фройляйн Аглая. Первую неделю мы живем отдельно, но каждый день встречаемся, разговариваем, гуляем по городу. Так. Я показываю вам знаменитого смеющегося дельфина и другие наши достопримечательности. Веду вас в зоопарк, показываю двух зубров, ставших символами нашего города. Несколько лет назад их в крайней степени истощения привезли из России. Так.

Я недоверчиво и возмущенно фыркнула.

— Также мы успеем посетить кинотеатр, я уточнил, какие фильмы сейчас идут, и посмотрим новую ленту «Жизнь за фюрера» Дэвида Липнича, говорят, истинно неофашистский фильм. Так. Дважды успеем послушать в опере моего любимого «Зигфрида». И за эту неделю мы возведем мосты между нами. А в воскресенье в девять пятнадцать электричкой поедem в Нюрнберг, к моим родителям. Они живут в очень уютном домике и целыми днями ухаживают за садом. Так. — Он сентиментально улыбнулся и продолжил: — Вы похвалите мамин черничный пирог и назовете ее муттер. С улыбкой выслушаете рассказы отца о том, как он воевал в гитлерюгенде, минировал Павловский дворец. Так. И как взял в плен и допрашивал двух советских генерал-майоров. Он обязательно продемонстрирует вам очень дорогое его сердцу ожерелье из зубов убитых им в рукопашной советских солдат, а если вы умеете ему понравиться, еще и достанет со шкафа черепа тех самых генерал-майоров. Так. После чаепития у родителей...

Они нас что, и обедом не покормят после всех унижений?!

— ... мы отправляемся назад на вечерней электричке, и я уже привожу вас к себе. В нашу квартиру — она занимает мансарду, однако находится в престижном районе. Так. Мы живем в ней еще пять лет, вы занимаетесь домашним хозяйством, по воскресеньям ходите в

лютеранскую церковь, все, как и положено. За это время рождаются наши дети, сначала девочка, через два года мальчик. Так. По-моему, два года достаточный срок для полного восстановления организма, чтобы вы родили здорового ребенка. Таким образом вы постепенно занимаете свою нишу — кирхе, киндер, кюхен. Так. К этому времени я заработаю на бирже достаточно денег, чтобы купить нам маленький дом в пригороде. Еще через пять лет мы покупаем дом побольше, и тогда, возможно, я смогу нанять вам в помощь служанку. Дети растут, мы определяем мальчика в военную школу имени Фридриха Паулюса, а девочку после школы с музыкальным уклоном отдаем в колледж, где она будет изучать политологию и дипломатические отношения со странами третьего мира. Сейчас девочкам престижно заниматься политикой, и эта тенденция крепнет. Так.

Я подумала, что тоже была бы не прочь заняться политикой, если это хоть немного разгрузит от кирхен-кюхен, но понимала, что обо мне речь не идет, поэтому принялась за обед, обильно намазывая на бесплатный хлеб бесплатное масло.

— Дочь, забыл упомянуть, мы назовем Ангела, в честь... э-э... моей прабабушки, сначала она будет работать дипломатом, а годам к двадцати пяти выдвинет сбою кандидатуру на выборах в бундестаг. Так.

— А если она захочет стать автобусным кондуктором, а наш сын — работать в журнале для геев и пропагандировать пацифизм?

— Так. — Немец окатил меня взглядом, как ледяной полый в душе Антарктиды. И, подозрительно прищурясь, сказал, что его детям в голову такие бредовые идеи прийти не могут, разрабатывая этот план, он его детали не с потолка брал, и в его семье не было и не может быть таких отщепенцев, короче, он тщательно все продумал.

Глядя в блеклые глаза «истинного арийца», в которых сквозила холодная одержимость, я предпочла больше не возражать и, зевая, сказала, что он меня полностью убедил.

Тут у него зазвонил телефон.

— Меня срочно вызывают в офис, надо посчитать, сколько у нас вышло за обед. Так.

После чего сделал тщательные подсчеты на бумажке и, подведя итоги, сказал, сколько я должна за свою часть съеденного, мы ведь еще не женаты. Хорошо, что мои шампиньоны шли как гарнир, поэтому были недороги, и я смогла их оплатить, выскребя последнюю мелочь.

— Надеюсь увидеться с вами сегодня вечером. Так.

Где вы остановились?

— Нигде, вы мне очень понравились, и я великолепно провела с вами эти двадцать минут, — романтическим тоном отозвалась я, в душе обзывая его жадной скотиной. — Но, к сожалению, должна вам признаться, что не смогу иметь детей от немца. Я поклялась в этом дедушке, который разрешил мне выйти замуж за фрица (это его любимое слово, не обижайтесь), если только пообещаю ему не плодить маленьких фашистов, опять же по выражению старика. Дедушка мне очень дорог, он продал вагончик, в котором жил, и переехал в дом престарелых, чтобы оплатить мое образование швей-мотористки. Сначала я хотела это от вас скрыть, но, увидев и пообщавшись с вами, поняла, что не смогу обмануть такого достойного человека!

— Я вам признателен за откровенность, фройляйн, к сожалению, не смогу на вас жениться на таких условиях, прощайте. Так!

— Ах, мое сердце разбито, — застонала я, но не слишком громко, чтобы немец вдруг не услышал и не вернулся.

Мне ничего не оставалось, как сидеть за столиком: надо дожидаться Акису, выходить в ураган, чтобы посмотреть на полузатопленный немецкий городок, большого желания не было, еще козырек над крыльцом на голову упадет с моим сегодняшним удачным днем.

Глава двадцать седьмая, КОММЕРЧЕСКАЯ

Не успела я доесть грибы, как появилась джинния. У нее был очень расстроенный вид. Из жалости, опережая вопрос, сразу сообщила ей, что встреча прошла неудачно. Но она даже не очень и рассердилась.

— Пока ты наслаждалась общением с этим приятным богатым господином, о котором еще будешь вспоминать, когда тебе придется выйти замуж за бродячего музыканта, я...

— Лучше за бродячего рок-музыканта! — живо подхватила я. Все-таки неспроста большинство знаменитых актрис выходит замуж за рок-музыкантов. Наверное, в них есть что-то еще помимо разрушенного наркотиками мозга, пострадавшей от алкоголя печени и пропавшего от визга поклонниц музыкального слуха.

— Да, но тебе самой придется его искать, надев железные башмаки, потому что много и долго придется ходить, пока не встретишь музыканта, отвечающего твоим запросам. Но не прерывай больше моего печального повествования. Я полетела в Ирем, узнать, погиб ли мой враг при воцарении дракона, и если да, то попробовать сразу восстановить прописку.

Хануман сказал мне сегодня, что в великом Городе Колонн не все хорошо, но я от радости, что могу вернуться, не придавала значения его словам, подумав, что это, скорее всего, временные беспорядки, как это бывает при неожиданной смене власти. Мы, джинны, не любим, когда меняют наш привычный уклад жизни без особого нашего желания, однако нет ничего, к чему бы мы не могли привыкнуть.

На мою беду, прошло слишком мало времени, и хотя дракон Аджи-Дахака отправил в изгнание нашего шахиншаха Бимелуса-второго (а он многих джиннов устраивал как глупый, но не слишком жестокий владыка, а главное, не пытавшийся менять нашу жизнь к лучшему), стражники в воротах попытались меня схватить, у них даже был мой вышитый портрет, — не без гордости сообщила Акиса и, колебавшись, добавила: — У главного визиря на меня зуб, как у вас говорится, и он по-прежнему жив и имеет власть, а самое важное, ничего не забыл!

— Значит, ты что-то сделала визирю?! Молодец, уверена, он был злой и бессердечный, как большинство визирей в арабских сказках!

Джинния смешалась, но так и не сказала, чем она досадила первому советнику государя.

— В общем, я еле ноги унесла, но признаю, что Хануман был прав: в городе одни руины, мои соплеменники в скорби, а не желающие повиноваться томятся в зинданах!

Услышав такое, остаться равнодушной было нереально, у меня отходчивое сердце, и я с сочувствием заглянула в ее глаза.

— Хорошо, если я освобожу тебя от обязательства исполнить последнее желание, с которым ты замучилась, возьмешь меня с собой? — спросила я, решив о себе тоже не забывать. Ну, в смысле поменять поднадоевшие поиски мужа на революционную борьбу за свободу города джиннов! Куда простым смертным попасть попросту невозможно...

— О не понимающая всех опасностей нашей страны для дочери человека, ты наверняка там не выживешь, погибнешь в первый же день, и даже я не смогу тебя спасти, — патетично воскликнула джинния, но тут же добавила более спокойным тоном: — Но от твоей судьбы я тебя спасти не обязана, можешь приезжать, договорились! Только мне нужно сначала вернуться в страну бодхисатв и слонов.

— За Найдой, само собой?

— Да, за ней тоже, но у меня там есть еще кое-какие дела поважнее, касающиеся судеб великого Ирема.

Мой вопросительный взгляд она, как всегда, высокомерно проигнорировала, я обиделась, тем более что, оказывается, прошлые обиды за пять минут никуда не делись. Акиса цапнула меня за рукав, произведя невероятное по скорости перемещение во времени, немецкий ресторан исчез, и повсюду стали мелькать знакомые индийские лица.

Дулись мы обе, видимо, причин для раздражения хватало у каждой, поэтому пока шли по павильону «Ангара Вандея», мы не проронили ни слова. Увидев столовку для актеров, я с молчаливой гордостью завернула туда, хмурой Акисе пришлось посидеть рядом, пока я

расправлялась с тремя блюдами после символического завтрака с Карлом. Не фиг было подсовывать мне, голодной, такого жадину!

... На съемочной площадке нам не особо обрадовались. Обещанные нами сутки не прошли, надежды прихватить еще не оправдались, а сегодня нас вообще не ждали, прикинув время перелета до Парижа и обратно. Они как раз фотографировали Найду в мундире. Вид у нее был замученный, но сытый. Девушка-фотомодел ь при нас унесла штук шесть мисок с остатками еды явно не из той столовки, где мы были, а откуда-то, где кухня поизысканней.

Крупногабаритная помощник режиссера встретила нас настороженно.

— Хорошо, что у нас корпоративная скидка в ресторане «Боливуд», где обедают звезды, — с нервной улыбкой поделилась она. — Но собаку мы из страны не отпустим.

— Как скажете, оставим вам ее еще на неделю, все равно дома кормить нечем, только плата вперед. А сейчас ей нужно... где у вас тут комната для женщин? — спросила джинния, стыдливо оглядываясь по сторонам.

— Мы ее приучили ходить в туалет, чтобы не тратить время на выгуливание, — в тон пояснила я. — Жаль, мы вас забыли предупредить, вы только зря потратили время, успели бы все снять плюс бонус, где она танцует и поет освободительные песни.

— Но мы полчаса назад ее выгуливали?! Впрочем, если настаиваете, ваше право, только не больше двадцати минут, нам еще надо сегодня снять сцену скорби над братской могилой сипаев. И как мило, что вы передумали, за неделю мы сделаем целый сериал! Эмир Шах повел мать своих детей к стоматологу, он скоро вернется и очень обрадуется, — пояснила помощник режиссера, отсчитывая деньги из карманного сейфа.

К стоматологу... Ха! Не хочу больше о нем слышать. Не о стоматологе, а об этом лживом подкаблучнике, актеришке и режиссеришке. Я была рада, что мы его не встретили, а встретили бы, я б ему... чего-нибудь точно высказала!

— Бедная псинка, замучили тебя, не привыкшую к любой форме труда. — Я с нежностью потрепала собачку по загривку и, обняв за шею, поцеловала в нос, даже не думала, что так соскучусь. Найда в ответ сыто отрыгнула. Фу-у...

— Счастливых съемок, о недальновиднейшие! — распахнув дверь дамской комнаты, обернувшись, крикнула джинния, пропуская нас с Найдой вперед.

— Хорошо иметь дело с глупцами, — довольно сообщила она мне, закрыв за собой дверь и запихивая доллары в лифчик.

— Сейчас мы отправляемся в джунгли, искать последнего нага, по пути объясню все.

— Это те змеи-люди, о которых ты мне рассказывала? Наверное, ловить старых, беззубых ящериц очень увлекательно, — рассеянно отозвалась я, слегка съязвив, ничего, и мне можно немножко. — Но давай сначала домой, мне нужно поспать хотя бы часов пять. Ты уже выспалась, наверно, за семьсот лет, у меня же такой возможности не было. Но только обещай, что нага без меня искать не будешь.

— О бессердечная и не понимающая, как мало у нас времени, ладно, я отправлю тебя домой, но больше ты меня не увидишь!

— Нет уж, я еду в Ирем, слово джиннов нерушимо! Дверь туалета дернули за ручку.

— Одну минутку, — отозвалась я.

— Но собака мне нужна, верну через пару дней. — Коварный взгляд Акисы мне почему-то очень не понравился.

— Прости, но я за нее отвечаю! Да и зачем она тебе, или тоже привязалась? Расставание будет тяжелей, в любом случае без меня она никуда не полетит.

— Ты не понимаешь, это может быть очень опасно...

— Никогда не отказывайся от помощи друга! Если надо, я всегда тебя прикрою и вместе мы придумаем какое-нибудь неординарное решение. Всю эту неделю ты пыталась наладить мою жизнь, почему теперь я не могу тебе помочь?! Раз уж всякие всемогущие джинны со своими сверхъестественными способностями не могут ничего поделать с каким-то там Аджи-Дахакой, значит, мы с тобой отныне на равных! А возможно, приоритет даже на моей стороне: у меня другое мышление и мой человеческий ум может пригодиться по

причине своей нестандартности!

Восточная дочь бездымного огня посмотрела на меня скептически, и наверняка что-то вертелось у нее на языке насчет наличия у меня этого ума. Но она решила проявить благородство, промолчав. Дверь снова дернули, понастойчивей.

— Я же сказала, сейчас!

— Здесь уже очередь, имейте совесть.

— Ладно, сначала к тебе домой, — приняла решение Акиса. — Кажется, тебе нужно помыться, ты пахнешь обезьянами, — отомстила она. — А мне переодеться, уже второй закат я не меняла платье! Собака будет охранять нас, вернее, тебя, если мне придется отлучиться.

— Спасибо, ты такая добрая, как не знаю кто... Но мой сарказм пропал втуне, я даже не успела придумать конец фразы, потому что в следующее мгновение мы были уже дома.

После того как наконец отмылась в душе, переоделась, отдышалась и выпила кофе, спать я уже не смогла. Недосып сменился лихорадочным состоянием, хотелось поскорей лететь спасать бедных джиннов от мерзкого огнедышащего узурпатора! Или уж на худой конец сделать прическу...

— Странно, что Яман-бабы не видно и не слышно, — как бы невзначай заметила я. — Наверно, разрабатывает какой-нибудь очередной коварный и «безупречный» план! Знаешь, а мне без него уже становится скучно... Тебе тоже, да? Говорят, в таких случаях надо себя чем-нибудь побаловать — съесть большую шоколадку, купить дорогое белье, сделать укладку в парикмахерской. Раз уж я добровольно отказалась от идеального мужа, может, в качестве компенсации махнем на пару в косметический салон?

О, где моя скромность и непритязательность? Каждый новый день с джиннией заставляет все больше верить в собственную исключительность. Может быть, потому, что на меня никогда не обращало внимания сразу столько мужчин. Разве что давным-давно у меня могла состояться любовь в детском саду, но я этот шанс упустила, большую часть детства проведя дома за куклами и книгами. А тут целую неделю я буквально купаюсь в мужском внимании, пусть даже это в большинстве своем маньяки, жадины, идиоты и извращенцы... Главное, с оптимизмом глядеть в будущее! Акиса бросила на меня угрюмый взгляд, понимаю, все ее мысли теперь были заняты исключительно спасением отчизны.

— Укладку, говоришь, о растрепаннейшая из щепетильных невест?! Надо было подумать об этом заранее, если бы ты сделала что-нибудь со своими волосами раньше, могла бы уже быть замужем. Обязательно нашла бы кого-нибудь, мужчины любят эффектно причесанных женщин!

— Что ж ты мне раньше не сказала! — испугалась я. — Неужели все так запущено?!

Но она только махнула на меня рукой, даже не посмотрев в мою сторону, и продолжила предаваться тоске. Не сразу уловив, что это и было сотворение укладки, я вдруг почувствовала какие-то изменения в организме. И только подбежав к зеркалу, все увидела.

Это была не я... Точно, не я, у меня столько волос на голове никогда не было! Они росли и росли, начиная причудливо свиваться в большую многоуровневую копну или сложносоставную прическу типа «вавилонская башня»!

— У тебя есть еще немного времени, — заметила Джинния, наводя макияж, — до того как мы... (да ты называла это слово, похожее на «телевизор»!) теле... портируем, телепортируем назад в Индию, только в Другие времена при другом правителе.

— Эй, эй, эй! Акиса, спасибо тебе огромное, но когда мои волосы остановятся?! Я делаюсь похожей на Медузу Горгону, после того как она попросила Атропос подравнять ей змей. У меня шея не выдержит, и люстра низкая, задевать буду...!

— Ай, люди, вы никогда не бываете довольны! — с досадой воскликнула Акиса, аккуратно подводя кисточкой глаз. — Говорил мне брат сестры отца моей матери, никогда не связывайся с...

Глава двадцать восьмая,

МИЛИЦЕЙСКАЯ

И тут в дверь позвонили. Подумав, я пошла открывать, только бабушка могла отвлечь нас от праведной миссии спасения города-государства джиннов, да и то ненадолго. Коммунальная задолженность у нас всего пять месяцев, а свет или газ отключают не раньше чем через полгода, но если это все-таки обнаглевшие коммунальщики, я буду отстаивать наши гражданские права!

За дверью оказался Миша. Черт, а у меня такое на голове, я попыталась поспешно пригладить волосы, но не дотянулась до макушки...

— Привет, Миша! — с неискренней радостью воскликнула я.

— Привет, почему вы меня вчера не впустили? — подозрительно поинтересовался он, ставя ногу между косяком и дверью.

— Ну, знаешь, мы очень торопились, извини. Но спасибо еще раз, что помог!

— Не за что. А что у тебя с волосами? Парик для маскарадного костюма?

Я обернулась и умоляюще посмотрела на джиннию, та тяжело вздохнула и махнула рукой. Кажется, шевеление на голове прекратилось, но все равно я выгляжу как недостриженная неандерталка... Плюнуть и обриться наголо?

— Есть новости, которые вам следует знать, кое-что произошло, — начал Миша, когда я, поколебавшись, впустила его в квартиру. — Нам удалось арестовать вашего Яман-бабу, оказалось, что у него были и другие преступления, но ему всегда удавалось вовремя скрыться. Я занялся личным расследованием и выяснил, что он... не совсем человек. У него, как у злостного рецидивиста, ярко проявляются эгоцентризм и непонятная ненависть к закону и работникам правоохранительных органов. Он уже достал всех в КПЗ своими проклятиями и оскорблениями! Есть и другие свидетели, но вы очень поможете следствию, дав показания. Разумеется, я не собираюсь вас выдавать, не следует упоминать об огненных шарах, все равно никто не поверит, а просто сказать об огнестрельном оружии. Если все вместе постараемся, сможем засадить его в тюрьму надолго.

— Да, из тебя вышел настоящий законник! — неожиданно вскинулась Акиса. — Это нечестно, не было у него никакого огнестрельного оружия! Руки, швыряющие молнии, огнестрельным оружием не считаются. Тогда и меня арестовывай, да?!

Часто неприязнь к врагам сменяется жалостью, когда те оказываются в ситуации, в которой ты сама бы оказаться не захотела. Я поддержала неверную подругу и гоже сдвинула брови, упершись руками в бока...

Мишка очень удивился и растерялся:

— Но я... лишь хотел помочь...

— О честный страж, ты все сделал правильно, — неожиданно снизошла к нему Акиса. — Но у нас сейчас нет свободного времени. Если только запишешь нас к судье на конец недели, но уверен ли ты, что Яман-баба не будет уже на свободе? Ты ведь знаешь, что он обладает чародейной силой...

— Уверен, я все предусмотрел. Благодаря магии мы и смогли его схватить! Он уже начал было дематериализовываться — наши никак не могли надеть на него наручники, он проходил сквозь железо, — но я в этот момент незаметно от ребят показал ему бутылку, полную разогнутых скрепок.

— Где ты этому научился?! — ахнула я.

— Просто как-то читал статью в Интернете — «Незаконные методы борьбы с магической агрессией», меня название заинтересовало. В последние дни вообще начитался книг в магазине Кросина по различным видам и аспектам магии.

— Я тоже люблю читать в книжном, — призналась я, почему-то было приятно, что у нас, оказывается, есть общее увлечение. — И принципиально не покупать!

— Нет, одну, с заклинаниями, купить пришлось, неудобно было в магазине столько выписок делать. Чтобы он не сбежал, я использовал черные куриные потроха и еще одно заклинание с йодированной солью, уже в КПЗ. Сидит как миленький...

— О мудрейший среди стражей всех времен, никогда не отличавшихся мудростью, несмотря на свою юность, ты в тысячу раз умнее морских дев! Я верю, что твое заклинание сильно, но Яман-баба все равно что-нибудь придумает, — вздохнула Акиса.

— А что у вас за дела? Эти поиски жениха... они так важны, что нельзя даже сходить в милицию заявление оставить? Ведь я ради вас старался, вашей жизни угрожают, а не моей, — буркнул Мишка с досадой в голосе.

Я покосилась на джиннию, может, если рассказать обо всем моему соседу, вдруг сможет помочь, хотя бы советом? Он настоящий друг и такой целеустремленный, я только сейчас вспомнила, что он обещал свою защиту, и получается, что с того момента неусыпно трудился, собрал улики и даже арестовал хитроумного и жестокого чародея. Акиса медленно кивнула...

И я рассказала все, что знала, и про Аджи-Дахаку, захватившего власть, и про племя нагов, и про город джиннов, и про горе моей подруги... Миша выслушал молча и сказал, что где-то читал про этого дракона Аджи-Дахаку в связи с какой-то полуполюгендарной — древней войной.

Джинния встрепелась и посмотрела на Мишку с явным уважением. Но мне показалось, что он хитрит...

— А как тебе удалось схватить Яман-бабу, ты следил за ним? — спросила я, восхищаясь в душе Мишкиной храбростью и профессионализмом.

— Да вообще-то встретил случайно. Он прятался за кустами во дворе, наблюдал за подъездом. Я сделал вид, что не замечаю, вышел со двора, вызвал ребят, и мы взяли его, незаметно окружив. Он, конечно, пытался вырываться, ругался, пинался, дрался, даже кусался. — Миша невольно дотронулся до плеча, аккуратно положил папку на стул и присел на его краешек. — Но свои феноменальные способности в полной не применил, наверно, чтобы не вызвать подозрений и лишних вопросов, или не захотел себя раскрывать. Но почему он в целях конспирации не поменял облик — вот в чем вопрос, для него это проще простого. Кажется, ваш Яман-баба играет какую-то роль... Похоже на то, что он сам ищет себе проблемы и препятствия на пути захвата Акисы. Но вы, наверное, и так об этом знаете...

— Ничего мы не знаем, — на всякий случай открестилась я. — Но у меня были те же подозрения! Своих адских созданий он почему-то больше не использует, на глаза не появляется, но, может, у него просто силы кончились...

А Миша, оказывается, еще и умный, сообразительный и (как я этого раньше не замечала?) симпатичный. Если бы не эти его бурундучки и не молодость (разница в полгода позволяет мне глядеть на него свысока и считать зеленым), я бы в него влюбилась. Если ничего лучше не попадет, конечно...

Мы оба повернулись к Акисе в ожидании ее объяснений. Она встала, налила Найде попить и посмотрела на нас.

— Яман-бабе вход в империю Великих Моголов заказан, как мне был заказан вход в Ирем. Однажды он разошелся, как ему свойственно, напился в храме Истины и Великого Откровения, после чего отрубил у статуи Шивы все руки, завязал узлом хвост Ганеше, а черную Кали аляповато перекрасил в белый цвет! Говорил, что таким образом боролся с многобожием, неся свет истинной веры, пьяный дурак... А в результате вызвал гнев могущественных сил и еле сумел унести ноги. Ты, юный стражник, уже немного сведущ в колдовстве и не раз нам помогал, мужская сила всегда может понадобиться. Я возьму тебя в Ирем!

Это было удивительно! Значит, моя помощь ей не нужна уже, нашла себе нового друга.

— Я с удовольствием! У меня экзамены через полторы недели, времени на подготовку полно, я еще успею все прочесть.

— Стражники тоже проходят обучение? Но ведь вали тебе все равно не стать, начальник стражи должен иметь представительный вид, быть здоровенным и толстым, а ты слишком худ. Но не волнуйся, о юный школяр, верну вас в тот же день.

Я вспомнила из своего опыта, что она может и ошибиться в расчетах, но Мише

говорить не стала. Тем более что, когда мы искали женихов в боулинг- и гей-клубах, она ошиблась всего на каких-нибудь четыре часа. На экзамены он точно успеет... надеюсь, ну или пересдаст в новом учебном году.

— А где находится Ирем? Может, нам бы стоило с Аглаей попробовать проникнуть в город и посмотреть, что там делается, ты уверена, что дела обстоят настолько плачевно? — уже на правах полноценного партнера спросил Миша. Найда, зевая, подошла к нему, положила лапы на колени и попыталась мордой дотянуться до лица. Так, что-то мой сосед сегодня нравится абсолютно всем...

— О, это человеческое неверие и любопытство! Я беру вас с собой не для того, чтобы вы мне все время советовали — я знаю, что делаю, это моя страна, я сама ее хочу спасти! — с какой-то детской патетикой выдала джинния.

— Хорошо-хорошо, никто не будет тебе мешать, а как там погода, что надеть? — спросила я, быстро рассовывая по карманам походный набор: канцелярский ножик, другого складного не было, спички и горстку бульонных кубиков.

— Утолите же свое любопытство ценой жизни!

Ну, это она наверняка, как всегда, преувеличивает, я усмехнулась и сделала знак Мише, что это просто ее манера разговаривать. Он вопросительно поднял бровь, не поняв моих ужимок, но времени на объяснения уже не осталось — перед глазами поплыло оранжевое марево, сейчас мы окажемся в древней пустыне, населенной духами, где происходят невероятные чудеса, появляются и исчезают древние города и взад-вперед носятся могущественные джинны, выполняя приказы маленьких босяков, волей Аллаха нашедших их лампы...

Глава двадцать девятая, СИМУРХОВАЯ

Но когда марево развеялось, стало ясно, где на самом деле мы находимся. Мягко говоря, не там...

— Вот здорово! Значит, это и есть та самая Руб-эль-Хали, — восхитился наш милиционер, не сразу узнав родную местность. — Волшебная страна, где скрывается сказочный Ирем! — Но откуда здесь шоссе и знак остановки автобуса? Подожди, это же... наша область, я это село знаю!

— Более того, это наши раскопки! — обалдела я, мы действительно оказались посреди красной раскаленной глинистой полупустыни, кое-где поросшей верблюжьей колючкой.

Раскоп и село отсюда хорошо просматривались, я даже увидела людей с лопатами, может, даже и из нашей группы... Только бы они меня не заметили, не хочу попасться на глаза однокурсникам, измученным жарой и рытьем, в то время как я отдыхала... Хорошо, что они не знают еще, как изощренно я это проделывала — летала по заграницам и купалась в Карибском море.

— Здесь вход в тайную землю, где стоит мой родной Ирсм — бессмертный Город Тысячи Колонн.

Ничего, кроме древнего глиняного кургана метрах в двадцати, я на обозримом расстоянии не видела. К этому таинственному кургану, о котором не было никаких сведений, археологи не подступали, потому что якобы рядом с ним распространялись некие флюиды, вызывавшие странное состояние.

Нет, голова не болела, тошноты, озноба, спазмов, обморока, отказа работы конечностей, комы и галлюцинаций не наблюдалось. Но стоило исследователю приблизиться к кургану, попасть в так называемую «зону действия», как у него схватывало живот настолько сильно, что он едва успевал развернуться и резво доковылять обратно. Местные смеялись, но сами к странному кургану ходили разве что лечиться от запора...

Говорят, сюда приезжали серьезные ученые из Японии с большим запасом активированного угля, чтобы исследовать этот необычный феномен, но и у них началась

повальная диарея. А к вечеру они уже с напряженными лицами, держась за животы, погрузились в свой автобус и укатили в аэропорт с бешеной даже для японского автобуса скоростью.

— А где Найда? Ты не взяла ее с собой?! — Только сейчас я увидела, что рядом собаки нет, живо представив, как там она, бедная, мечется по квартире, опрокидывая стулья и вазы, сходя с ума, что ее бросили, ведь у нее редкий собачий синдром — не может оставаться дома одна эта любительница длительных прогулок.

— Пусть отдохнет, потом мы за ней вернемся, для нее пройдет совсем немного времени. Сейчас же собака привлечет к нам излишнее внимание, — учительским тоном сказала джинния.

Солнце припекало, я достала из кармана приготовленную косынку и с улыбкой повязала на голову, похвалив себя за предусмотрительность, но беспокойство вернулось.

— Ладно, только бы Найда в припадке скуки не разбила бабушкин хрустальный кубок, выигранный на акции, проводимой нашим ликероводочным заводом. Бабуля кубком очень дорожит, ведь он достался ей почти ценой жизни — за прыжки в мешке!

— Я наложила на нее чары безмятежности и покоя, и тебе бы они не помешали, о вечно обеспокоенная, — хмуро заметила джинния, подводя нас к кургану. Так я и знала, идем в курган!

— Слушай, это же опасно, мы не добежим до лагерного туалета. — Я схватила Мишку за руку, пытаюсь удержать на безопасном расстоянии.

Он одарил меня удивленным взглядом, а джинния, обернувшись, — испепеляющим. Акиса уже стояла рядом с насыпью. Я поспешно сообщила им то, что об этом кургане знали все местные жители, студенты-практиканты, археологи и даже японцы. Но джинния оборвала меня как раз на том месте, где я рассказывала о приезде ученых из Страны восходящего солнца, сердито заявив, что, если мы сейчас же не подойдем, она нас здесь просто оставит.

Мой предательский сосед решительно двинулся к ней, теперь уже он держал меня за руку, таща за собой, а я пыталась вырваться как очумелая. Мне чудилось, по в желудке у меня вдруг появились и устроили повальную драчку сотни маленьких огненных демонов. Я схватилась за живот, пытаюсь присесть и изо всех сил теряя сознание...

— Хватит, о притворщица, портал тебя ждать не будет, я открываю его всего на несколько мгновений!

Я разогнулась и откинула челюсть, лицезрея перед собой вдруг появившуюся на насыпи кургана странную — нишу — мерцающий синий провал, живот резко отпустило, или он и не болел, глупое самовнушение. В следующую секунду с напутствием: «Пошли, о храбрейшая из соседок сверху, спасем мир!» — Миша затолкнул меня в эту подозрительную дыру, в которой уже исчезла Акиса.

Джинния с ослепительной улыбкой встречала нас уже по ту сторону, и вид у нее был как у белки, нашедшей после долгих поисков давно потерянное дерево с припрятанным годовым запасом орешков. В первое мгновение мне, правда, показалось, что мы остались в той же близкой с детства полупустыне. Но почти сразу стало ясно, чем она отличается: это была другая реальность, другое измерение, другое небо, другой песок, и даже воздух пах неуловимо иначе...

— Вот и родина моих предков, пустыня Руб-эль-Хали, «Пустая четверть», — дрогнувшим голосом начала Акиса, плавно поводя рукой вокруг, как опытный экскурсовод. — Так назвал ее один из джиннов в давние времена, когда мой народ грешил многобожием и пьянством, сравнив с «четвертушкой», которую только что допил, дабы доказать, что эта пустыня такая же пустая и высушенная.

Песок здесь имел красноватый оттенок, как будто тысячелетия или месяц назад кто-то целый день поливал его из шланга густым красным вином. Наш холм существовал и в этом пространстве-времени, только здесь он был целиком песчаный и не выбивался из общего пейзажа, походя скорее на огромный бархан.

— А где Ирем? Это сколько же пешком идти, если его от горизонта до горизонта еще нет? — спросила я.

— Он сокрыт от глаз смертных, потерпи, о суетливейшая, я как раз собиралась снять пелену чар с ваших глаз. Люди слышат джиннов, но к счастью, не могут нас увидеть, как и наш город, если мы сами того не захотим...

Она резко взмахнула рукавами, нечаянно стукнув меня по носу, но я не стала придирааться по мелочам — раз уж такое заклинание... И в тот же миг сквозь дымку проявился чудесный город из песчаника с зубчатыми стенами и башенками с луковичными и полусферическими куполами. Дымка не пропала, она так и осталась клубиться, отлично, нас со стен не так видно, а то стоим тут на просторе, как три тополя на Плющихе!

— Надо что-то придумать со стражниками, это злобные ифриты, не знающие пощады к изгнанникам! Поэтому вы будете их отвлекать, пока я не проникну в город, притворившись нищей, — решила джинния.

— Есть идеи? — Я обратилась к Мишке, хорошо, когда можно положиться на третьего, тем более что он, как единственный мужчина в компании, в душе чувствует ответственность за нас, девочек.

Миша нахмурил лоб и ушел в размышления.

— Приветствую, странники! Не хотите ли пройти принудительный медицинский осмотр, раз уж вы направляетесь в Ирем. Плата всего по пальцу с носа, если у вас нет денег, обычно их ни у кого нет. А! Сестра, ты ли это?! Не может быть, глазам своим не верю, хоть они у меня и орлиные! Дичь!

— Мы не дичь, — отшатнулась я от небольшого существа, оказавшегося у моей ноги. Миша остолбенел, впрочем, как и я, хоть и напутешествовалась и видела самого Ханумана. Но это было нечто...

Пред нами возникла полусобака-полуптица, маленький монстр, а за спиной между крыльями у нее висел вещмешочек вроде военно-полевого. Хохолок из золотистых перьев на голове, пронзительный и довольно ехидный взгляд с прищуром и львиный хвостик придавали ему некоторое сходство с грифоном, правда, довольно маленьким.

— Я не о вас. Дичь!

— Дичь — его любимое слово, он его во всех смыслах употребляет, — сквозь зубы пояснила Акиса. — Симурх, ты еще жив? — Джинния, кажется, была поражена и не очень рада встрече со старым знакомцем.

— А что со мной делается? По-прежнему вывожу птенцов, дрессирую щенков, занимаюсь профессиональным врачеванием, много странствую по мирам. Вот дичь! Где ты пропадала? Я тебя, кажется, тысячу лет не видел?!

— Восемьсот. Ну, семьсот из них я сидела в заточении, а сто до этого пряталась по разным лампам...

— Дичь, дичь, дичь... Всем нам уготовил испытания великий Ахурамазда, — довольно безразлично отреагировал Симурх и с гораздо большим прискорбием поделился о своем: — Я вот, к примеру, никак не улажу личную жизнь! Что ни жена, то стерва, и уже восемнадцатая по счету... Но ты совсем не изменилась, разве что пара новых морщинок под глазами, но это только мой орлиный взгляд заметит, — смягчил он свое замечание, подмигнув и игриво хлопнув Акису хвостом по щиколотке. Засим можно было ожидать жестокого возмездия со стороны джиннии, но ничуть не бывало, та в ответ только понимающе потрепала его по загривку.

Но она явно хотела, чтобы он убрался отсюда, а Симурх даже не думал, почесал пушистой лапой за ухом, уселся на песок и, порывшись в котомке, достал оттуда, к нашему удивлению, пачку сигарет и предложил нам закурить.

— Не курю, спасибо, — отказался Миша.

— Присядьте, а то вас раньше времени увидят с городской стены, правда, патрульные сейчас, скорее всего, на обеде. Я хочу рассказать вам притчу. — Голос у него был хриплый и напоминал попугайчий, хотя маленькая голова с хохолком из ярких перьев была собачьей.

— У нас нет времени на твои притчи, лучше расскажи, что там сейчас творится в Иреме?

— Не буду я ничего рассказывать, сами посмотрите, думаю, вы удивитесь, — затачиваясь, пробормотал он. — Я больше туда ни ногой, эти твои неблагодарные соплеменники пытались меня убить! Дичь, да?!

— Как это? — озабоченно глядя в сторону Города Колонн, спросила Акиса.

— А ведь скольких из них я вылечил! Чтоб вы знали, повторюсь, что занимаюсь целительством, я врач, это наша семейная профессия, — пояснил он нам с Мишей. Мы присели рядом на булыжники, их было тут порядочно, откуда только они взялись в пустыне? Скольких ужасных чудовищ я там вылечил за три тысячи лет практики! — повторил Симурх, энергично махнув лапой в сторону Ирема.

— Кого это ты называешь чудовищами? — недобро прищурилась моя подруга.

— Извини, сестра, но ты сама знаешь, что твои сородичи в большинстве своем ужасные уроды, ты — редкая жемчужина, дичь! — хитро глядя на Акису заявил пес-мутант, между прочим не подходивший ни под один стандарт красоты: и собаки, и птицы отреклись бы от него как от жертвы генетического эксперимента...

Джинния ограничилась фырканьем и не сдержала самодовольной улыбки.

— Но почему джинны пытались вас убить? — напомнил Симурху наш милиционер.

— Потому что им, видите ли, понадобились собачьи почки, дабы незаметно скормить дракону, который узурпировал здесь власть несколько дней назад! Они считают, что это поможет, ибо собачьи почки — смертельный яд для организма Аджи-Дахаки, особенно в толченом виде добавленные в зеленый чай. Ну не дичь ли?

— Самая натуральная, — переглянувшись, признали все мы.

— Я с трудом смог убедить их, что раз детородные органы у меня птичьи, то кишки и почки даже близко не могут быть собачьими. Но, оскорбив меня фразой: «Когда Аллах тебя создавал, он пребывал в шутилом настроении, поэтому мы лучше проверим сами, друг!», они собирались вспороть мне живот. Просто дичь какая-то! И ведь это не кто иной, как Махджуд и Абджас, которых я считал своими лучшими друзьями! Правда они мне денег должны были, — призадумался Симурх. — В общем, я их убедил, но чувствует мое сердце, что вовремя от них улетел, они могли и передумать! Клянусь, больше и лапы моей там не будет, пусть лечатся дедовскими способами! Это ж дичь — пить воду из Зем-зема и как снотворное, и от зубной боли, и для выращивания новых конечностей?! Древняя дичь, говорю я вам! Я лично за прижигание огнем и прогрессивное хирургическое вмешательство, а вы?

— Я «за», — поспешно поднял руку мой сосед. Мы с джиннией уставились на него удивленными взглядами, но, похоже, Миша просто пытался поддерживать разговор с этим болтуном...

— Вот речь настоящего мужчины! Кстати, не хотите ли выпить? У меня тут в аптечке осталась одна склянка этилового спирта. Нет? Может, тогда настойку пустырника? Нет?! А я пью эту дичь от нервов, никак не могу прийти в себя после вчерашнего предательства, — он отхлебнул из пузырька, по-собачьи прихлебывая языком.

Внезапно меня озарило.

— Так, говоришь, одолжить собаку на два дня? — обернулась я к джиннии. — А потом вернуть ее хладный труп с вырезанными почками?! Вот что ты уготовила Найде! Ты чудовище!

— Почки? Зачем почки?! Я... я думала, Аджи-Дахака согласно древней легенде просто боится всех собак и с помощью их его можно изгнать, — недоуменно пробормотала джинния, кажется, на этот раз она не притворялась. Или наоборот, притворялась особо изощренно!

— Как бы не так, об этой легенде все узнали недавно, лет пятьсот назад, пока ты где-то там сидела, — сказал Симурх, отбросив пустую склянку и пьяно уставившись на нас влажными собачьими глазами. Кажется, когда мы его только встретили, они у него были птичьи... Ну точно монстр, что хочет с собой, то и делает!

— Нам нужно узнать обстановку в городе, как же нам туда пробраться? — вернул всех к главной теме практичный Миша.

— Никак, они вас сразу убьют, вы же люди, — утешил птица-собака с профессией доктора, гремя склянками внутри вещмешка и извлекая на свет настойку пустырника.

— Слышите? Я вам то же самое говорила! — воскликнула Акиса, кивая на Симурха. — Напоминаю еще раз, я за вас не в ответе, — сами сюда захотели. Все, хватит тратить время на болтовню, если вы ничего не придумали, пора применить мой план — вы отвлекаете ифритов, а я проникаю в город! Как жаль, что на стны наложены чары, войти можно только через главные ворота...

— Как же туда проник дракон? — задумчиво спросил Миша. Как ни странно, этот вопрос раньше не поднимался...

— А дичь его знает! Н-наверное, подкупил привратных караульчиков, — пробормотал Симурх, нюхая какую-то траву все из того же вещмешка. — Теперь эта п-парочка в дворцовой страже п-шла на повышение.

— Слушай, а ты не хочешь про это рассказать поподробнее? А то нам тоже не помешают твои почки, преследуем ту же цель — свергнуть дракона, — решительно заявил наш мужчина, демонстративно засучивая рукава.

— По-пробуйти только, вы не знае-ти, с кем связываетесь, я ж, дичь, С-симурх! — крайне неуверенным голосом вскричал монстрик, попытавшись отодвинуться, но Мишка уже схватил его за шкуру.

Глава тридцатая, ЗАГОВОРЩИЦКАЯ

Я готова была броситься на помощь Симурху, который вызывал у меня нежную симпатию, как любая говорящая пушистая зверюшка, — к тому же пьяная и безвинно страдающая. Поведение Миши меня возмутило, в последнее время он просто неадекватен, вот как ломает застенчивых молодых людей школа милиции, но его решительность, мм, трогала во мне какие-то женские струны. Э-э, то есть струны женской души. Но я все равно, пока он не устроил собачке допрос с пристрастием, встала рядом, готовая вмешаться в любую секунду.

— Ай, потише, Симурх, твой голос не отличается сладкозвучием, а у меня и так голова болит! Но юный стражник прав, нам всего лишь нужно знать, что там творится внутри, придумано ли что-нибудь более серьезное, чем собачьи почки, чтобы изгнать дракона из города и вернуть нашего бывшего правителя Бимелуса-второго? Что, мои соплеменники уже взяли в руки магические жезлы и прикрыли груди щитами-амулетами? Поднялось ли в городе освободительное движение джиннов, принявших ислам? — с суровым пафосом опытной революционерки поинтересовалась Акиса.

— Н-не заметил, может, у них было т-тайное подз-м-льное собрание? — Симурх пожал тощими плечами. — Дичь, так вы бу-удете пр-ходить медицинский осмотр? Я за этим з-здесь сижу, а не п-т-му, что мне все равно, где присесть и напиться. Ой, дичь...

Но голос у него был неубедительный, словно он сам не верил в то, что говорил.

— А что тут за камни валяются без дела? Пусть Акиса сотворит катапульту и сбежит, а мы забросаем булыжниками стены, нас заметят, схватят и привяжут к позорному столбу на главной площади города. А Акиса как раз успеет собрать все подполье, выступить с протестом и призвать собратьев к оружию. — Нет, хорошая все-таки идея мне в голову пришла!

— А дальше что? — глядя исподлобья, тихо спросил Миша.

— Ну, придумаем что-нибудь! У нас на это будет время, совсем необязательно, что они казнят нас в первый же день, — оптимистично заметила я. — Это ведь жестокий Восток, скорее всего, сначала нам дадут повисеть недельку на раскаленном солнце без воды и еды, а за это время такую волну народного бунта патристическими речами можно поднять!

Конечно, если нас не заставят отказаться от мученического венца дети, тыкая палками и забрасывая камнями.

— Аглая, не обижайся, но ты полная...

— Кстати, а откуда в пустыне булыжники? — Я кивнула на камни, намеренно перебивая Мишу, потому что выражение лица у него было, мягко говоря, не восхищенное моим гибким умом.

— Это бедуины накидали, мы тоже не знаем, где они их берут, но у них это считается задабриванием джиннов. Чтобы не обижать бедуинов, мы эти булыжники использовали как строительный материал, они всегда очень радовались, когда камни пропадали. Но приносили бы лучше золото, раз уж так хотели нам угодить! — недовольно заметила Акиса.

— О джинны, бедуины, дичь, короче... — Симурах громко икнул, прервав свое пьяное бормотание. Он уже давно полулежал на песке, вцепившись в вещмешок как в своего лучшего друга и потягивая что-то из очередной склянки.

— Не будем мы заходить в город. Если нас схватят, кто его спасет? Лучше я употреблю свою магию по-другому, и мы быстрее узнаем все, что нужно. — Джинния вдруг резко вырвала мешок из лапок собакоголового, тот даже не успел пискнуть.

— Ик! Дичь, но... эт-т возмутительно! В-верни, это все, че у м-ня есть, сотни и сотни моих пациентов умрут б-з этих лекарств и траф! — слабо запротестовал Симурах.

— Скорее только ты сам умрешь, не припомню, чтобы кто-то соглашался у тебя лечиться. И не думаю, глядя на тебя, что что-то изменилось за эти восемь столетий... Обратиться к тебе за врачебной помощью равносильно самоубийству, а это великий грех по законам Аллаха!

— Н-не знаю, дичь, я во-опще огнепоклонник, — пробурчал горе-доктор, нервно почесывая лапкой нос — Любую рану надо п-прижигать, а не пол-ливать «чу-да-девственной» водой! Огонь — он от всего по-мгает... Ну, в кр-йнем случае резать, дичь...

— Твои методы измышательства над больными никого не интересуют, рассказывай все, что знаешь о нашем деле, и получишь назад свой мешок, а мы полетим дальше! — поддержала я Акису, уловив ее план и стараясь придать своему голосу жесткости, больно уж умильно выглядело это существо. Такие из меня веревки выют...

— Ч-что, и н-не з-глянешь в Ирем, не пр-ведаешь мать своего отца! От дичь, а... Бабка там ум-мирает, и некому ей поднести даже... эту... тьфу, бесполезную воду из Зем-зема. Клянусь Заратустрой, я х-тел ей помочь, но... дичь! мне надо было спасти свои почки.

— Что делает мать моего отца в городе? — ахнула джинния. — Я же была у нее на прошлой неделе в деревне, что ей понадобилось в Иреме, куда она пятьсот лет нос не совала?

— Пару дней назад она переехала в город, чтобы дожить свои дни в уд-бствах, а не среди грязных феллахов, копаясь в навозе онагров, так она мне ск-зала. Дичь, конечно... — Симурах как-то противоестественно начал трезветь. — У нее ожоги какой-то там степени, как и у многих джиннов в Иреме. П-ри воцарении дракон немного пополюхал вокруг огнем, чтобы утвердить свою власть, пообещав, что через неделю у всех само все заживет. Но твоя бабка с-слишком стара, способность к регенерации клеток ее эпидермиса чрезвычайно...

— Но ведь джинны не боятся огня! — окончательно запутавшись, не выдержала я.

— Любого другого — да, но не драконьего! У него такой градус! Вот дичь, иначе как бы он захватил древний, правда не столь уж и могущественный Город Колонн, — поучительно изрекла зверюшка.

И тут нас наконец-то заметили, наверно, солдаты, патрулировавшие стены города, вернулись с обеда. Послышался крик; прищурившись, можно было разглядеть машущие со стен фигурки.

Акиса быстро сунула мешок Симураху и исчезла.

— Они не должны меня увидеть, на таком расстоянии моя магия еще действует, но у ворот я снова стану видимой. Отвлеките стражников, — строго напомнил нам ее голос.

— Может, притворимся бродячими клоунами? — нервно предложил Миша.

— Костюмчик не тот, — съязвила я, глядя на его милицейскую форму, в подобной

одежде он бы, может, за клоуна и сошел, но меня могли принять разве что за... Черт, с моими короткими джинсами только за девушку легкого поведения?! Черт, черт, черт!

— Дичь, лучше ты, парень, притворись странствующим поэтом-шаиром, может, тебя и не тронут из жалости, они тут у нас за юродивых. А тобой, девица, придется пожертвовать, ничего иного в голову не приходит, — подал голос собачий птиц.

— Что он делает, этот шаир, как выглядит? — быстро спросил Мишка, не обращая внимания на мой полуобморок. Ага, так, значит, мной можно и пожертвовать? А раз джинния и Мишка на это никак не отреагировали и даже не возразили, стало быть, такая цена их вполне устраивает?! Обидно...

— Знай себе выкрикивай двустипшия-пророчества почаще, всего и делов, — посоветовал Симурх. — Ну ладно, дольше мне с вами болтать нельзя. Наверняка кое-кто начал настоящую охоту на мои драгоценные почки, думаю, что цена их в золотом эквиваленте не меньше, чем мой суммарный вес. Какая дичь, это ж огромная куча золота, может, продать одну, я и со второй проживу, — задумался он. — Жаль, что им не ужен собачий хвост, с ним было бы легче расстаться...

Сдержанно поблагодарив за помощь, мы оставили этого маленького эгоцентриста в размышлениях о возможной сделке и двинулись в сторону города. Издалека он выглядел величественным. В золотисто-зеленом мареве его инкрустированные майоликой стены представляли как новенькие, но при ближайшем рассмотрении кладка оказалась довольно обшарпанной.

Джинния прокомментировала наши наблюдения, заметив, что средств на реставрацию ни в одном мире с хватает, и велела лучше смотреть под ноги, чтобы случайно не наступить на змею, в каковых иногда превращаются мужчины-джинны, чтобы незаметно ходить налево, но и простых змей здесь тоже водится избытке.

Обогнув стену, мы вышли на площадку перед главным входом, который оказался гигантским подковообразным порталом, и увидели десятки странных существ. Одни из них спускались с неба, другие улетали, а третьи просто возникали и исчезали в воздухе. Похоже, все те, кто хотел войти в город, проходили реальный паспортный фейсконтроль...

Глава тридцать первая, ТАМОЖЕННО-ПРОПУСКНАЯ

Прав был Симурх, красавцев среди джиннов мало, зато столько народностей и рас! Только часть из них выглядела канонически, как большинство джиннов из «Тысячи и одной ночи»: черные лица, злое выражение глаз, вытаращенные белки, раздутые ноздри часто с кольцом в носу. Были еще как ошипанная обезьяна-орангутанг или в виде белобородых старцев.

Остальные смотрелись так, как будто прилетели с иных планет. Зеленые со светящимися глазами-щупальцами и в проводках, похоже, были осветителями. А лысые, цвета красного дерева с четырьмя тонкими ножками и туловищем в виде столешницы, могли бы служить мебелью в авангардном ресторане...

Одеты все по-разному: женщины — кто в полупрозрачных шальварах и расшитых стразами топиках, с легкими сумочками-ридикюлями, а кто и в парандже с гигантскими кувшинами на головах и огромными мешками в руках. Мужчины — в чалмах и черных хламидах с необычными узорами, некоторые просто в белых набедренных повязках, — видимо, сказывался уровень достатка.

Лица у всех были встревоженные, выходивших из города забрасывали вопросами те, кто там, видно, еще не был после воцарения дракона. Первые действительно были с ожогами и гордились, словно получили их, сражаясь за родину.

Акиса недовольно проворчала, что дракон число стражников на входе в город увеличил, а сам пропуск ужесточил.

— Конечно, он же еще не утвердился окончательно, боится, что в город хлынут всякие

отбросы цивилизаций, как всегда в такие переломные моменты бывает, или наемники, которых наняли горожане, чтобы избавиться от незаконного правителя с несимпатичной мордой! — поддержала я. Вряд ли морда злобного дракона-узурпатора могла кому-нибудь показаться симпатичной, тем более после того, как он жестоко опалил половину населения.

— Полагаю, то, что мы люди, а не джинны, стража искусит сразу? — уточнил Миша.

— Конечно, о храбрейший из наивнейших, уже по запаху, не говоря о вашем несуразном виде. Хотя одежду вы носите нелепую, может, и сойдете за нищих джиннов...

Это мои модные джинсы и классную обтягивающую салатовую маечку она называет нелепыми?! Тогда как ее собратья одеваются просто в смешные балахоны, молчу уж о ее собственных экзотических костюмах, особенно расшитых новогодними блестками шальварах, которые меня с самого начала бесили. (Кстати, позднее в городе мне представился случай убедиться, что все джиннии одеваются гораздо скромнее Акисы, по крайней мере без перебора блестящих украшений.)

— Надо мыслить конструктивно, ведь должно быть что-то, что отпугнет их от нас? Чего бояться джинны, что дает власть над ними?

— Печать Соломона, — пошутила я и тут же поняла, попопала в точку. А почему бы и нет?

Мишка сразу оценил, тем более что момент был критический. Навстречу нам уже выступили два великана-циклопа из тех, что охраняли ворота. На мой недоуменный взгляд (джинны ли это?) Акиса сказала, чтобы я не сомневалась, это не менее распространенный тип джиннов, чем ифриты, которые отличались от циклопов только черной кожей и двумя глазами и тоже входили в отряд караульчиков.

— А что это такое, печать Соломона? — спросил Мишка.

— Редкий артефакт, перстень с магической формулой и рисунком, как правило, им запечатывают бутылки с томящимися в плену стариками хоттабычами...

— А попроще?

— Ну, думаю, можно нарисовать обычную красноармейскую звезду!

У нас над головами закружила парочка грифов, но я подумала, что это еще не повод писать завешание. Застенчиво улыбаясь стражникам, мы быстренько встали в конце очереди, циклопы поколебались, но вскоре отвлеклись на осмотр мешков одной джиннии в парандже.

— И эта звезда по-прежнему действует на джиннов? — на всякий случай уточнил Мишка у Акисы.

— Да, о интересующийся историей, это на редкость разумная мысль для Аглаи! Ведь сам Аллах Всемогуший дал Соломону власть над сонмищем джиннов. И даже изображение царя, начертанное где и чем угодно, имеет над нами большую власть. Слава Всевышнему, что истинная печать могущественного, благочестивого и мудрого нашего властелина Соломона давно утрачена... Хотя рисунок может сработать.

Если бы я вспомнила про чудесный перстень еврейского царя раньше, не позволила бы джиннии подшучивать и издеваться над собой все это время. Она бы у меня как шелковая ходила...

— Тогда сначала заговариваем стражникам зубы пророчествами и заклинаниями, после чего показываем им наши звезды. Вместе это будет еще убедительнее. Хорошо, что всегда ношу в кармане ручку.

Миша быстро нарисовал на левой ладони звезду. После чего изобразил то же самое на моей руке.

— К сожалению, не помню, как точно выглядит печать, — немного нервно заметила я, бросив взгляд на стражника-циклопа с кольцом в ухе, подозрительно уставившегося на нас — Но абсолютно точно уверена, что вокруг звезды не было написано «К юбилею российской милиции»!

— Это тайные магические руны, я их сам придумал, — проворчал Миша. — Наверняка они не умеют читать по-русски, а непонятное как раз может их напугать.

— И надеюсь, к нам не придерутся, что они не написаны собственной кровью или не

вырезаны автогеном прямо по коже, — продолжала я.

— По-моему, это тебе лишь бы придрататься, — раздраженно отвернулся Мишка. Ой, да ну и пожалуйста, какие мы нежные... Что я такого спросила-то?!

Оставшуюся очередь мы достояли молча, джиннии тоже не было слышно: или соблюдает конспирацию, или исчезла, но ведь у ворот чары все равно испарятся и она станет видимой. Я засмотрелась на узоры по бирюзовой майолике, что опоясывала круглую башню поблизости от нас, такие оборонительные сооружения шли через каждые тридцать метров стены. Веселенький узорчик, похожий на обои у нас на кухне...

— Ай, это правда твой портрет? Эт ты так говориш, но тут у тебя целых три головы, — зловредным тоном прогрохотал циклоп, держа между пальцев с длинными загнутыми когтями квадратную картонку и переводя прищуренный взгляд с нее на проходящее фейсконтроль существо.

— Это я до болезни, — обиженно моргая, пояснил Миленький джинн с двумя головами.

В очереди на нас косились, ядовито перешептываясь за спиной, но главное, не трогали и не приставали с расспросами. Какие они добрые, может, все-таки зря нас пугали Акиса с Симурхом, и к людям здесь относятся не так ужасно? Хотя потом оказалось, что все предвкушали тот момент, когда дело наконец дойдет до нас. Но Миша, как настоящий милиционер, затылком почуял угрозу и приступил к выполнению плана, так как мы уже были следующими.

— Жить хочешь, делай как я, — шепнул он мне и вдруг завыл, выкатив глаза:

— Дрожите все, ибо мы Зло, пришедшее из глубин джаханама!

— Ты с ума сошел?! — просипела я, покраснев от стыда. — Прекрати сейчас же!

— Какой позор, Ночной Дозо-ор! — окончательно добил он меня, причем очень убедительно изображая пляску святого Витта.

Я попыталась отодвинуться от своего сумасшедшего соседа и сделать вид, что мы незнакомы, но это не сработало, все с ужасом и любопытством смотрели и на меня тоже. Только тут я поняла, что это он выкидывает: мы же эти, как их, шайры, бродячие заклинатели и юродивые. Но имели ли они в своих рядах женщин, вот вопрос...

Глава тридцать вторая, ПСИХИЧЕСКАЯ

— Ай-ай, щито там за шум подняли? — грозно выкрикнул один из привратников и, обогнув стоящего впереди и загораживающего нас джинна с квадратной спиной, сурово встал перед «возмутителем спокойствия».

— Зашем хулиганить? — требовательно спросил он. Я бросила взгляд по сторонам в тщетной надежде на помощь. Разумеется, помогать никто не рвался... Акиса все еще не обрела телесную оболочку, ее было не видно и не слышно, зато рядом возникла явно пытающаяся пролезть без очереди какая-то сутулая наглая джинния в парандже. Я храбро оттолкнула ее, набрала побольше воздуха в грудь и тонко проверещала:

— Берегитесь, джинны, ибо грядет эра дракона!

— Да она вроде бы уже нагрянула, — пробормотал кто-то в черном клобуке, с синим лицом и горестным взглядом. Стоящие рядом подтверждающе закивали и воззрились на нас в тревожном ожидании. Не поняла, подействовало или не верят...

— Это не шутки, о проклятые грешники, кара небесная да падет на ваши головы! — угрожающе продолжил мой сосед. — Почему пропускная система растает в бюрократическом режиме?! Поцелуй меня везде, восемнадцать мне уже...

Мороз и солнце, день чудесный!

Еще ты дремлешь, друг прелестный?

Пора, красавица, ПОДЪЕМ!!!
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной Авроры,
МЕТНУЛАСЬ С МУСОРНЫМ
ВЕДРОМ!!! —

в голос подхватила я. Это даже стало увлекательно. Но только мы разошлись, понемногу подвигаясь к воротам, как веселью пришел конец. Или, по-восточному, полный кирдык...

— У нас безнаказанно такое орать нельзя, именем его чешуйчатого величия Аджи-Дахаки-первого, шахиншаха джиннов и всех пустынных владений с нефтяными месторождениями! Вы заплатите за нарушение порядка и чтение преступных рубаи! — Откуда ни возьмись вырос начальник стражи, представительного вида, разнаряженный как новогодняя елка джинн с висящим на поясе огромным ятаганом. Брови он явно выщипывал и подкрашивал.

— О не ведающий, чьими когтистыми лапами творит сии непотребности, и сейчас я речь веду не о драконе, пропусти нас, истинных спасителей города! А коли не внемлешь моим речам, сгоришь дотла не позднее двух лун! — непонятно что завернула я.

— С чего это вдруг? — усмехнулся джинн, разглядывая маникюр.

— Дракон проведал о гнусностях твоих, о том, как лазил ты в его сокровищницу! То есть, образно говоря, не гнушаешься брать богатую дань и не делишься с начальством! — поправил меня опытный Миша. Видимо, он с первого взгляда определяет взяточников и жулье...

— Схватить проклятых клеветников! — воскликнул начальник стражи, сильно побледнев. Ха, значит, мы попали в цель...

— Это ты будешь проклят навек, если твои люди... э-э... джинны посмеют дотронуться до святых пророков своими нечестивыми руками! — разошелся Мишка, продолжая изображать священный полуприпадок.

— К тому же у нас проказа, — быстро добавила я, гордо улыбаясь и протягивая руки, чтобы продемонстрировать свежий рисуночек.

Стражник, который с явным нежеланием на азиатском лице собирался надеть кандалы мне на руки, отшатнулся, увидев звезду Соломона. Это нам и было нужно, ненавязчиво так дать понять, что с нами лучше обращаться поделикатнее.

— Гасподин нащальник, смотри, еще один грубый нарушений закона! — С ужасом на лице джинн ткнул пальцем на мою ладонь...

— Щито там, э... тьфу, с кем поведешься... Я хотел сказать, что у нее там? — раздраженно спросил разнаряженный начальник, осторожно глянув через плечо.

— Неправильный татуировк могушиствинный Соломона! — с возмущением в голосе ответил джинн-подчиненный.

— Ага, вижу, вон, второй сбоку луч острее, чем надо, а верхний кривой. Знаете ли вы, что этот символ нельзя изображать с искажениями, это просто кощунственно, в наказание за которое наше мудрое законодательство, составленное великим визирем Крысаддином, предусматривает изощренные пытки до самой смерти!

— А ты на это взгляни, знаток местных законов, — посоветовал Миша, вскидывая руку с растопыренными пальцами и являя на всеобщее обозрение свою звезду.

Это был эффект взорвавшейся петарды — все только чуть нервно вздрогнули, переводя со звезды на нас недовольные взгляды. Но это в первый момент, Дальше взорвалась настоящая бронебойная бомба — они вдруг осознали.

— Это ж истинная... н-нашего великого повелителя! Что п-прикажешь, властелин? — восторженно взвизгнул самый маленький джинн-карлик, вскидывая рахитичные лапки и падая на худенькие коленки.

— Для начала просто разойдитесь и пропустите всех, кто дожидается контроля, не

осматривая, включая нас троих, — повелел Миша стражникам, указывая на наглую джиннию рядом, которая уже с деловым видом дунула в ворота.

И как я раньше не узнала эту бесцеремонную особу? Небось Акиса стащила паранджу из чьего-нибудь скарба, пользуясь невидимостью (неудивительно, что так оно потом и оказалось), и беспрепятственно прошла в город, народ ломанулся следом.

— Стой-стой-стой, это непорядок! Вы же слышали, он сказал: «Нас троих» — заорал начальник стражи, пытаясь сохранить свой авторитет. — А кто был третьим?!

— Э-э, я! — пропищал маленький рахитик, силясь протиснуться у раззолоченного между ног. — Я ведь первый ему поклонился!

— Эй, то есть господин, покажи-ка печать еще раз, я ее рассмотреть толком не успел, — все-таки проявил власть командир стражи. — И не пропускать пока никого!

Стражники-великаны, повинаясь начальнику, но нерешительно, не зная, кого теперь лучше слушаться, перекрыли вход деревянными алебардами, сдерживая джиннов покрупнее. Несколько помельче, вроде рахитика, проскользнули и убежали, один даже, радуясь новому ощущению безнаказанности, железным носком пнул в голень циклопа. Тот взвыл:

— Аи, шайтан мелкий!

Мы не успели проскочить. А все из-за Мишки, который вышагивал медленно и величаво, тоже наслаждаясь... неожиданно свалившейся огромной властью и кривлянием. Но Акиса прошла, а это главное!

— Извини, раб мой, два раза не показываю. Дай-ка лучше взглянуть на твой ятаган, он мне сразу понравился, хочется рассмотреть поближе.

— Э-э... мм... Конечно, вот. — Начальник стражи поспешно отстегнул и протянул Мишке украшенное сапфирами и изумрудами оружие, вид у джинна был растерянный, как будто он и сам не понимал, что делает. Печать по-прежнему действовала, хотя и была полной кустарщиной...

— Где у вас тут можно остановиться? Я имею в виду самую лучшую гостиницу с фонтанами, бассейном, арабской кухней и танцами живота? Хотелось бы хорошо отдохнуть, посмотреть город. Нам бы не помешал экскурсовод. А так как ни у кого нет такого ятагана, я, пожалуй, выберу тебя — будешь нам все тут показывать!

— Но, господин, у нас сейчас в городе многое перестраивается, в принципе смотреть не на что, пыль да руины... И зачем вы, люди, так хотите попасть в благословенный Ирем, царство джиннов? — медленно произнес главный стражник, кося глазом на Мишкину руку, — тот не почувствовал опасности, слишком увлекшись своей ролью.

А меня кое-что насторожило. Краем глаза я заметила выглядывающую из-за городской стены метрах в пяти над землей знакомую собачью мордочку. Мне показалось, что выражение у нее было чересчур хитрое...

В этот момент на лице начальника стражи заиграло злорадство.

— Нечетко очерченные контуры делают печать недействительной! — громко произнес он.

— Какие еще нечеткие контуры... — Миша не хотел верить, что его могущество испарилось, как роса в пустыне.

— Печать размазалась, олух! Нельзя было сжимать пальцы, при такой жаре рука не могла не вспотеть, — не сдержалась я. Похоже, операция полностью провалилась...

И в ту же секунду раздался страшный грохот! В городской стене рядом с воротами образовалась огромная дыра, обломки камня похоронили с десятков неосторожных джиннов. Кто-то, судя по всему, произвел настоящий теракт... хотя и в нашу пользу.

Сразу началось столпотворение, все пытались бежать чуть ли не по головам друг друга, падали. На месте взрыва поднялся огромный столб песка, я успела увидеть мелькнувшие в воздухе и исчезнувшие за стеной общипанные крылья Симурха. Миша, пригнувшись, схватил меня за руку, и мы, пользуясь всеобщим переполохом, попытались пробежать в ворота.

— Куда-а?! — Оглушенный начальник стражи, отряхивая песок с расшитого платья,

загородил нам дорогу.

Но мой сосед только взмахнул у него перед носом его же драгоценным ятаганом:

— Кастрирую неверного!

— Слушаю и повинуюсь. — Великан послушно отшатнулся, и мы дали деру в неизвестном направлении. Ятаган Мишка сразу выбросил, понимая, что это лишнее преступление и первосортная улика. Город большой, закоулков много, где-нибудь да спрячемся, так что сразу не поймают...

По дороге я сказала ему, кто был виновником взрыва. Видимо проявляя непонятное благородство, Симурх решил помочь нам, а заодно и отомстить за почки. Или наоборот, сначала отомстить и попутно помочь... Но все равно, какая самоотверженность, он рисковал шкуркой, ведь его могли схватить! Наверняка собакоголовый действовал под влиянием алкогольных паров, они и придали ему отчаянную смелость камикадзе.

Глава тридцать третья, УЖЕ ЧИСТО ИРЕМСКАЯ

В Иреме, по архитектуре и планировке напоминающем восточные средневековые города, действительно полным ходом шла перестройка. В смысле не политическая, а типовая — возводились одинаковые многоэтажки из стекла и бетона, но в поддержание традиционного стиля четырехайванные с подковообразными арками на месте входных дверей. Прежние строения в большинстве своем были повреждены или полуразрушены, вероятно, в результате воцарения дракона, но построить новые оказалось проще, чем возиться с реставрацией.

На стройплощадках не было ни подъемных кранов, ни даже лестниц, джинны-строители с молдавского типа загорелыми лицами просто взлетали вверх с бетонным блоком под мышкой. Некоторые из них, паря в воздухе, придерживая одной рукой защитную маску, другой сваривали металлический каркас, причем, как мне показалось, сварочным аппаратом им служил собственный указательный палец.

Все это я отметила в одно мгновение, застыв на месте с разинутым ртом, и очнулась от того, что Миша резко потянул меня за собой. Акисы нигде не было видно, ну и не надо, своих проблем хватало — за нами была послана погоня! Издалека донеслись крики начальника стражи:

— Схватить шпионов с несанкционированной печатью Соломона!

Эх, если бы переодеться, мы бы затерялись в толпе, большинство джиннов антропоморфны. Местные ходили с обгорелыми спинами, их лица и другие участки кожи тоже носили следы ожогов... Вообще веселья в городе не чувствовалось, больше молчали, а переговаривались испуганным шепотом. Все-таки, как ни верти, а не сахар жить с драконом под боком, да еще когда он безраздельно управляет твоим городом.

Четко очерченные прямые, узкие восточные улицы были забиты лавками со всяким товаром, торговля кипела несмотря ни на что. За нами гнались циклопы, я уже чувствовала спиной грохот их ног и сердитое сопение. Мы свернули на следующую улицу, сбавили ход, делая вид, что всего лишь торопливо прогуливаемся, и нырнули в самую темную и неприметную лавку. Не понравился мне только подозрительного вида увалень у входа, разглядывавший товар, выставленный по здешнему обычаю на улице.

— Что это за жуткое место? — прошептала я, смущенно высвобождая свою ладонь из Мишкиной руки. Комната была заставлена человеческими скелетами в небрежно накинутах ярких хламидах с черепами, завернутыми в чалмы веселых расцветок.

— Не знаю, но у них тут много полезных и оригинальных вещей продается, — заметил мой сосед, подзывая на разнообразные подставки, резные подсвечники, кружки — и все это из человеческих черепов.

— Надо же, со знаками зодиака, — ошалело замерла я, невольно начав искать глазами свой знак. Еще тут оказалось немало изделий из кожи, но когда я увидела на одном плаще

наколку «Одесса-мама», до меня дошло, из какой кожи сделаны все эти остроносые туфли, ремни, уздечки и жилеты! Коллекция, достойная гитлерюгенда...

В другом конце комнаты на специальных крючочках на стене висело множество непрозрачных пакетиков, как у нас с кофе «три в одном», каждый со своей надписью, некоторые были в нескольких экземплярах.

— Еще и по алфавиту! «Большая энциклопедия» Абдула Альхазреда, «Метафизика» Аристотеля, «Трактат о взглядах жителей добродетельного города Ирема» Аль-Фараби, «Джинны, истинные боги человеческой расы» какого-то Ибн Саладина, его же «Люди — миф или реальность?», «Магия и право» Калиостро, Кант «Грезы духовидцев, поясненные грезами духов», Джошуа Трахтенберг «Дьявол и евреи», — изумленно прочитала я.

Не знаю, каким образом это получается, но их письменность для меня была ясна как божий день, хотя я и осознавала, что буквы представляют собой нечто среднее между арабской вязью и пиктографией, скорее всего, джинния без предупреждения наложила на нас нужное заклятие, это в ее духе. Больше всего изумляло то, что под перечисленными названиями продавались какие-то сыпучие вещества. Эх, стащить бы пару штук, а то и больше, пользуясь отсутствием продавца, любопытно ведь, что это такое, но воспитание не позволяет. К тому же милиционер рядом. Шутка...

— Что-то циклопов не слышно, — настороженно заметил Миша, пристроившись у окошка так, чтобы его не было видно с улицы.

— Может, свернули на другую улицу или решили прерваться на обед? — предположила я, все-таки сунув в карман пакетик с «Абдулом Альхазредом».

И в этот момент на улице закричали:

— Ай, сюда, честные стражи, ваши беглые злодеи укрылись в «Лавке Аладдина»! Это они, сам видел! Я их заманил и посторожил.

«Лавка Аладдина»? Ну и юмор у них, извращенной английской. Но что делать, заднего выхода в магазине не было, мы уже проверили.

— Вай, это знак, если шайтан загнал их туда, так там им и место, — злорадно высказался кто-то. Вот противный народец, и что мы им сделали?

— Попробуем прорваться с боем? — крикнул Мишка, я подумала и кивнула.

Мы почти проскочили, но силы людей и джиннов по-любому неравны. Мы словно попали в энергетическое поле, не имея возможности шевельнуть ни рукой, ни ногой, и нас взяли тепленькими.

Меня обыскали, отняли канцелярский ножик, а еще через полчаса нас уже доставили в зиндан. Хорошо еще, по пути нам дали полюбоваться на местные достопримечательности. Циклопы, которые нас сопровождали, были вполне миролюбивые дядьки и даже провели небольшую обзорную экскурсию:

— Эт наша главный мешеть, эт караван-сарай, эт базар, эт баня, эт другой мешеть, эт второй базар, эт еще бани... женскиэ.

— Помыться, что ли? — зевнула я.

Ужасно хотелось спать, может, хоть в зиндане удастся прилечь, Миша посторожит, с ним не страшно. Тем более что мой опыт заключения еще вполне свежий, но вот наш милиционер почему-то нервничал, тяжело вздыхал и явно страдал физически...

Тот толстый тип у лавки, что нас выдал (недаром он мне сразу не понравился), присвистывая, следовал за нами, делая вид, что идет исключительно по своим делам.

— А эт зиндан! Вот, пришли. Сожалеим, щито сегодня вы умрети, этот пириказ подписал господин великий визиря Крысаддин. Уй какой злой...

Хорошенькая новость, уже и визирь успел подписаться, быстро они тут с честными людьми расправляются. Нас сдали под расписку стоящему у входа в каталажку заняханному джинну с изуверской физиономией, одетому в грязное тряпье. После чего, грустно повздыхав и бросив на нас по еще одному скорбному взгляду, циклопы распрощались и отбыли.

Здание зиндана, слепленное из серого камня, смоталось не слишком радостно на вид, а

внутри оказалось еще более удручающим. Я подумала было, как странно, что нет охраны, но, когда еще раз встретила взглядом занюханным джинном уже в мрачных чертогах зиндана, этот вопрос отпал сам собой. Его синяя кожа, безумные глаза размером с куриное яйцо на вытянутой морде синего осла, причем челюсти составляли основную массу, и мускулистые лапы напрочь отбивали всякие мысли о побеге.

— Мы — великие волшебники и маги, если ты не угодишь нам, то твоя смерть будет долгой и мучительной. — Мой сосед попробовал и здесь провести нашу живую линию.

— Меня зовут Умат, и в следующие десять минут я буду вашим палачом, — сообщил тот, подло улыбаясь. Несмотря даже на его занюханный вид, ему почему-то хотелось верить...

Без лишних предисловий гнусавым голосом он зачитал приговор, переданный ему циклопами, в котором говорилось, что нас бросят в «гибельную яму», в которой мы невыносимыми муками и медленной смертью искупим свои грехи. Значит, опять поспать не удастся?!

— Вы осуждены за бродяжничество! Ну и за то, что вы — люди...

— Люди — это плохо?

— Нет, это завидно... Начать хотя бы с того, что вас Аллах любит больше.

— Сунете нас в яму со скорпионами?

— Хе-хе, шайтан уготовил вам кое-что похуже, много хуже! Прощайте, нехорошие грешники!

— Это вы, что ли, шайтан? — простодушно уточнила я. Меня все еще мучил этот вопрос: правда ли, что шайтаны — один из народов джиннов, или все джинны и есть шайтаны? Конечно, Акиса дала отрицательный ответ, но, согласитесь, она вполне могла и солгать в собственных интересах.

Вид Умата стал напуганный и смущенный, вместо ответа он поспешил дернуть за рычаг. Но не успел, Мишка выкинул ногу, целя палачу ударом карате в грудь, но дотянулся только до колена, тот был в полтора раза выше. Я бросилась на помощь верному соседу, намереваясь влезть ему на плечи и уже оттуда атаковать врага, но...

Глава тридцать четвертая, КУСАТЕЛЬНО-СПАСАТЕЛЬНАЯ

Торжествующе усмехнувшись, джинн дернул за рычаг, две створки люка резко опустились — и мы полетели вниз. Ох, лишь бы спину не сломать, остальное загипсуем. Хотя, если там крокодилы или змеи, вопрос спины становился несущественным... ладно, долетим — разберемся. На самом деле мысли были короткими, типа «ой!», но я ж должна пересказывать происходящее как-то политературнее...

Мы упали на что-то мягкое. Часть мягкого, избежавшая расплющивания, с визгом разбежалась по сторонам, суча крошечными лапками и скребя коготками по каменному полу.

— Фу! Крысы!

— Не уверен. Ты цела?

— Да, и похоже, что останусь цела еще незначительное количество времени. Пока крысы нас не съедят...

— Это не крысы, — уперся Миша. — Какие-то другие зверьки, у них пушистые хвосты.

В темноте ямы заблестели большие и, как мне показалось, испуганные глаза, я посчитала — тринадцать глаз, странно. Только тут вспомнив о спичках, захваченных из дома в составе походного набора (хорошо, их не изъяли при обыске), я достала их из кармана и с третьей попытки зажгла одну.

— Ах, какие пусики, милашки! Смотри, они такие маленькие и у них такая шелковистая шерстка, а ушки, ушки какие смешные!

Перед нами, вздыбив шерстку и распушив хвостики, находились маленькие лисички.

— Кто это?

— Это фенек, пустынная лисица, — восторженно пояснила я. — Неужели они тебе не нравятся? Такие крошечные ушастые пушистики!

Но только протянула руку, чтобы погладить ближайшего ко мне и самого печального и робкого на вид лисенка, как он сверкнул злобным взглядом, ощерил клыки и мгновенно сомкнул челюсти на моей руке.

— Ой, отпуст-ти! А-а.. Ой-е...

— Хавхавав!!!

Миша бросился отцеплять от меня лисенка, но тут они все набросились на нас и, вцепившись довольно мощными для таких хрупких созданий челюстями, принялись грызть везде, куда только дотягивались своими острыми зубками. Было больно и щекотно, мы отмахивались, как могли, шлепая по лисицам их же собратьями, с яростным рычанием повисшими у нас на руках.

— Вот маленькие чертенята! — сквозь смех сердилась я. Миша был более сдержан, но и он проявил чувство юмора, издевательски подхватив:

— Они же такие милые, что ты?! И кусаются, как трехдневные котята...

— Сам виноват, надо было лучше применять свое самбо или что-еще-там!! Чему вас только в вашей школе милиции учат? Не смог справиться с одним противным тюремщиком-джинном, занюханным к тому же... Понимаю, если бы их было пятеро, был бы стимул, был бы подвиг, а тут всего один! Ой-ой-ой... Ах ты, зараза мелкая! Это я не тебе, — поспешно сказала я своему товарищу.

— Да нет, я тоже заслужил. Ты права, не смог с одним справиться, надо было пытаться сбежать еще в городе, — еле слышно отозвался Мишка, еще активнее отцепляя от меня феньков. На своих он уже не обращал внимания, хоть их и прибавилось. В стене оказалась узкая длинная щель, наверно, для наплыва лисиц. В эту щель, кстати, с трудом, но все же просачивались воздух и свет...

— Ладно, не вини себя! Этот тюремщик под три метра ростом и килограммов двести, наверно, весит, а ты всего пятьдесят, а морда у него какая изуверская... Я же понимаю.

— Не надо меня оправдывать, — насуплено возражал Мишка, но при этом мне показалось, чуть заметно улыбнулся, или это была гримаса боли?

Одежда на нас постепенно превращалась в лохмотья, руки и ноги были расцарапаны маленькими агрессорами. Причинить им боль по-настоящему — рука не поднималась, это же как плюшевой зверюшкой об стену, потом до старости от греха не отмоешься...

Я уже хотела попросить Мишу, если он меня переживет, пусть отомстит, даже ценой своей жизни, как вдруг люк открылся, и нам на голову упала веревочная лестница.

— Вылезай, женщина, Аллах тебе помог, а точнее, Умат проявил свою милость.

— А почему только она? — немного удивился мой сокамерник.

— Потому что я женщина, глупый! Видимо, поняли, что такая красота не должна пропадать!

Руки ныли, пару раз я съезжала вниз и даже сподобилась сесть соседу на голову. Несмотря на то что его не звали, он все равно, естественно, полез вслед за мной, ведь жить хотелось обоим. Пусть лисички на сей раз останутся голодными...

Как только мы выкарабкались, я обратилась к тюремщику:

— А вы их сегодня покормите? Ну, чем-нибудь, кроме моего товарища, он слишком худой. Чувствуется, что они очень голодные у вас. Жалко даже.

— Кого покормите? А, этих злобных зверьков?! Да, конечно, через час из зиндана номер два должны привести на расправу шайку грабителей мечетей.

— Грабителей мечетей? А что там можно грабить — перила, коврики, тапки?

— Нечестивцы украли одежду муллы, — пояснил, выступая из полумрака, какой-то мужчина, я его сразу и не заметила. Он приторно улыбался. А ведь знакомая внешность, тот же увалень, только переоделся понаряднее, что за интриги?

— Я вас знаю, вы нас выдали стражникам.

— Истинная правда, госпожа, меня зовут Бармакид ибн Бармаглод.

— Что вам нужно? — сурово спросил мой милиционер, недоверчиво сдвинув брови.

— Ничего, он пришел освободить эту женщину, заплатив выкуп. Но это не твое дело, ты чего вылез, мерзкий человечиска? — грозно пошел на Мишку тюремщик, пытаясь пинком столкнуть его вниз.

— Постойте. — Я вцепилась ему в ногу. — Неужели нельзя ничего сделать?

Я просительно посмотрела на мерзкого предателя, надеясь, что сам догадается. Тот заколебался.

— Ты мне понравилась, госпожа. Мама сказала, что мне пора подыскать себе жену, а человеческие жены славятся в Иреме.

— Прекрасная мысль, — одобрила я, победно глянув на Мишу. — Очень польщена вашим выбором. Но зачем тогда нас было выдавать?

— Жена должна помалкивать, — неуверенно заметил Бармакид, добавив: — Это хороший тактический ход и вполне в нашем обычае. И ничего, что ты из людей, говорят, наш дракон-правитель питается молодыми джинниями, многие мужья переживают за своих жен, у меня такого горя не будет. Вот, принес тебе паранджу, как тебя лисицы-то искушали. Будешь ходить в ней.

— Ты, джинн, не смей командовать, она тебе еще не жена!

— Ты просто злишься, что он меня выбрал, — горделиво заметила я, послушно надевая паранджу. Вот повезло так повезло, о чем мечтала, то и сбылось, и воровать не надо. В таком одеянии можно свободно затеряться в толпе, и ни один стражник не покусится требовать у женщины в парандже, чтобы она открыла личико. Мало ли какой ужас можно там увидеть...

— Наоборот, я счастлив, что он не *меня* выбрал, — горько засмеялся Мишка.

Тюремщик выжидал, переводя хитрый взгляд с одного на другого, предусмотрительно держа моего соседа за воротник.

— Ну ладно, я устал, у меня сейчас обед, а ты отправляйся назад, к лисам...

— Будь по-твоему, госпожа, я дам Умату три бабая и за него, — наконец решился мой предатель-спаситель, даже не могу определиться, какой эпитет к нему добавлять. Кстати, потом мы узнали, что «бабаи» — это действительно деньги! То есть не юмор такой: «бабай-дед» и «бабка-монета», а по-настоящему у них так назывались денежные единицы. Один бабай составлял шестьдесят шесть бабаек...

— Три? Да он стоит все... — палач окинул Мишу взглядом, — ... три с половиной, проклятый человечиска! Неплохой евнух из него получится для твоего гарема, господин. Только кастрируйте вовремя...

— Вы правы, я справлюсь, и даже без кастрации, — насупленно согласился мой сосед, жить ему все-таки хотелось.

— Ему понадобится одежда! — напомнила я, от милицейской формы остались одни лохмотья, к тому же нам надо выглядеть как местные, чтобы... сбежать!

— Посмотрим, что тут осталось от ваших предшественников, да будет их место где-нибудь поблизости от рая, это самое большее, что они заслужили, — сказал джинн, почесывая спину и открывая замшелый сундук в сторонке. — Еще один бабай за почти новую рубашку! А теперь убирайтесь отсюда поживей, в любое время могут привести очередных узников, неугодных новому шахиншаху, и с каждым днем их становится все больше. Вчера казнили группу стариков — заклинателей змей, они попытались устроить заговор против дракона, натравив на него своих вскормленников во время праздника воцарения Аджи-Дахаки, — зловещим шепотом доверительно сообщил палач. — Думаю, придется еще лисиц ловить, эти уже не справляются...

Глава тридцать пятая, ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ

На улице первым делом я потребовала объяснений насчет гарема. Бармакид с некоторым волнением в голосе сказал, что никакого гарема у него нет, столько денег еще не заработал. Просто это у них в обычае делать такой комплимент, это означает проявление уважения, тюремщик, говоря такое, делает вид, что беседует с богачом...

Такой ответ меня вполне удовлетворил. Паранджа пришлось в пору, только сетку с лица я убрала. Бармакид, умильно улыбаясь, сказал, что это паранджа его мамы, она и денег ему дала и велела без невестки не возвращаться. Она считает, что сыну уже давно пора жениться, и очень обрадовалась, когда тот ни с того ни с сего вдруг проявил инициативу. Они живут с мамой тут неподалеку от зиндана, сразу за базарной площадью...

При дневном свете, когда я пригляделась к нему хорошенько, Бармакид оказался не таким неприятным типом. Скорее он был похож на простоватого юношу примерно наших лет, с грубоватыми чертами лица и шишковатой головой неправильной формы. Его можно было принять за человека, если бы не три фиалковых глаза, которые, как ни странно, делали его симпатичным...

Мишка же в это время ужасно страдал в новых лохмотьях, говоря, что уж лучше бы остался в родном милицейском рванье.

— Это от каких-то разбойников, убийц и воров осталось, а я, работник органов, на себя напояливать должен?!

— Радуйся, о глупец, в такой стриповой рубашке, какая была у тебя, здесь никто не ходит, — заметил Бармакид, снисходительно улыбаясь. — Это была коварная подстава! Обычно, если тебе нравится женщина, но она и не смотрит в твою сторону, мы все в Иреме так поступаем, ты подставляешь ее, чтобы красавицу бросили в яму к лисицам, и, заплатив охраннику, забираешь ее себе. И она уже не строптива, не фу-ты ну-ты, а покорно идет за тобой, куда скажешь, ласково именуя господином...

Покорно семеня за джинном, я подумала, что от меня он этого не дожидается. Но раньше времени революцию не устраивала...

— А кем вы работаете?

— Играю на дойре, то есть бубне, по чайханам. Большие бабаи срубить можно, если не лениться. Но я вообще-то не люблю работать, потому мне и нужна жена.

— Это чтобы я за вас работала?

— Да, открою лавку вроде «Аладдина», я как раз и ходил по торговым рядам, приглядывался, какой товар кому выгоднее сбывать. А когда вас увидел, решил — возьму у мамы денег, посажу в лавке тебя, а сам буду вальяжно проводить время с друзьями!

Меня передернуло, когда я представила себя торгующей сувенирами из человеческих костей.

— Представь только, заходят покупатели и видят дочь людей, торгующую человеческой кожей: «Прошу вас, о почтенные джинны, купите эти свечи из... из (непременное всхлипывание!)... Простите, минутная слабость, они пользуются большим спросом, их можно применять в ежедневном магическом ритуале перед сном или для освещения комнат, конечно, выйдет чуть дороже лампадного масла для лампы, но и оригинальнее. Свечи из... из человеческого жира — это лучший подарок на все случаи жизни!» Звучит, да? Я сам придумал!

Я зевнула, недосыпание брало свое, даже будоражащие мысли не могли перебить сон, может, дома у него можно будет поспать?

А Ирем недаром называют Городом Колонн. Здесь их было множество, из мрамора, яшмы, порфира и чего-то еще, что трудно было определить. Не знаю, чем они служили раньше, но сейчас были обклеены выполненной красивой вязью рекламой и объявлениями. Например, «Продам лампу-коммуналку!» или «Пущу залезть в бутылку! Закуска ваша, по договоренности...» и еще «Шотландский джинн ждет пьющую джиннию. Крепость отношений — не менее 46 градусов»...

И тут где-то загрохотали выстрелы! Наверно, не меньше сотен ружей одновременно, хотя я не знаток.

Миша автоматически прикрыл меня грудью:

— Что это такое?

Мой будущий «муж», снисходительно улыбаясь, пояснил:

— Это стрельба суеверных бедуинов, так они отпугивают пустынных джиннов.

— Но они же не могут видеть вас и этот город?

— Нет, а мы-то тут при чем? — величественно вскинул голову Бармакид.

— Понятно, проехали...

На пальбу в городе никто не обращал внимания, все спокойно занимались своими делами, она еще некоторое время продолжалась, но постепенно стихла, видимо, арабы расстреляли патроны и, не зная, чем еще заняться, отправились восвояси.

— Поестъ бы, — спустя какое-то время тихо протянул мой сосед. Царапины у него на шее и щеке еще кровоточили, но он только упрямо размазывал кровь и вытирал руку о драную хламиду. Мне даже сердце защемило, такой жалкий у него был вид...

— Сама голодная, потерпи, моя будущая свекровь наверняка нас накормит. — Я ободряюще пожала Мишкину руку.

— Будущая свекровь, ты это серьезно?! — нахмурившись, спросил он.

Я двусмысленно улыбнулась. А что, стоило об этом подумать, конечно, посмотрю сначала, как у них дома, как кормят, удобные ли постели. Шучу! Мне просто нравится дразнить их обоих...

Но Бармакид тут же возревновал всерьез.

— Ты, чужестранец, человек, можешь идти, — гордо вскинулся он. — Здесь есть гостинные дворы для приезжих. Правда, человек туда не пускают, прижмуривают при входе. Туда им и дорога!

— Ничего подобного, — вступилась я. — Почему бы и Михаилу, так его зовут, не пойти с нами? Он мой сосед в нашем мире, много мне помогал в детстве, и вообще...

Я вдруг осеклась, вспомнив, как однажды он не дал мне прокатиться на своем новом трехколесном велосипеде, и мне тогда было обидно до слез!

Я взяла трехглазого под ручку, и, посуровев взглядом, сказала:

— А впрочем, забудь, пусть сам ищет, где перекантоваться.

Миша онемел, но только на секунду.

— Ах ты, неблагодарная мартышка! — возмущенно взвыл мой бывший товарищ. — Акиса неизвестно где, и только поэтому я считаю себя в некоторой степени ответственным за все. То есть за тебя, дурочку! За сохранность твоего тела, мозги ты, похоже, безвозвратно потеряла, если они у тебя вообще когда-нибудь были...

Я только презрительно фыркнула и глубоко вдохнула душный, пропитанный пряностями воздух. Этот мир мне нравился, здесь, как ни странно я не чувствовала себя в чужой среде (может, у меня в роду были джинны?). Даже наоборот, я ощущала редкую уверенность в себе и внутренний покой! Пожалуй, здесь стоит задержаться, а может, даже и остаться надолго, если удастся определиться с кругом знакомств и местом жительства...

— Как ты права, о скрупулезнейшая, вижу, этот неблагодарный «друг детства» пристроился нам на шею, ради чашки супа такую мораль развел, — поддержал расцветший Бармакид, мягко прикрывая мою ладонь своей. Уже говорит от *нашего* имени, как-то поспешно, но приятно.

— Ладно, каюсь, понял, не дурак... — медленно протянул Миша, дрожащими от ярости руками, вытирая пот со лба. — Не буду мешать, третий лишний, го-орьк-а-а! А не пошел бы я...

На мгновение я задумалась, куда он пойдет без денег, даже шаурму не купит, но тут опять вспомнила детскую обиду и подумала, что такой здоровый лоб в крайнем случае всегда заработает мытьем посуды в столовке странноприимного дома для джиннов ближнего и дальнего зарубежья. Только-только хотела сообщить ему об этом, как он резко развернулся и зашагал прочь...

— Эй, ты, оставайся, мы пошутили, — встревоженно крикнула я ему вслед.

— Мы? Уже мы?! — Мой сосед горько засмеялся. Очень похоже на смех безумца, наверно, перегрелся на солнце. Надеюсь, это временно. Он же не мог всерьез подумать, что нас с ним хоть что-то связывает? По крайней мере, я так не думаю... кажется.

— Так на чем мы остановились, дорогой? Ах да, семейный бизнес, лавочка, торговля и все такое... Далеко еще до твоего дома?

— Близко совсем. К нам люди редко забредают, я одного только и видел кроме вас, но это был выдающийся человек, Абдул Альхазред его звали. Он у нас с маманей комнату снимал, курил всякую дрянь, но и работал как проклятый, часа по два в день! — продолжал рассказывать Бармакид, пока я с восхищением обзревала чудесные, покрытые мозаикой конусовидные здания бань, огромное медресе, может, там будут учиться наши дети, маленькие джинята.

Древнее государство джиннов с драконом у власти, мечети, подковообразные арки, паранджа — все это должно было быть чужеродным для православной девицы атеистического воспитания, но, как ни странно, не было. Как будто я всю жизнь прожила в какой-то восточной сказке, может, мне даже в лавке работать понравится, только, конечно, не в специфично сувенирной, а, например, пряности продавать или женское белье... А интересно, носят ли джиннии стринги?!

Даже стены складских помещений здесь оживлял причудливый растительный или геометрический узор, а иногда по камню шла очень тонкая резьба. Деревья попадались редко, но кое-где росли невысокие кусты мирта. Прямо в вырытой в песке яме, раскаленной солнечными лучами, пекли огромные лепешки, обкладывая ими стенки и дно. Такие продавались на каждом углу...

— Этот Альхазред болтал, что мы живем в Пустоте, аж обидно. Фонтаны эти, дворцы, сады, амбары для фиников, приюты для безламповых джиннов, всю нашу крутую цивилизацию он видел своими глазами! Целыми днями жрал в три хари, а сам продолжал упрямо бакланить, что все равно это сплошная иллюзия, и мы, джинны, на самом деле дрыхнем беспробудно в Великой Пустоте. Я его разок чуть не придушил, чтоб до него дошло, что мы взаправду существуем!

— Стоп, так это тот самый тип, что потом написал арабский «Некрономикон»?

— Ну!

— Но тогда это явно про жителей другого Ирема, — уверенно сказала я. — Здешные жители не так ужасны, у них добрые глаза, хотя некоторые и выглядят как настоящие чудовища.

— Правда, ты знаешь этого старого баклана? — обрадовался Бармакид.

— Только в силу общего развития. По истории религии давали...

— Да-а, он был страсть какой ученый, поэтому его хотели поначалу к скорпионам бросить, чтобы не умничал больно. Он же окуренный был в дым, совсем ошалел, когда наш город увидел, и разглагольствовал про какие-то континуумы да парильные миры. Чудно так, это он про большие бани, я так думаю. Тогда до лисиц мы еще не дотумкали, ведь после скорпионов надо еще думать, куда жмуриков девать, а здесь мороки нет — феньки все подъедают. Так чтобы его не убивали, этот Альхазред обещал написать Самую Большую Циклопедию, быстренько собрался, поборол лень и намарал. Это про циклопов книжка, джинны сами не любят науками заниматься. Очень мы ленивы в этом отношении. Придумали даже такую штуку, книжный порошок, съешь его, и сразу как будто всю эту книженцию разом прочел. Я в своей жизни только две книги съел «Про слона и слепых дервишей ибн Мосек» и «Стрекоза-гейша и трудолюбивый муравей» с картинками!

Так вот она, разгадка сыпучего вещества-а... Заметив в конце улицы стражников, я прикрыла лицо и забеспокоилась за Мишу, хорошо хоть, языкового барьера нет, он должен освоиться и не пропадет. Пусть только попробует пропасть, я ему этого никогда не прощу...

— И всю книжку как наизусть знаешь! Только помнишь ее до утра, пока солнце не взойдет, а потом память отшибает как хорошей палкой... Не всю, конечно, только на эту книженцию, — продолжал бубнить Бармакид, почесывая затылок. Болтун како-ой... я с таких

стреляюсь!

И все равно, порошковая книга — это здоровское изобретение. Но где же Акиса? Спрашивать про ее бабушку бесполезно, мы даже не знаем, как ее зовут, здесь наверняка полно джинний-старушек. Но я все-таки поинтересовалась у будущего супруга, не знает ли он сильно пожилую ханум, пострадавшую во время воцарения дракона, с внучкой, отправленной в изгнание? Бармакид не знал. Он сказал, что сам в это время перебирал сушеный инжир в погребе с мамой.

Надеюсь, что Акиса отыскала свою бабулю и смогла ей помочь, а может, как раз сейчас и полетела за водой к Зем-зему, но в этом случае ей опять понадобится помощь, чтобы пройти стражу при городских воротах. А может, ее давно схватили и пытаются лисицами или еще чем похуже?! Я старалась не думать об этом. И уж совсем забыла про спасение мира джиннов этого жестокого дракона. Ладно, вот передохну, тогда смогу лучше соображать, Миша по крайней мере спал ночью, ничего с ним не случится, а джинния нас соберет, когда освободится. Я же по биологическим часам сужу, у меня практически третьи сутки без сна, так что не буду себя изводить за неадекватное поведение и за то, что прогнала Мишу. Или все-таки буду...

Глава тридцать шестая, САМАЯ КОВАРНАЯ

Но тут мы наконец-то дошли. Трехглазый с мамой жили на узенькой уютной улочке, в одном из небольших квадратных домиков, сложенных из известняка, и с тонкими смоковницами под окнами.

Из-за деревянного забора вышла дородная женщина в черном. У нее были такие же фиалковые глаза, как и у Бармакида, только приглядевшись, я поняла, что глаз один, но в нем два зрачка. Встретила она нас весьма приветливо:

— Ай, мои дорогие, я вас уже ждалась, халиса и плов по-андижански почти остыли. Бармакид, как зовут эту приятную девушку, мою будущую невестку?

— Аглая Морозова, а вас как? — поспешила я представиться. — Очень милая у вас улица, вы давно здесь живете?

Мне показалось, что-то ей не понравилось. Позже Бармакид мне разъяснил, что девушки тут говорят тихо, с опущенными глазами, и не поперед мужчин, а только когда их спрашивают. Но это ерунда, маманя воспитанная женщина, она быстро ко мне привыкнет и полюбит такой, какая я есть...

В доме у них было довольно светло, но не так чисто и уютно, как на улице, как ни странно это звучит. От этой мысли меня отвлек огромный летящий казан, за ним летел второй, пытаясь его обогнать, в дверях они столкнулись и явно пихали друг друга, из одного расплескивалась жидкость, но он-то и оказался победителем, хотя и размером был почти вдвое меньше. Проявив себя более настырным, он с силой отпихнул больший казан, пролетел в дверь и водрузился на треножник, стоящий на полу, рядом с Наджмой, так звали маму Бармакида. Второй уже с вялым видом полетел следом. Я раскрыв рот смотрела на здешнее поведение медных котлов, в обычной жизни не свойственное всяким атомам меди.

Итак, мы сидели на полу, перед нами было расстелено покрывало, оказавшееся обеденным столом, то есть дастарханом. Пока я пялилась на казан, ожидая от него новых чудес, содержимое легко переложилось в наши тарелки. Это было нечто жидкое, кашеобразное, из пшеницы, гороха и мяса. Потом Наджда перелетела поближе ко мне и сама ответила на все вопросы.

— Многие из нас умеют превращаться в птиц, летать, переносить тяжелые сумки. Как же не использовать все это в быту, чтобы облегчить себе труд? — с доброй улыбкой пояснила она, при этом ее зрачки скакали в глазу, как две психованные горошинки. — Наш сосед Саик уже десять лет как превратился в голубя и большую часть дня проводит на чердаке, дабы не платить подати в казну шахиншаха. Когда приходят сборщики податей с

сетками для ловли птиц, он прячется у соседей. Но от гулей, а только гули служат сборщиками податей, не так-то легко отвязаться. Они привели джинна, умеющего превращаться в ястреба, но Саик такой шустрый...

— Здорово! А сами вы что умеете? — перебила я, только бы не слушать ее болтовню. Похоже, у них это семейное...

Мне показалось, или она и в самом деле быстро переглянулась с сыном и снова, мило улыбнувшись мне, сказала, что ей, как и многим джиннам, Создатель ограничил возможности, чтобы они не загордились шибко и не впали во грех.

За обедом я еще много чего узнала о джиннах. Например, что шайтаны действительно когда-то были одним из народов джиннов и жили в Иреме, но сотни и сотни тысяч лет назад оказались изгнаны. Здесь изредка можно встретить джинна с примесью шайтаньей крови, но все равно на работу им устроиться очень трудно и платят им гораздо меньше, чем остальным джиннам. А настоящие шайтаны — враги всех правоверных джиннов, так же как и людей.

На удивление они не расспрашивали меня, откуда я пришла и какие цели преследовала. Может, из тактичности, почувствовав, что не могу рассыпаться в комплиментах.

— Хочешь, добавь специй, а то соль мы не используем, — предложил мой будущий муж.

— Разве что только перца. У вас есть перец?

— Перец? Зачем тебе перец, о дочь моя? — испуганно спросила Наджда. Похоже, что джинны боятся перца, надо будет это обязательно учесть, когда мы вернемся к теме победы над драконом.

После ужина я наконец-то легла вздремнуть. Бармакид и его мама были очень любезны, пожилая женщина даже постелила мне на своей кровати, пообещав, что меня никто не побеспокоит, она видит, что я давно не спала.

Напиток из верблюжьего молока, черного чая и сливок оказался неплохим снотворным, и уже сквозь сон я слышала заботливый голос Наджды:

— Вот тебе одеяло из верблюжьей шерсти, укройся, милая, ночи у нас холодные. А ты, сын, сходи на базар за продуктами, пока торговцы не разошлись.

В какой-то миг я отключилась. Но не знаю, сколько я спала, только опять начала слышать голоса. Решила не придавать им значения, наверняка это одно из тех серых второсортных сновидений, где толком ничего не видишь, все черно-белое и неясное. Какие-то существа безуспешно пытаются тебя растормошить, демонстрируя свое актерское мастерство на внутренней стороне сетчатки глаза, и чего ради терять драгоценные часы отдохновения на просмотр такой дребедени. Но вдруг поняла, что речь все-таки обо мне, пожалуй, стоит прислушаться. Я попыталась проснуться, не вышло...

— Не старайтесь пробиться без очереди, бездельники!

— Но мы должны видеть, за что платим!

— Я первый, я первый сорву этот Цветок Услады! До меня не сразу дошло, о чем это они, а поняв, притворяться дальше было очень трудно...

— Давайте бросать жребий, мы платили одинаково! Что за чертовщина? Я никак не могла выбраться из серого вязкого омута сна, ставшего кошмаром. Первой мыслью было прочитать «Отче наш», но я онемела, услышав имя Наджды. Писклявый голос взывал:

— Уймись, а то я позову Наджду, вы же разбудите девушку!

— Я первый войду в ее в сон, у меня срочные дела.

Лежанка, которую здесь называли сакэ, вдруг затряслась. Я вцепилась пальцами в верблюжье одеяло, пытаюсь укрыться им с головой.

Начала читать молитву, ноль эффекта! Так, на них это не действует, но уже хорошо, значит, это не дьяволы.

Если ссылаются на Наджду, то выходит, она соучастница, и я жестоко ошибалась в этой семейке. Может, вскочить и произнести обличительную речь с мягкими упреками, причем несколько раз обязательно упомянуть, что верю в их исправление, в то, что они не до конца загубили свои души, и послать их всех на... фиг!

Вряд ли они на меня набросятся в ярости от невыносимого морализаторства, скорее, наоборот, прослезятся и дадут клятву впредь вести себя достойно, попросят прощения и будут благодарить, за то, что напомнила им о душе. А можно и попроще...

— Все во-о-о-он!!! — не своим голосом взревела я, в полный рост вскакивая на постели и замахиваясь подушкой.

Джинны перепуганно разлетелись, и я вдруг поняла, что в комнате, кроме паскудного Бармакида, никого нет.

— Все мы, джинны, занимаемся этим в полете или во сне, потому так ленивы и много спим, — сказал он, зевая и многозначительно поднимая брови над тремя глазами.

— Но ты ведь собирался взять меня в жены!

— Одно другому не мешает, заработали бы на лавку...

— Ты скотина! Тебе еще об этом не говорили? Значит, я первая! И ты мне никогда не нравился.

— Правда? А в твоих мыслях было обратное, — самодовольно ухмыльнулся он. — Сейчас-то, конечно, я тебе не нравлюсь. Но тебе некуда идти...

— А мне плевать. Значит, вы и в мыслях у меня копались, телепаты разноглазые?!

— Не надо обзывать, я неплохой парень, но прослыл бы дураком, если бы не попытался срубить бабаек на такой красоте! Ни один честный ленивый джинн не упустил бы такого шанса. Нам очень нравятся человеческие девушки, и мы не можем устоять против их сексуального притяжения. — Он перегородил спиной дверь. — Куда ты пойдешь? Тебя сразу схватят, а я применю тот же метод, что сегодня в зиндане, он никогда не подводит. Выдам тебя стражникам.

— Получишь в глаз! Или во все три, я за себя не отвечаю...

— Значит, придется просто заточить тебя в подвале, будешь целый год одним инжиром питаться! Ты слишком много знаешь... Закон нам запрещает входить в контакт с человеческими женщинами. Люди ведь сущие уроды, и мы не должны портить генофонд, — самовлюбленным тоном заметил он, нежно разглаживая рубаху на груди.

— Ох, кто бы говорил! А продавать меня спящую своим друзьям за конкретные деньги ты, значит, можешь, это законом не запрещено?!

— Из-за тебя наш дом услад могут прикрыть, маманя этого не переживет. Это дело всей ее жизни! Да и мне неохота снова идти работать, я уже однажды пробовал и больше не хочу. Мама-а!

— Не бойся, сын мой, она не уйдет от нас, — спокойно раздалось из-за дверей.

— Да, раз мама сказала, ты никуда не денешься, — зловеще пообещал мне Бармакид.

А ведь Акиса и Симурх предупреждали, что ничего хорошего людей в стране джинов не ждет. И я, глупая, поддалась Очарованию нового мира, приправленного экзотикой Востока, а на деле населенного полными извращенцами!

Что, если и Миша в такой же ловушке? Вдруг и у них есть «голубые джинны» и для них человеческие мужчины в цене?! А ведь он милиционер, у них же честь мундира, и она сильно пострадает, если его заманили в мужской гарем и силой там удерживают...

А может, и не силой, с другой стороны, у мужчин внутренних моральных преград меньше, и он сейчас наслаждается новыми ощущениями и неземным удовольствием. Правда, все зависит от того, в каких дозах, может, его уже заездили, будучи не в курсе его внутренних резервов. Тьфу, сама себя ненавижу за такие дурацкие мысли...

Все, я должна его спасти! Но сначала надо избавиться от этого порочного семейства.

— Остаток дней ты проведешь в погребе среди крыс и инжира, где будешь умирать медленной и мучительной смертью, — пообещала мне вероломная мамашка.

— Не запугаете! Меня сегодня уже ел кое-кто похуже крыс, — героически выпрямилась я, храбрясь изо всех сил.

— Лезь сама, не заставляй нас использовать свою силу! Мне довольно крикнуть тебе в лицо, ты и шайтана помянуть не успеешь, как падешь мертвой, — пригрозила вошедшая Наджда, мечя взглядом черные молнии и кивая сынуле, чтобы перестал тянуть время и

схватил уже меня наконец.

— В смысле ультразвук на смертельных для человека частотах?! Не смешите, у меня врожденная невосприимчивость даже к самым высоким частотам, я глуховата, — воскликнула я, разумеется понимая, что несу полную чушь, и, ускользнув из рук Бармакида, вжалась спиной в окно.

Прощай, стекло! Размахнувшись, чтобы двинуть по нему локтем, я на миг потеряла бдительность, и коварный увалень ловко перехватил меня за талию, оттаскивая от окна. Я завопила и отчаянно извернувшись, цапнула его за волосатую руку. Мерзавец захныкал, рванувшись к мамочке жаловаться, и тут раздался тихий, таинственный стук в дверь. Общеизвестный условный знак. Тук-тук-туктуктук-туктуктук-туктуктуктук! Я заметила, что Бармакид побледнел, а у Наджмы обеспокоенно вытянулось лицо.

— Тихо, я открою, сын мой. Как жаль, что эту строптивицу разбудили...

Похоже, важный гость, и конечно же пришел с неприкрытыми намерениями сорвать Цветок Услады. Правда, странно, что не видно здесь других Цветков Услады, хотя, скорее всего, они дожидаются где-нибудь на полке в отдельных лампах, оформленных с восточным излишеством и обещанием неземных наслаждений и, конечно, пропитанных одуряющей смесью каких-нибудь мускусных ароматов.

— Мам, она еще кусается! — раздраженно прошипел Бармакид, не оставляя попыток меня схватить, а заодно и облапать, на всяких случай. Я отбивалась, как Джеки Чан...

Даже успела поорать, но это мне ничего не дало, загадочный пришелец не заспешил на помощь. Да я и не надеялась на это, просто пыталась деморализовать врага хоть на секунду, в надежде все-таки успеть добраться до окна или двери. За стенкой уже слышались тихие голоса.

Наконец объединенными усилиями им удалось спихнуть меня в холодный погреб, а я пнула трехглавого ниже пояса! Только он никак не отреагировал, впрочем, где же тогда у джиннов-мужчин главное уязвимое место? Пришлось еще и дать оскорбленную пощечину...

Глава тридцать седьмая, БЕГЛАЯ

К моему удивлению, в погребе я просидела недолго, крышка открылась, и свет из комнаты заслонила тень. Я продолжала сидеть на инжире, гордо выпрямив спину и отвернувшись.

— Эй, давай сюда руку и вылезай! — Голос был такой родной, что захотелось плакать.

— Мишка, как ты тут оказался?! — счастливо прошептала я.

— Позже объясню, а сейчас незаметно сматываемся, — тихо ответил он, протягивая руку.

Он вытянул меня в комнату, здесь никого не было, но в соседней шла довольно оживленная перепалка. Наверняка клиент требует скидку или кредит, порадовалась я, это отвлечет их от подозрительных шумов. Миша откинул занавеску в углу, за которой оказалась Низенькая незаметная дверь. Если он в нее и вошел, то глупо вот так оставлять открытыми задние двери на ночь глядя. А все присущая джиннам самонадеянность, эту черту характера я у них уже отметила. Низенький забор во дворе мы взяли с места, держась за руки...

— Неужели было открыто?

— Да. Вероятно, это у них *выход*. Поэтому они и не боятся, вряд ли кому придет в голову вломиться в дом через *выход*. Для этого есть калитка и дверь со стороны фасада дома.

— Логично, — неуверенно протянула я, похоже, что за это короткое время Миша о джиннах узнал больше меня. И одет он был по-иному, во всяком случае, его благосостояние заметно улучшилось за те несколько часов, что мы не виделись: он приоделся в ярко-желтого цвета тунику с бахромой. Но выглядело это смешно и как-то откровенно, ноги почти до

бедер голые. Может, я была права, и его забрали в мужской гарем?

— Не смотри на меня так, это форма, мне ее выдали. После его слов я еще больше уверилась в своих подозрениях, окинула его жалостливым взглядом и, не выдержав, отвернулась.

Вместо того чтобы бежать, мой спаситель почему-то резко остановился.

— Постой, думаю, нам незачем спешить. Просто у меня есть вещь, принадлежащая визирю, который сейчас вошел в этот дом. Это перстень. Мы ему его отдадим, а он призовет к ответу Бармакида.

— Значит, это был сам Крысаддин?! Вот куда их главные визири ходят, словно личного гарема им мало...

— Не знаю, чего там визирю понадобилось... А кстати, что ты делала в погребе? Как я догадался, ты отказалась выходить за этого придурка... От необдуманных решений, как и от несвоевременно данных показаний, никогда не поздно отступить.

— Да я и не собиралась, между прочим! А они тут с матушкой, моей предполагаемой будущей свекровью, содержат притон — дом услад, — краснея в темноте, сообщила я, дергая его за руку. — Меня сунули в кутузку за бунт и протест против насилия над моей свободной личностью! Валим отсюда подальше, эти маньяки способны на все. Они заставят меня замолчать, чтобы сохранить доходный бизнес...

— Теперь понятно. — Миша начал засучивать рукава, разозлившись всерьез. — Сейчас я вышибу им дверь и потребую ответа по полной!

— Ты мой герой!

«Мой герой» больше не раздумывал.

— Я сию же минуту вломлюсь в этот притон, и великий визирь не обрадуется, если его застанут в момент посещения подобного заведения! А я хотел даром отдать ему перстень, который он забыл там, где я работаю.

— Ты нашел работу? — уважительно воскликнула я, изо всех сил увлакивая его в сторону. Очень надо мне тут еще и разборки устраивать... Хотя, если бы он, как мужчина, не полез их чинить (разборки в смысле!), я бы наверняка и уважать его перестала!

А теперь мы бежали по ночной улице, и мне казалось, что этот стройный курсант — самый героический спасатель на свете, не хуже Шойгу! Как вдруг от ближайшей стены отделились какие-то тени. Я опустила чачван, черную сетку, закрывающую лицо, и мы сбавили ход, притворяясь мирными жителями. В чачване без практики вообще быстро ходить невозможно, так и рискуешь врезаться лбом в ближайшую стену или споткнуться об мелкого джинна...

Две фигуры встали у нас поперек пути, с виду бандюги распоследнего пошиба!

— Стой, именем нечистого, — загремел один, тут же получив локтем в бок от товарища. Все в черном с головы до ног, лишь кинжалы да сабли посверкивают в темноте, и сами широкие, как стеллажи в библиотеке, не перепрыгнешь, не обойдешь...

— Вы, наверное, благородные толстые Робин Гуды? — еле слышно чирикнула я.

— Нет, мы просто честные голодные стражники. А вот кто вы такие и куда направляетесь, хотелось бы знать? — высокомерным тоном обратились они к нам.

— Это чернолицые телохранители Крысаддина, — быстро шепнул мне Миша и вежливо им ответил: — Мы добропорядочные горожане, не замеченные в правонарушениях. Это моя жена. И разве был объявлен комендантский час, что нас останавливают, в то время как мы торопимся поскорей добраться до дома, чтобы совершить ночной намаз?

— Нет такого намаза, — подозрительно заметил бугай.

— Аи, тебе откуда знать, ты же фетишист? Он у нас каждое ночное дежурство своему игрушечному кролику хвалы возносит, — возразил его коллега, на наше счастье оказавшийся поборником справедливости.

Первый смутился:

— Но почему мы должны им верить на слово? Давай хоть обобщем, может, у них есть какие-то ценности... То есть что-нибудь запрещенное, наркотики, например...

— Они у нас разрешены, — напомнил ему его напарник-законник.

— Иностранная валюта!

— Тоже не возбраняется.

— Тогда оружие! Может, они готовили вооруженный переворот или заговор против нашего шахиншаха, да продлят боги его века и омолодят его чешуйки.

— Что вы там возитесь? Я помню этого парня, только сегодня видел его где-то, — выступил вдруг из тени третий страж, абсолютно идентичный первым двум. — Точно видел, в приюте для этих дегрантов, не пойму, почему таких сразу не уничтожают?

— Успокойся, это ж реликт-арат нашего господина! Они нам пока нужны. А зачем вы тут околачиваетесь у дома, куда зашел наш великий визирь?

— Чтобы отдать... — начал было Миша, но вдруг передумал, выпятил грудь и делано возмущенно воскликнул: — Вы меня с кем-то путаете, я плачу налоги не затем, чтобы нас останавливали в любое время дня и ночи без внятного объяснения причин! Пошли, жена, меня ждет намаз, а тебя стирка, глажка, уборка.

Но стражники окружили нас с неприкрыто агрессивными намерениями.

— Ага, как же, мы вас еще не обыскали, — сказал первый, язычник. Оба его товарища согласно кивнули, надеюсь, это из-за того, что я им так сильно понравилась...

И тут послышался еще один голос, смутно знакомый.

— Хватит приставать к прохожим, кхе-кхе, — начал кто-то говорить с придыханием, напряженно стараясь изменить голос, который стал неестественно гортанным. — Занимайтесь лучше своим делом, твердолобые бездельники, а вы идите с миром, о рассеянные, и не появляйтесь здесь больше. Не фиг шлаться!

Я силилась его разглядеть, но неизвестный заступник еще на шаг отступил во тьму. Очень загадочно. Миша открыл рот, значит, тоже узнал голос, и явно намеревался позadaвать уточняющие вопросы, но я, схватив его под руку, утянула за собой.

— Ты его узнала? — спросил он, когда мы свернули в переулок.

— Кто-то знакомый, может, начальник городских стражников, тот раскрашенный красавчик? — подумав, предположила я.

— Красавчик? Даже тот крашеный дебил у ворот для тебя красавчик?!

— Ой, нашел время... Ну, не он, а тогда кто?

— Не знаю, может... но нет, вряд ли...

— Ты о ком?

— О Яман-бабе...

— О ком?! Да ведь Яман-баба — злодей и государственный преступник! К тому же он сидит у вас в предвариловке, и вообще, с чего это будет за нас заступаться...

— Понятия не имею, — честно пожал плечами мой сосед...

Итак, нас никто не задержал, мы торопливо пошли по темной улице. По дороге мой милиционер объяснял, как он меня нашел. Оказалось, что ему удалось устроиться гораздо лучше меня. Его взяли на работу охранником и уборщиком в приют для джиннов-бомжей и инвалидов, то есть лишенных каких-либо способностей типа летать, читать человеческие мысли, превращаться в ужей и прочих не менее полезных талантов, в отличие от рядовых джиннов, обладающих хотя бы одним из перечисленных. Эти же, как и мы, люди, всего должны были добиваться трудом или хитростью. Тяжело им приходилось в полном волшебных возможностей мире, их считали изгоями, но государство выделяло на таких несчастных некоторые дотации. А лица, имеющие опыт службы в органах, востребованы везде...

Глава тридцать восьмая, ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Миша оказался у дома Наджмы абсолютно случайно, догоняя главного визиря. Днем тот был у них с обходом в приюте с показной благотворительностью, дабы голосовали за

него. И оставил на полу возле подушки, на которой сидел, кольцо с печатью и таинственной гравировкой «Л. О.»...

— Жаль, что не мои инициалы, симпатичный перстенок, — притворно вздохнула я, все равно у меня не нашлось подходящего по толщине пальца.

В общем, Миша честно решил вернуть пропажу владельцу. Спешил по его следу, расспрашивал людей, так и дошел до дома услад. Но, усмотрев через забор нашу за окном перепалку с Бармакидом, нырнул в ближайшую калитку, сел в засаду и ждал момента вытащить меня из неволи.

Оказалось, что главного визиря, как премьер-министра в Англии, здесь выбирают всенародным голосованием, так как обычно это самые коварные и зловредные сановники и простым джиннам от них много приходится терпеть. Только «вихревым восстанием» народ показывает, что его уже довели — устраивает самум на дворцовой площади и идет ураганными колоннами, поднимая ужасную пыль по улицам города.

После одного такого проявления своеволия шахиншах согласился ограничить власть визирей, сделал их выборными (теперь визиря переизбирают раз в пятьсот лет) и установил не более десяти сроков на каждого.

Дракон пока этого не отменил. Грядущие перевыборы злобного и вероломного визиря немного умиряют страсти и держат горожан в узде. Сейчас как раз подходит срок перевыборов, и у главного оппонента Крысаддина, джинна, постоянно переговаривающегося с кошкой, которая сидит у него внутри и дает советы, что говорить и кого надо подкупить, нет никаких шансов. То есть тип с кошкой внутри явный псих...

— Сколько же ты успел узнать за полдня?!

— Так в приюте только об этом и говорят, к тому же Крысадин толкал речь о выборах...

— Нас их внутренние политические перестановки не касаются. Поскорей бы Акису найти да выбраться из Ирема. Ты не видел ее?

Миша таинственно промолчал, он явно собирался сказать что-то важное, но не решался, не буду его торопить.

Мы пересекали главную площадь. На фоне ночного неба красиво смотрелся силуэт их главного собора. Стройные минареты уходили ввысь, на изразцах сверкали лунные блики, а на освещенном звездами небе сияло сразу пять полумесяцев. И мне захотелось еще вернуться сюда, но не из-за дракона, а для того чтобы насладиться турецким кофе и безграничной красотой ночного Ирема...

Вдруг над одним из архитектурных шедевров, из которых сплошь и состояла главная площадь, поднялся мощный столб пламени. Послышался грохот рухнувшего здания, вопли и крики джиннов, попавших под горячее дыхание нового властелина. Наверно, избавляется от избытка огнеопасных газов в желудке? Нет, надо обязательно добыть радикальное средство борьбы против этого гада! Которого мы еще и в глаза не видели...

— Знаешь, привыкнуть можно, мне обещают платить тридцать бабаев в месяц, странно они все-таки свои деньги называют. Правда, служебная форма, она немного... э-э... странная. Наверно, осталась от каких-нибудь древних ассирийцев, но скоро мне обещали выдать пробковый шлем и оружие. И вот смотри, какие плетеные сандалии из кожи сорокалетнего верблюда, очень удобные и, говорят, не знают сноса. Правда, все это не бесплатно, у меня будут вычитать из зарплаты первые сто лет моей службы... Сейчас я наконец покажу тебе, где я работаю, мы почти пришли, там и заночуем, — завершил Михаил, оглядываясь на очередной огненный столб, ярко осветивший окрестности.

— А завтра ты будешь целый день дежурить? И мы опять ничего не предпримем в плане поиска Акисы? И за Найду я беспокоюсь, мы же оставили ее дома одну, я не думала, что мы задержимся больше одного дня, она же измучилась там, наверно, бедная. Лучше бы мы ее и правда в Боливуде оставили.

— Однако еще недавно ты собиралась остаться здесь насовсем, — холодно заметил Миша, еще крепче сжимая мою руку. На губах у него промелькнула довольная улыбка.

— После того как предупреджу родителей и бабушку и заберу свои вещи, — уточнила я, прилагая усилия для того, чтобы держать глаза открытыми. Они, наверно, у меня совсем красные, как у пьяной совы при длительном недостатке сна. А может, и просто от обычного стыда...

Да, я ведь и впрямь тогда про Найду забыла, ослепленная перспективой выйти замуж за джинна-бездельника и до конца жизни просидеть в пыльной лавке, торгуя эзотерической литературой, устаревшими заклинаниями и несбывшимися пророчествами.

Хорошо, хоть о корме для собаки джинния позаботилась, по крайней мере голодная смерть в ближайшие сутки Найде не грозит.

Все это время с губ моего соседа не сходила странная улыбка.

— Вот мы и пришли, здесь я и работаю. Но прежде чем... я хотел сказать... я так рад, что нашел тебя, — не выдержав, пробормотал он, его глаза сияли, или это опять лунные блики?

— Теперь надо вместе найти Акису и помочь ей, — поспешно добавила я, чувствуя непонятное томление в животе и смущенно отворачиваясь. — Будь у нее все в порядке, она бы давно нас отыскала, а так она точно попала в переплет. Если только не обтяпала какое-нибудь сомнительно выгодное дело, может, как раз сейчас ее пытаются злобные рэкетеры, с которыми она заключила какую-нибудь сделку и попыталась их обмануть!

— Ведь это все фантазии... Но в одном ты права: будь у нее все в порядке, она бы давно у нас тут появилась. Просто, войдя в доверие к визирю, можно подобраться и к дракону. Зачем отправляться куда-то в Индию, за подмогой к Хануману, если мы сами можем докопаться до способа, как одолеть тирана!

— Если он нас спалит, мы уже никогда не докопаемся.

— Нет, во дворец я пойду один. Я тут уже осторожно пораспрашивал приютских. Отверженные обществом, они охотнее и без страха говорят то, что знают. Отчасти поэтому я к ним и устроился, мне кажется, то это судьба. Завтра пойду во дворец отдавать перстень визирю. Заодно получу первую рабочую информацию о логове самого преступного элемента...

— А ты уверен, что еще в воротах тебя не схватят, не отберут перстень и не бросят в темницу как вора? Думаешь, они будут тебя слушать? Охрана у них с приходом нового правителя наверняка не дремлет. Давай сначала найдем Акису, она, возможно, тоже навела какие-то справки, лучше объединить усилия.

На самом деле я просто боялась за Мишу, план у него был хороший, но почему-то мне казалось, что еще рано вламываться к дракону. Вот если бы действительно был какой-то известный способ, как уничтожить Аджи-Дахаку, а он, как я понимаю, был не обычный дракон, и Акиса это знала.

— Хорошо, а что говорят обитатели приюта?

— Вообще-то они все как один утверждают, что дракон неуязвим, всемогущ и бессмертен... думаю, это чушь, — добавил Миша. — И попробовать стоит, новичкам на первый раз везет даже в казино.

Но он уже явно колебался. А я, ожидая его решения, невольно покосилась на дом, к которому мы подошли. Это было малопримечательное прямоугольное строение с осыпающейся со стен штукатуркой, над входом висела табличка: «Приимный дом для бездомных и убогих».

— Ладно, завтра сначала отыщем Акису, а потом...

Его заглушили крики и грохот внутри здания, штукатурка посыпалась дождем, а и без того ветхое строение заходило ходуном, грозя рухнуть в любую минуту, завалив заодно и нас.

— Я покажу вам, какой я бесталанный! Вы увидите, изверги, что заточили меня сюда безвинно! Это происки моих политических соперников и их прихвостней!

Глава тридцать девятая,

ЛОШАДИНАЯ

Мы рванули внутрь и оказались в огромной комнате, поражающей как размерами, так и высотой потолков. По всем четырем стенам тянулись многоярусные полки, как в хорошей библиотеке, но вместо книг на этих полках стояло бесчисленное множество пронумерованных медных и латунных светильников. Почти из каждого торчала любопытная голова или просто струился сизый дымок, принимавший очертания джинна, выбравшего данный светильник-лампу своим жилищем.???

Еще двое джиннов стояли у входа в такой же форме, как и у Миши, и сейчас они были здорово взволнованны, несмотря на деревянные шлемы и короткие мечи, о которых упоминал мой сосед. А под потолком летал разгневанный джинн, в каждой руке у него было по огромной горсти пламени, а синее лицо выражало глубокую обиду, гнев и крайнюю неуверенность в себе.

Товарищи Миши явно обрадовались подкреплению заперли за нами дверь.

— Новенький, с ума сошел, час назад его достави-и, — коротко объяснил нам четырехглазый стражник-анитар. А джинн под потолком продолжал буйствовать.

— Мы докажем тут всем свое величие! Мы — не-обедимы, народ в нас верит, будущее за нами!

— Ну кому ты что докажешь? Полежай обратно, пи и дай спать другим, — ворчливо посоветовал один из джиннов, торчащий из лампы.

— Истинно, опомнись, брат, тебя бы сюда не при-езли, если бы ты не был таким же униженным на олову, как и все мы, — зевая, заметил другой.

— Вай, не затыкайте ему рот и не лезьте с глупо-тями! Такого развлечения здесь я не видел уже лет [вести, после того как Масул Мстительный, у которого юже оказался талант, не сделал так, что этот дом со юеми нами оказался в заднице у тогдашнего правителя Беликого Дарима Упитанного! Ну и намаялся же он ' запорами, пока над ним колдовали самые великие герои Востока. В конце концов ему поставили сла-Зительную клизму величиной с Тадж-Махал! После этого в гневе он чуть всех нас не казнил, хоть нашей зины там и не было... Так что продолжай, брат!

— Мы отсюда выберемся и станем великими визириями, моя кошечка! — сказал бунтовщик, судя по всему обращаясь к своему животу. — Что говоришь? Разнести тут все к черту и добыть тебе молока? Конечно, Мусенька, но только тогда нас точно не сделают кандидатами, мы должны им доказать свое право, не нарушая их проклятых законов. Конечно, потом мы их всех переписем и призовем к ответу, я ведь обещал тебе, светозарная моя Мусия, первым делом выпустить закон о приоритете кошек перед джиннами! Что? Да-да, прости, я хотел сказать о том, что все джинны отныне рабы кошек. Просто я иначе сформулировал, — оправдываясь, немного испуганно поправился он.

— Что это он несет? — шепотом спросила я, кажется, бедолага и впрямь сумасшедший. Но я не знала, что их загоняют сюда силой и этот приют скорее можно назвать колонией усиленного режима. Как выяснилось, и Миша, поработавший там всего несколько часов, тоже был не в курсе всего.

— Похоже, это тот самый кандидат в великие визири, о котором я тебе говорил. Вот как Крысаддин расправляется со своими политическими оппонентами, — сказал наш милиционер. — Знаешь, такое и у нас направо-налево...

— Ну все, полежай обратно в свою лампу, — осторожно предложил один из охранников, — Ты хотел всех обмануть, как будто воображаемая кошка внутри тебя и есть твой единственный талант.

— По закону джинн, не обладающий никакими чудесными возможностями, не может избираться в великие визири, — прокомментировал для меня Миша.

— А в нашем мире все наоборот. Чем меньше талантов, тем более рвутся в депутаты.

— О недоверчивейшие из охранников! — возвысил голос парящий джинн. — Не смейте оскорблять меня вруном, я ни разу не погрешил против истины во время

предвыборной кампании! Я хотел стать первым честным и порядочным визирем в этом городе! А меня, оклеветав, лишили права быть избранным! Я хоть сейчас готов продемонстрировать вам свои волшебные умения...

— Если докажешь свои слова, я буду за тебя голосовать! У меня пять голов и десять рук, получишь пятнадцать голосов сразу! — радостно выкрикнул из лампы один из жильцов. — Давайте устроим революцию и чего-нибудь поломаем!

— Заткнись! — кричали из одних ламп.

— А что, хоть напьемся! — доносилось из других. Лампы начали запрыгивать друг на друга, пихаться, сталкивать друг друга с полок, обстановкой быстро завладело неуправляемое веселье.

— Да, да, друзья мои, я сделаю это при свидетелях! Чтобы у этого Крысаддина с черной, как у нас у всех, душой впредь не осталось ни единой возможности меня обвинить снова! Этой грязной попыткой избавиться от главного соперника, против которого у него и так не было шансов, он только потерял голоса, которые теперь достанутся нам с Мусенькой!

— Не тяни, давай круши по полной! — раздавались из ламп подзадоривающие голоса.

— Опомнись, несчастный! Ты месяц будешь сидеть в своей лампе на хлебе и воде, а твоя кошка умрет с голода! — на всякий случай пригрозил один из стражников, выставя в его сторону деревянный меч.

— Посмотрим-посмотрим, — так же радостно-возбужденно прошептала я, в предвкушении раскрыв рот. Угадываете, за кого я болела?!

— Э, женщина?! За нее в случае неудачи и летального исхода меня не так накажут, как за мужчину! К тому же она, кажется, не из джиннов? Волей моей и волей моей пушистой советницы, что живет внутри меня, о дочь Адама, стань кобылой!

И только я начала соображать, что речь, похоже, обо мне, как черный взгляд Джинна-с-Кошкой, об-ращенный прямо на меня, блеснул оранжевым лучом! Сияющая холодная спица ударила прямо в грудь, всю комнату залило слепящим золотым светом, потом рухнула тьма, а когда я наконец снова обрела способность видеть и чувствовать, то уже куда-то стремительно мчалась по ночной улице. Последнее, что я помнила, был торжествующий крик:

— Получилось! Так голосуйте же за меня-а-а, правоверные джинны-ы!

Ветер свистел у меня в ушах, хотя я и не понимала, что это значит. Никогда еще мне не приходилось бежать с такой скоростью и таким странным прыжком, и ноги при этом как-то не очень меня слушались, они путались, расплетались и... их было много!

Но останавливаться не хотелось, а хотелось бежать! Бежать все равно куда, чувствуя, как каждую клеточку тела насыщает энергия и счастье, для полноты которого не хватало только яблочка, ну и сахарку, тогда это будет уже настоящий праздник! А эти вкуснятины водятся в карманах у двуногих существ, очень медлительных и ленивых, потому что они не любят передвигаться собственными силами, а предпочитают эксплуатировать мою гордую спину. И все равно надо найти двуногого... Хочу сахару!!

Но на темных улицах почти не было прохожих. А если я кого-то и замечала вдалеке, он предпочитал свернуть и поскорей убежать с дороги с трусливым криком. Какой же отвратительный голос у этих двуногих, то ли дело у нас, лошадей! Я подняла морду к звездному небу и, выскочив на площадь, огласила мир громким мелодичным ржанием, для чего пришлось притормозить, брусчатка под копытами заискрилась. Я насладились эхом и поскакала дальше.

А вот и двуногие, прямо по курсу, целых... несколько (оказывается, лошади не умеют считать?!). Двуногие несли паланкин. Вот так бы и всегда, а то норовят нас загрузить, хотя я еще не помнила, чтобы таскала кого-то на спине, но знала, чего ожидать от этих типов. Я бросилась прямо к ним, похоже, что ни не заметили меня сразу и не ожидали такого наскока. Потому и не успели ничего сделать. Ткнувшись мордой в ближайшего, я повалила его на землю, да ще, кажется, крупом сбила их поклажу. Наверняка хоть у кого-нибудь припрятан сахар для бедной шаловливой лошадки?

Ничего нет? Я принялась, толкнула грудью другого вопящего двуногого, похоже, что яблок и у него кармане не было. Копыто передней правой скользнуло по чему-то округлому, я испуганно затопталась, что-то раздавив, кружа на месте, и потянулась мордой к ближайшему двуногому, в надежде все-таки добраться до лакомства, которое, по идее, они сами должны бы протягивать. Но, к моему глубокому разочарованию, от него тоже не пахло ни яблоками, ни сахарком, ни сухарями, а лишь противным курительным дымом...

Эти существа громко закричали своими некрасивыми голосами, так что мне сильно захотелось пнуть топящего рядом копытом, чтобы он прекратил, тем более что яблок и у него не оказалось, совсем бесполезное создание. Но откуда-то знала, что делать этого нельзя из соображений безопасности, хоть большинство двуногих и слабее физически, но мстят больно...

По их злобным лицам я поняла, что сделала что-то неправильно, чем вызвала их гнев. Один из них накинул мне на шею ремень, я дико заржала, испугавшись, ремень больно давил и держал меня. Я в отчаянии рванулась, пытаюсь освободиться, ремень, кажется, лопнул, потому что с какого-то момента уже ничто меня не сдерживало, только двуногий сердито раскричался, и мне ничего не оставалось, кроме как в ужасе бежать прочь.

Я скакала, пока не оказалась среди зелени, это меня немного успокоило, но едва сбавила ход, как прямо среди деревьев открылись ворота, их придерживал какой-то двуногий, он говорил что-то приветливое, и я, глупое животное, подчиняясь любопытству, прошла в ворота, которые тут же за мной и захлопнулись.

Меня отвели в большой сарай, где стояли и другие лошади. В стойле было тепло от навозных испарений и дыхания других лошадей. Хоть яблочка мне и не дали, но зато заплели хвост, при этом я чувствовала себя как-то неловко, но результат мне понравился. Потом я поела вкусного овса и уснула, видя лошадиные сны и стараясь не обращать внимания на соседнего жеребца, все пытающегося укусить меня за ухо, его зубы клацали очень громко, как бы я ни отодвигалась, уже засыпая. Какой-то странный вкус был у этого овса и почему так хочется спать?

Проснувшись я от криков и дикого ржания, все лошади вокруг подняли шум, были очень взволнованы и напуганы, только мой сосед-кусака апатично грыз мое ухо. Я возмущенно заржала, попытавшись в отместку укусить его самого, но он ловко увернулся и злорадно фыркнул мне в морду. Я бы с ним разобралась, но мое внимание, как и остальных лошадей, у которых, кажется, немного было развлечений в жизни, судя по тому, как они радостно пораскрывали пасти, привлекла появившаяся в конюшне двуногая.

Правда, самих ног-то у нее не было видно, она исела в воздухе, а на месте нижних конечностей у нее клубился дым. Она взмахнула рукой, и все дверцы, мешающие нам выйти из стойл, распахнулись. Следом а ней забежал очень худой и знакомый мне двуногий, юмню лишь только то, что он мне очень нравился в грошлой жизни.

Ликуя, я поднялась на дыбы и громко заржала. Двуногий сразу бросился ко мне, обнял за шею и зывел из стойла. Он держал меня за гриву, мы вышли из конюшни, побежали по городу, заворачивая на са-иые узкие улицы и сшибая там какие-то ящики, вы-зсски и корзины. Мне пришлось сдерживать шаг, иначе бы он безнадежно отстал — двуногий, что с него зозьмешь... Мы забежали в какой-то дворик, и тут кто-то с размаху ударил меня по щеке! От боли я зажмурилась и...

Глава сороковая, ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

— С возвращением, лошадка. — Это было первое, что я услышала, прежде чем открыть глаза. Оказалось, что лежу на песке, а Миша рукой придерживает меня под спину. Рядом стояла самодовольная Акиса. Значит, это она меня так ударила? Ладно, сейчас я отдышусь и встану... Но первая же попытка подняться на ноги отозвалась дикой болью во всем теле, похоже, я растянула себе все мышцы сразу!

Они рассказали, как меня нашли и как оказались вместе. Оказывается, помимо лечения бабушки, состояние которой оказалось не таким тяжелым, как уверял Симурх, Акиса еще успела повстречаться с джиннами, недовольными новым чешуйчатым шахиншахом, объединившимися под лозунгом «Нет паршивым броненосцам». Это чтобы враги раньше времени не раскрыли их истинную цель — свержение дракона-узурпатора. Акиса гордо продемонстрировала мне повязку на* рукаве с надписью «НПБ», под которой были нарисованы крестообразно надломанные когти дракона...

Остальное они рассказывали мне уже по пути к городским воротам, по словам джиннии, дольше оставаться в городе не имело смысла. Причем меня-то практически волокли, благо на Мишку всегда можно положиться. Акиса появилась в тот самый момент, когда мой сосед отчаялся меня догнать, она успокоила его, выяснив ситуацию, сразу же бросилась меня спасать!

— Ну или почти сразу. Мы подумали, что с тобой ничего не сделается, и решили посмотреть, хорошо ли охраняют дворец ночью.

Я была немного разочарована. То есть моя собственная безопасность для всех всегда на втором месте...

— Увидели, что есть две двери, парадная с надписью «Вход» и задняя с надписью «Выход», — продолжал Миша.

— И куда ведет выход?

— Не знаем, джинния обнаружила, что на нее была наложена магическая печать. Так что войти через нее нельзя, только выйти, о чем и говорит надпись. Но она не заперта, что тоже факт! И об этом стоит хорошенько подумать...

— А обо мне подумать не стоило?!

— Да я только о тебе и думал, когда этот сумасшедший джинн с кошкой внутри превратил тебя в ошадь, — у меня чуть ум за разум не поехал... Да и ты хороша, вместо того чтоб стоять смирно, задрала воет и дала деру, вышибив дверь! Без Акисы я бы и за что тебя не догнал, а вместе мы полетели по воим следам, обнаружили, что тобой завладел какой-то барыга — торговец лошадьми и изделиями из ло-цадиных шкур. Мы выпустили всех коней, чтобы создать оптимальную суматоху, и вытащили тебя на свободу.

Я в свою очередь коротко передала все, что помнила из моего недолгого лошадиного века. Хотя там и рассказывать-то было нечего...

— А в целом мне понравилось быть лошадьё! Только один раз как-то неловко было, когда он мне в шост вплетал золотую веревку, начиная с самого основания репицы, в этот момент я особенно смутилась и с трудом удержалась, чтобы не отбросить его ударом копыта.

— Так надо было не думать, а бить копытом сразу, да посильнее, — покраснел Миша, услышав мое признание. — Такой спекулянт иного и не заслуживает!

— Но смотрелась я так мило, а на конце хвоста осталась такая красивая пушистая кисточка, — тоже почему-то краснея, попыталась оправдаться я.

И только сейчас заметила, что джинния буквально сияет, обычно это на нее непохоже...

— Знаешь ли ты, о отважнейшая из превращенных в кобылиц, кого ты раздавила копытом, сбив паланкин? То была лампа, в которой сидел Крысаддин, могущественнейший джинн нашего времени! А по совместительству коварнейший и злейший из всех советников чешуйчатого шахиншаха!

— Надеюсь, он не очень... — испуганно начала я.

— Спасти его не удалось! — просто лучась счастьем, сообщила Акиса, опережая мой вопрос.

Я была в тихом шоке...

— Но неужели это так просто сделать? Убить великого визиря джиннов?! Помнится, на какого-то твоего прадедушку наехала целая телега, и вроде он выжил...

— Удачно наехала, — лаконично парировала джин-ния. — А Крысаддин от неожиданности просто не успел использовать свою магию, которой так кичился. Он

заставлял себя возить по ночам в лампе, стараясь уберечься от покушений на свое величие, скоро ведь будут выбирать нового великого визиря.

— А здесь в большом ходу политические убийства, как рассказала мне Акиса, — пояснил Миша, пытаясь меня приободрить. Типа я совершила революционный подвиг...

— Не жалею о случившемся. Ты убила главного моего врага! Теперь я могу свободно ходить по городу и остаться здесь навсегда! Но не требуйте от меня подробностей, сейчас на это нет времени, позже я поведаю вам свою чудесную историю.

Ну, раз мое невольное преступление сделало Акису счастливой, может, это как-то приуменьшит муки моей совести, если, конечно, такое возможно. Я и мух-то на подоконнике била, отворачиваясь, чтоб не видеть следов их крови... А тут целый визирь! Слезы раскаяния пеленой застилали глаза, и я была вынуждена практически повиснуть на Мише, который успокаивающе гладил меня по волосам и вел за собой как ребенка.

Мы почти вышли на главную улицу, как нас внезапно окружили. Это были пятеро телохранителей визиря, именно они и несли паланкин с почившим в бозе хозяином. Но теперь они безработные, хотя нет, шерно, автоматически перешли на работу к вдове или вдовам визиря. И та или те послали их найти меня и отомстить!

Но постойте, я ведь уже не кобыла, и они не могли меня узнать. Никто никогда не видел в моем лице сожесть с лошадиной мордой, разве только с обезьянней. Конечно, с очень, очень, очень и очень симпатичной обезьянкой. И то вряд ли!

— Вот она, коварная женщина, убившая нашего эсподина и любящего отца своего народа! — воскликнул один из джиннов, быстро размазав крупные слезы о опухшему лицу.

— Видим. Давай без сентиментальностей, а?

— Но я скорблю. — Он поник головой, но тут же поднял на меня покрасневшие глаза, горевшие мстительным огнем. Через секунду из них снова потекли слезы.

— Откуда вы... То есть вы меня с кем-то путаете... Да я бы никогда!

— Это она! Уничтожим ее!

— Что? Без суда и следствия? А где мои права подозреваемой и ваш ордер на арест? Я требую лучшего адвоката!

Мой милиционер заслонил меня спиной, решительно заявив, что они дотронутся до меня только через его труп. Бывших телохранителей визиря это, похоже, толне устраивало. Тут один из них узнал Акису и жазал, что прикончит и ее в память о Крысаддине, все-таки тот восемьсот лет об этом мечтал. Яман-бабы среди них не наблюдалось. Но их было пятеро и все на пару голов выше Миши, а один, с тремя головами, вообще выше на целых три! Нас взяли в кольцо.

— Все, хватит слов, применить оружие. Вы, двое человек, бейте себя сами! А мы займемся более сложным противником.

— Это я вами займусь! — недобро заявила джинния, пытаясь засучить разрезанные рукава.

А с нами стало твориться что-то дикое, моя рука размахнулась и вцепилась мне же пощечину! Я хотела придержать ее второй, но та шлепнула меня по попе и ударила кулаком в живот. С Мишей творилось то же самое, хотя на лице его читалась огромное внутреннее напряжение, он отчаянно боролся с собой. Но пока проигрывал, как и я...

Акисе тоже приходилось нелегко. Продолжая с переменным успехом сражаться сама с собой, я увидела, как она подкинула к звездам двоих стражников. Зато потом ее саму с огромной скоростью понесло спиной вперед и ударило о ближайшую стену.

Мише все-таки удалось каким-то чудом врезаться одному из джиннов, и через секунду он полетел вслед за Акисой. Я не захотела быть следующей, поэтому просто попыталась рухнуть на землю и спрятаться. Увы, споткнувшись о мою ногу, загремел тот самый трехголовый, и я поняла, что он точно меня убьет, как только поднимется от тройного сотрясения куриного мозга...

Но потом вдруг что-то изменилось. Джинны, до этого издевательски насмехавшиеся над нами, им, видимо, со стороны смешно было смотреть на то, как человек колошматит себя

сам, резко перестали хихикать. Рядом с ними появилась чья-то суровая фигура — Яман-баба, ахнув про себя, поняла я... Теперь нам точно конец!

— Пусть люди перестанут избивать себя, — медленно приказал он, и мы с Мишей вновь почувствовали власть над собственным телом. — А вы, нарушившие покой ночи, будете наказаны...

Одно движение руки — и трехголового джинна унесло за дальний минарет. Оставшаяся четверка имела глупость попротестовать, за что была раскидана по углам с небрежной грацией опытного мастера айкидо. Чародей был великолепен! Никакого проявления гнева, ни малейшей раздражительности, он просто катал в пыли тупоголовых джиннов, как ребенок пластмассовых пупсиков.

Когда четверо мстительных телохранителей кое-как удрали, Яман-баба быстро обернулся к нам:

— Я чувствую приближение остальных, но задержу их. Теперь вам поможет только перстень визиря с печатью «Л. О.». Прощайте.

— Откуда вы... — поразился Миша. — Я никому не говорил про перстень!

— Это я его оставил на подушке, юный страж. Знал, что ты увидишь и возьмешь, и надеялся, что одна наша общая знакомая джинния подскажет тебе, как его использовать. Крысадин дал мне его для выполнения одного важного дела, но я решил, что вам перстень нужнее.

— Я честно собирался его вернуть...

— Знаю, но визиря больше нет, а вам, как бы то ни было, надо выбраться из города.

— Но я вас не видел в приюте!

— Потому что я первый увидел тебя и сразу изменил свое лицо.

— А с чего это вы нам помогаете? — не удержалась я от вопроса. То есть, в принципе, пожалуй, и понимала почему, но хотела именно услышать. Яман-баба бросил короткий, но очень прочувствованный взгляд на раздумывающуюся Акису, которая опустила голову.

— Я делаю это... неважно, удачи!

— Спасибо, и все-таки...

Чародей отвернулся, давая понять, что больше ни на какие вопросы отвечать не намерен. Он уходил навстречу судьбе...

Глава сорок первая, ЛИТЕРАТУРНО-КРИМИНАЛЬНАЯ

— Странно, помог ведь и даже не проклял ни разу, — полушутливо-полуудивленно заметила я, пристально глядя на Акису, когда она уже взяла нас за руки и с нарастающей скоростью полетела к воротам. Я рассказала ей, что он один раз уже выручил нас с Мишей, велел охранникам освободить нам дорогу, теперь ясно, что это действительно был он.

— Да, я тоже «случайно» сегодня встретила его на улице, и он мне многое поведал, — наконец призналась она.

— И даже не обмолвилась об этом, и как только ты столько успела?!

— Такое дано лишь джиннам, мы же перемещаемся с большой скоростью. Но все это не так существенно по сравнению с тем сокровищем, которое оказалось в наших руках! Это же знаменитый перстень «Л. О.»! Милостью Аллаха у нас теперь есть перстень великого Багдадского вора! Он открывает любые врата, — воз-ужденно говорила Акиса, но я видела, что она также еще под впечатлением от нового образа Яман-бабы.

— Багдадского вора?! Как он-то попал в Ирем, что-о украл у джиннов?

Между тем, не встретив никого по пути, мы при-емлились недалеко от ворот. Акиса отрицательно по-ачала головой, любуясь перстнем, и, не без сожаления юзвращая его Мише, пояснила:

— Визирь, опасаясь, что своим интригантством когда-нибудь поставит себя вне закона и ему придется скрываться, заполучил этот волшебный перстень в свои руки. Видно, украл

его из казны, где тот хранился. А в казну его передал некий башмачник Ахмед взамен на определенные услуги по строительству дворца для капризной жены. Но даже и он не знал, что перстень — это ключ, открывающий любые замки. Поэтому, пользуясь случаем, можно бы что-нибудь... мм... — Джинния с горящим алчным взглядом заозиралась по сторонам, выбирая из соседних домов дверь побогаче.

— Времени нет! И потом, лично я взломом и грабежом не занимаюсь!

— Вы о чем это вообще?! — решительно сдвинул брови Миша, пристально глядя на Акису. — Что за провокационные разговоры в присутствии сотрудника органов...

Джинния только разочарованно фыркнула:

— Ай, все равно придется украсть для вас какое-то платье. Моя магия сразу оставит несмываемые следы, а перстень Багдадского вора просто жжет руки! Я быстро...

Через пару минут мы были переодеты согласно времени и эпохе. Акиса где-то раздобыла нашему щепе-гильному милиционеру богато украшенную одежду, сказав, что такие у них носят знать, а знатного джинна у них проверять не принято. За исключением крайних случаев, когда, например, он выглядит один в один как главный заговорщик, пытавшийся отравить действующего шахиншаха, или просто похож на Усаму бен Ладена. Поначалу Миша, зная, что хламида Аки-сой украдена, отказался ее надевать, но потом понял, что никак иначе мы сейчас одежду достать не сможем, рынок закрыт до утра...

Ворота были заперты; с обеих сторон, опершись о стены, притулились два спящих стражника-гиганта. Когда же эта бесконечная ночь закончится? Ну ничего, зато в очереди на выход мы будем первые, подумала я, вспоминая вчерашнее столпотворение у ворот.

— Сколько же у вас ночь длится? — прошептала я.

— Всегда замечала, что в вашем мире ночи короткие, — заметила джинния, откидывая волосы назад и решительно подлетая к воротам (лицо ей закрывала лишь тонкая вуаль, а головная часть паранджи лежала на плечах наподобие капюшона). — А теперь попробуем использовать великую магию бессмертного человека!

— Какой смысл? Неужели этот маленький перстенок заставит ворота открыться? Посмотри, какие гигантские засовы, два трехметровых шпингалета и один широченный брус, вдетый в пудовые скобы. И все каменное, никакого железа (и правда многие из джиннов его боятся. Может, разбудить стражей и пригрозить им моим канцелярским ножиком? Хотелось бы избежать бессмысленной жестокости, но если перстень не сработает...).

Мой сосед крался следом за джиннией, ступая бесшумно, как индеец, за ним на цыпочках я, ловкая, как курица. Акиса указала нам пальчиком на гигантскую замочную скважину. Миша поднес к ней перстень. Надеюсь, он действующий? Ведь если нет, ох и туго нам придется, я покосилась на возвышающиеся над нами сонные громады циклопов. Чуткий ли у них сон, почему-то сразу захотелось хулигански свистнуть...

И в это мгновение из перстня вылезли две явно мужских полупрозрачных руки с очень ловкими пальцами, чем-то длинным вроде шпильки повертели в замке, он тихо щелкнул. Руки, составив из пальцев «о'кей», нырнули назад в перстень — и тут началось! С грохотом, но почти мгновенно вышли из своих пазух шпингалеты, отвалилась балка. А я думала, это все ручным трудом великанов-стражников задвигалось утром и вечером, еще посочувствовала им в душе. Ворота тут же распахнулись как по волшебству...

— Ай, щито такое? Кто открыл дверь?!

— Спа-а-ать! — голосом Кашпировского пропела джинния, взмахивая кисейными рукавами.

— Ах вы разбойники, жюлье, шайтаны! Дирижи их!

— А я-то думала, что усыпила их, — расстроилась Акиса. — Неужели у меня не хватает волшебства даже на двух глупых здоровяков, обидно, да?!

— Не комплексуй, похоже, ты просто промахнулась...

И- правда, задетый заклинаем Миша уже храпел, прислонившись к ближайшей створке ворот. Мы схватили его под мышки и вылетели в предрассветную пустыню. По пути она его расколдовала, поведя ладошкой у него перед носом из стороны в сторону, отчего безвинно

усыпленный сразу очнулся.

— Постой, откуда у тебя магия, она же в этой зоне не должна действовать! — тут же поинтересовался Ми-хайл. Точно, за воротами не должна! Или джинния опять пудрила нам мозги?! Однако факт оставался фактом — мы летели, а вслед нам уже неслась погоня...

— Они не знают о силе «самовнушения», — горделиво фыркнула моя подруга. — Им и в голову не придет посметь применить магию там, «где нельзя»... А я посмела!!!

— Хватайте изменников!

Обернувшись, я увидела, что за нами гонятся телохранители визиря, причем они-то двигались на своих двоих. Пуститься в полет они не могли, пока не вышли из зоны «недействия волшебства», а свободно парящая Акиса быстро домчала нас до места, где находился портал между нашими мирами.

— Его иногда трудно бывает отыскать среди других, к тому же нужный бархан всегда передвигает ветер, но Аллах Всевышний дал мне особое умение — я нахожу его, прислушиваясь к чутью сердца.

— Я тоже всегда мечтала о развитой интуиции, а то у меня ее совсем нет, — пожаловалась я. — Представляешь, когда погиб мой любимый кот, меня ничто не посетило! Я еще целую неделю пребывала в счастливой уверенности, что он безмятежно проводит время, охотясь за воробьями и ухаживая за кошками.

— Надо было объявить его мне в розыск, — благородно откликнулся Миша.

— А потом нашли его тельце, разбойника скинули с дерева вороны, отомстив за то, что коварно сотворил в их гнезде с их же яйцами, несчастный дуралей, — вздохнув, припомнила я. — Вообще-то он был изрядный мерзавец... Но мы, женщины, таких почему-то любим!

На ничем не приметный бархан мы сели плавно, как российский авиалайнер. Симурх на сей раз ниоткуда не возник, но, думаю, мы с ним еще увидимся. Акиса действовала очень быстро, уже не надо было тратить времени на объяснения. Едва мы перешли через холм, она схватила нас за руки — и мгновенно телепортировала на площадку перед квартирой.

Соседка тетя Дарья, спускаясь вниз с пакетом мусора, уставилась на нас и остолбенела: я знала, что когда-нибудь наши перемещения заметят. Конечно, только что возникли прямо из воздуха две девицы в восточных одеяниях, да еще сосед-курсант в дикой, вызывающего вида хламиде, с открытыми ногами и странных сандалиях.

Мы, вежливо улыбнувшись, поздоровались, хотя женщина предпочла промолчать. Невежливо, но что делать — ступор, может, хоть послезавтра отойдет... Я открыла ключом дверь.

— Ты с нами?

— Нет. Я сначала к себе, надену что-нибудь... э-э... другое и сразу спущусь, — откашлялся Миша, уже сбегая по лестнице и смущенно прикрывая голые колени. — Как дела, тетя Даша?

Но ответа не было и ему. Моя подруга, на мгновение высунувшись из квартиры, сделала таинственный знак рукой — соседка вряд ли будет помнить этот незначительный эпизод в своей жизни. Оно и нам спокойнее...

Из комнаты залаяла Найда, я бросилась к ней. Ничего, матушка, выглядишь ты неплохо. Она просто впала в щенячье безумие от радости, вылизав меня с ног до головы. Я быстро ее отвязала, а Акиса, недовольно ворча под нос что-то насчет «жестокосердных дев, не кормящих домашних животных», насыпала ей сухого «Педигри» и налила свежей воды. Оказалось, что по нашему времени нас не было почти шесть часов. Неплохо, могло быть и хуже....

Глава сорок вторая, ДОМАШНЯЯ

Из кармана рваных джинсов, которые так и оставались на мне под паранджой, я достала пакетик с книжным порошком «Большой энциклопедии». Вполне может пригодиться,

хотя бы от голода спасет, если что. Теперь, побывав в обличье лошади, я знала, что случиться с нами может всякое. Найда прыгала на нас не переставая, пытаясь повалить на пол. Пришлось прислониться к шкафу, чтобы можно было спокойно разговаривать.

— В каком виде лучше явиться к нагам? Но учти, твои шалвары я не надену, современные джинсы практичнее. Они меня и от лисиц спасли, и при встрече с чудовищами-полузмеями могут пригодиться, если те кусаются за ноги, к тому же в горах может быть прохладно.

На этот раз я выбрала мои любимые, с заниженным поясом, они красиво обтягивали ноги и бедра. При этом я думала о Мише, хоть он и худой и внешне не такой привлекательный, но почему-то мне хотелось, чтобы он увидел, какая я привлекательная. В отличие от него!

— Но что надеть сверху? Думаю, главное, чтобы одеяние было не мышастой расцветки, но и маскарадный костюм кролика здесь тоже не подойдет.

— Ты права, лучше их не дразнить, если они обидятся, то запросто могут наброситься и начать кусать за все места, а их укусы очень ядовиты, — совершенно серьезно кивнула Акиса.

— Может, противозмеиной сывороткой запастись? — поморщившись, спросила я, усиленно размышляя, где эту сыворотку можно достать.

— Я тебя вылечу, — успокоила меня джинния, с авторитетным видом продемонстрировав мне прозрачный флакончик с синей жидкостью и сразу же пряча его обратно.

— Чудодейственная вода из Зем-зема?!

— Да, о прозорливейшая! Только в Городе Колонн можно было раздобыть столь полезнейшую вещь... Я не теряла времени даром.

— Интересно, а молодость она продлевает? — Я затуманившимся взглядом наблюдала, как флакончик исчезает под слоями шифона в декольте.

— Тебе еще рано об этом думать, вполне хватит хорошей косметики из Ирема.

В этот момент вошел Миша, дверь мы специально оставили незапертой. На этот раз он оделся соответствующе — теплая клетчатая рубашка, плотные джинсы, даже рюкзак прихватил.

— Ну что, в путь?

— Только после обеда!

Я живо собрала на стол. Ели быстро, в походном режиме, оставшиеся бутерброды с сыром и колбасой запихали в рюкзак Миши. В нем уже были батон, упаковка сосисок, пара пакетиков с вяленой килькой и бутылка пива. Пока допивали кофе, Акиса поделилась своим соображением о судьбе страны джиннов, если нам не удастся справиться с драконом.

Ее почему-то больше всего беспокоили эти безликие, серые многоэтажки. Визирь объявил, что их строят для Решения Жилищных Проблем, ибо она (жилищная проблема) дошла и до Ирема! Хотя до воцарения дракона-узурпатора все прекрасно уживались и так. Согласитесь, джинну, живущему в лампе, не так уж много места надо...

Акиса, как и многие ее соотечественники, считала, что строительство надо остановить, иначе у джиннов поменяется сознание. Были коварными восточными демонами, хитрыми, медлительными, грязными и ленивыми — станут амбициозными, активными, опрятными, будут подчиняться распорядку дня, следить за гигиеной, платить Симурхуза шарлатанские снадобья, забыв, что вода из Зем-зема помогает от всего без всяких лекарей, а тот вскоре и клинику откроет, осуществив заветную мечту. Построят метро, начнут вставать в семь утра, носить кипенно-белые рубашки и галстуки, потеряют размеренность и думать станут прямолинейно и серо, как эти дома, а не извилисто с хитроумными оборотами, как причудливо изогнутые восточные лампы.

— Наши братья по оружию обещали всяческое содействие! — гордо сообщила она, вновь показывая повязку НПБ.

— Почему же они не помогли нам выбраться из города? — выразила я недоумение,

забыв о самоуверенности и гордости Акисы, которая даже в случае смертельной опасности ни за что не обратилась бы к кому-нибудь за помощью.

— Если бы я не заметила у юного стража перстень с печатью «Л. О.» и сама ничего бы не придумала, то обратилась бы к ним. Хотя в НПБ не верят, что наги знают тайное средство, как победить дракона, многие считают, что они давно исчезли с лица земли. И никто не хочет тратить время на их поиски. Они видят свою основную задачу в организации уличных беспорядков.

— То есть местные джинны предпочитают непыльное пассивное сопротивление?! — сделала я вывод, удивленно вскинув брови. — Но досаждать дракону мелким уличным хулиганством можно годами! Например, урны переворачивать...

— Вот, вот... После их слов у меня пропало настроение посвящать их в наши планы, — сказала Акиса и окинула нас торжествующим взглядом. — Не успеет солнце один раз свернуть к закату, как мы придем к жилищу нага!

— Звучит неплохо, — вроде как успокоился Миша, а то он уже открыл рот, чтобы конкретно узнать, как долго нам придется шататься по горам Индии и приграничных зон.

Я спросила: не слишком ли там опасно, может, возьмем с собой Найду? На что джинния ответила, что, конечно, опасно для собаки, поэтому и на этот раз ей тоже лучше остаться дома. Теперь, когда мы знаем, что дракон боится не самих собак, а опасается съесть собачьи почки на обед — сами понимаете, необходимости таскать Найду с собой нет. Вдруг кто-то все же попытается ее вскрыть ради почечного яда для дракона...

Будем надеяться на защиту родной милиции, добавила она, по дороге нам могут встретиться разные враждебные существа. Миша, в случае если они нападут, как профессиональный страж, поможет отбиться.

И только мой сосед захотел узнать, что это за существа, наверно, чтобы вооружиться хотя бы одной гантелей, как мы неожиданно и быстро перенеслись на залитую солнцем полянку.

Все-таки к подобному привыкнуть трудно, все внутренности сжимаются, и в затылке давит. Хотя это лучше, чем полет на самолете, гораздо меньше неудобств и невероятная экономия во времени и пространстве.

— Интересные, даже приятные ощущения, как будто распадаешься на атомы и молекулы, а потом резко склеиваешься снова. И почему телепортацию так ругают все герои фантастических романов, которые я читал? — сказал Мишка с легкой задумчивой полуулыбкой.

Улыбка поблуждала по его подбородку и наконец встала на свое место. Меня передернуло: что, если и со мной творится такое же?! А вдруг атомы с молекулами чего-нибудь напутают, не совпадут и мой нос окажется двумя сантиметрами левее...

Стволы деревьев здесь были влажные, а воздух просто водянистый, после нескольких вдохов появилось ощущение, будто вода попала в нос. Похоже, что солнце сюда заглядывает ненадолго или просто не может высушить такую мокроту. Наверняка все из-за обильных дождей, может, еще и болото недалеко. Я посоветовала всем смотреть под ноги, дорожек здесь и в помине не было. А в воздухе висела та самая напряженная тишина, которая говорит о том, что неподалеку засели враги. Вдали открывались размытые горные склоны...

— Дальше надо идти пешком, эти места окутаны своей древней магией, и мое волшебство здесь бессильно. Если встретим чудовищ, будем рассчитывать только на Всевышнего и быстроту ног, — обернувшись к нам, серьезно сообщила Акиса.

— Ладно, только давай по пути ты просветишь нас про местных чудовищ, — повторил Миша, поднимая с земли мокрую палку и взвешивая ее в руке. Левую руку он протянул мне, направляясь вперед. Было приятно чувствовать его сухую и твердую ладонь в своей. Какое-то чувство надежности и покоя, хотя в женихи он, конечно, не...

Вдруг с близстоящего дерева прыгнуло ужасное создание, преградив нам дорогу. Нечто трупоподобное, с серой клочковатой шерстью и длинными, вылезающими из рта зубами. Они были изогнуты волнами и опускались до самой груди. Бедняга, не успеешь

голову наклонить, как проткнешь грудь, а она у него и была вся в свежих порезах. Лицо существа из-под спутанных волос злобно ухмылялось, и Акиса его сразу узнала...

Глава сорок третья, И СНОВА МСТИТЕЛЬНАЯ

— О коварнейший визирь Крысаддин, это ты?

— Как, я, значит, не совсем его раздавила? — без особой веры в голосе произнесла я больше из вежливости. Мне подумалось, что нетактично напоминать ему, что он мертвее мертвого, как съеденный завтрак, хотя о еде в его присутствии лучше не думать.

Это действительно был Крысаддин, но из всей его одежды осталась лишь грязная чалма, которую он при нас демонстративно отшвырнул в сторону.

— Я поджидал вас тут, чтобы отомстить, — прокло-котал он гортанным голосом с бульканьем в горле.

— За что? Разве непонятно, что всему виной роковая случайность, у лошади только голова большая, а мозги маленькие, — обреченно пробормотала я, подталкивая вперед Мишу с ощутимым сопротивлением с его стороны. То есть он был готов меня защищать, но почему-то не очень торопился героически пасть в неравной схватке с ожившим трупом...

— Я владел при жизни могущественной магией и смог вернуться. Отныне я не джинн, но злой дух! Шива взял меня в свою свиту вета, его слуг, похищающих священных коров. Отныне же я буду питаться кровью и плотью людей и джиннов, и уже не образно, как в эпоху своего правления в Иреме! А ты будешь моей первой жертвой, я порву тебя на кусочки. Восемьсот лет мои люди охотились за тобой, а ты пробралась в город и стала причиной моей смерти!

— Уф, так у вас претензии не к нам, а к Акисе?! — выдохнула я облегченно.

— Ты умрешь страшной смертью, дочь джиннов! И наконец-то унесешь мою тайну в могилу! Я уверен, что ты не осмелилась никому о ней рассказать...

— Просто я ее уже успела позабыть, в чем же там было дело? — нахмурила бровки моя невозмутимая подруга. — Постой-постой, кажется, припоминаю... Такая смешная история!

— Умолкни навеки! — Новоиспеченный вета, или как его там бросился на Акису, выставив когти как стилеты, но она легко крутнулась на одной ноге, заехав пяткой ему в лоб не хуже Чака Норриса!

— Иногда по телевизору показывают и полезные вещи. А одинокая девушка всегда должна уметь постоять за себя...

Я обалдела: вот для чего, оказывается, так удобны свободные женские шальвары! Но мертвый визирь. "[ишь покачнулся, удержавшись на ногах.

— Ха! Недаром я столько веков был у власти, женщине не так-то легко меня свалить.

— А мужчине?! — Шагнувший вперед милиционер изо всех сил дал ему по зубам подобранной палкой. Мокрый сук разлетелся вдребезги, но у ожившего монстра вылетели два зуба, и явственно хрустнула шея. Да, Мишка наш — герой!

— Ах, вспомнила, эта твоя тайна, из-за которой я восемьсот лет не могла вернуться в Ирем...

— Не-эт, проклятая! — Монстр рванулся, целя ей когтями в горло, но моя подруга произвела совершенно невероятную серию каратистских ударов, почти оторвав ему косматую голову. Я застыла от ужаса и омерзения, мне казалось это бесчеловечным, но я и слова не могла произнести, так же как не могла оторвать взгляда от живого трупа. Джинния дралась с ним очень жестко, и у нее были на это причины...

— Я семьсот лет просидела по твоему приказу в заточении, лишённая возможности видеть солнечный свет, ибо случайно узнала твою гадкую тайну! Она состоит в том, что ты переодевался в женские одежды и подкрашивал ресницы!

— Всего-то... — дружно ахнули мы с Мишей. — И ла это семьсот лет тюрьмы?!!!

— Ай-ай, ты меня опозорила, женщина, даже перед лицом смерти! — захрипел бывший

визирь, рухнул и скончался. Надеюсь, окончательно... Из его тела вырвался черный дым и ушел под землю. Но джинния, похоже, этого даже не заметила и, глядя в одну точку, сердито пинала труп под ребра, видно, что наболело за столько-то столетий.

— Случайно подсмотрела, гуляя по дворцу, зашла без надобности в его покои, не зная, что он там, думала, он с шахиншахом и со всеми приближенными отправился охотиться на пустынного льва! А этот... трансвестит дал приказ... и меня же в одиночную пещеру! Без суда и следствия... как какую-то воровку!

Мы деликатно не спросили, что ей там было нужно в отсутствие хозяина, возможно, какая-нибудь безделица вроде золотых регалий визиря или его личных сбережений, хранившихся под матрасом. Акиса любит блестящие вещи...

— Он говорил, что служит в свите Шивы, за него не будут мстить более могущественные силы? — осторожно тронула я джиннию за плечо.

— Нет, у Шивы рой этих мелких духов, — сурово сказала Акиса. — Я и не предполагала, что он будет нам мстить. Хотя, конечно, мы, джинны, часто после смерти так поступаем, если смерть была насильственной, в таком виде нас называют гулями, или, иначе, кутрубами.

— Хочешь сказать, и ты на его месте выбрала бы такое существование? — ужаснулась я, медленно отступая от подруги.

Акиса возмущенно фыркнула:

— Я? Как он?! Если я и захочу стать гулем, то буду самым красивым и привлекательным гулем в мире и отомщу убийце, влюбив его в себя. А не стану запугивать кровавыми угрозами, как мужчины, но что с них взять?

Миша намеренно пропустил мимо ушей ее последнюю фразу, хотя как мужчина мог и обидеться, и повозмущаться. Но кто бы всерьез стал возмущаться джиннией, знающей приемы карате...

— Значит, это он послал Яман-бабу, чтобы отомстить тебе? Но почему тот вдруг начал нам помогать, когда визирь был еще жив?

— Он рассказал мне вчера, что был фигурой особо приближенной визирю и начальником личной охраны. Но из-за меня его понизили. Помнишь, когда его охватило пламя в том курортном городке? Это Крысад-дин наказывал своего слугу за неревностное исполнение приказа, за то, что я еще жива...

— Но почему этот чародей так вольготно чувствует себя в Иреме? — спросила я.

— Потому что Яман-баба — сын джинна и женщины человеческого рода.

— А я бы скорее посчитала, что агрессивной гориллы и сумасшедшего ифрита... до последних двух с ним встреч. И ведь ты опять что-то недоговариваешь...

— Поговорим по дороге, о любопытствующая и прозорливейшая и моя самая любимая человеческая подруга! — Акиса легко переступила через тело монстра-визиря и с неожиданной нежностью поцеловала меня в щечку. Я обалдела второй раз за день...

Потом мы шли через болото, Миша подавал нам руку, помогая перескакивать с кочки на кочку, а джин-ния наконец-то не уходила от ответов на вопросы. Она рассказала, что Яман-баба хитростью заманил ее в пайдзу, вероятно решив, что это будет не менее верное избавление от свидетельницы, чем ее убийство, как повелел ему сделать Крысаддин. А выход из пещеры вел только через золотую пайдзу, беспечно утерянную чародеем в далеких временах...

Пока она отбывала свои столетия в заключении, он все больше времени проводил в нашем мире, назад вернуться не мог, так как его ждала смерть за невыполнение приказа. Но и на него не устраивали охоту, так как до ее освобождения думали, что заточение Акисы будет вечным. Опасаясь за свою жизнь, он пытался ее «убить» всю последнюю неделю, после чего его, похоже, вызвали назад, поняв, что толку от него не будет, и вернули бывшую должность начальника охраны.

— Но ведь тогда его должны были казнить!

— Не знаю, не хочу над этим ломать голову, — недовольно откликнулась джинния. —

Думаю, Крысад-дину понадобились проверенные люди после воцарения нового правителя, времена-то беспокойные, а власть визиря — всегда самая шаткая...

Я все поняла... Кажется, образ моей шумной подруги давно живет в сердце служакки Яман-бабы. Что бы она ни говорила о своем могуществе, у него была масса возможностей расправиться с ней за последнюю неделю, а он только громко ругался и угрожал. Явная работа на публику, и в тюрьму наверняка пошел, чтобы оправдать свое бездействие, а не потому, что сработали Мишины магические штучки. И перед нашим прибытием в Ирем он вернулся туда, лишь чтобы поддержать свою смелую любимую джиннию.

— У Яман-бабы никогда не хватало ни сил, ни ума, чтобы обойти меня! — самонадеянно высказалась она, задирая нос. И, похоже, что больше для Миши, чем для меня...

Я не стала с ней спорить. Действительно, поговорим потом, без мужских ушей, между нами, девочками.

— Смотри, какая-то нора, и огромная такая, в ней вполне может жить наг! — воскликнула я, обратив внимание на холмик высотой с человеческий рост и вход, прикрытый ветками. Можно было пройти мимо, но мой наблюдательный сосед тоже заметил притоптанные кости под ногами, слава богу, не человеческие. (Хотя мы и были все время начеку, когда не болтали, то есть за нас Миша был начеку, нас ведь могли подкараулить какие угодно твари, злобные рогатые великаны ракшасы с руками до земли или громадные пауки, волосатые, как грузины.)

Поэтому от счастья, что все мы живы-здоровы, я рванула к норе, чтобы постучать и позвать хозяина, если жилище действительно обитаемо, но холодный голос Акисы меня притормозил.

— Лучше стой здесь, — заметила она из-за дерева, отнюдь не выказывая особого желания выступить вперед. — Яд нагов всегда отличался особой качественностью — слишком ретивые адепты мерли в ужасных муках за полторы минуты. Особо упертые наслаждались страданиями целых две...

— Давайте я посмотрю? — Миша решительно отломил дрын подлиннее, явно собираясь пошерудить им внутри норы. Я цыкнула на него и повертела пальцем у виска, будь я на месте хозяев — побудка палкой в бок вряд ли бы подняла мне настроение...

Вот лично мне почему-то в существование некой угрозы со стороны этого мирного жилища не верилось, и я уже хотела позвать вежливо хозяина, но джинния меня опередила:

— Да пошлет Аллах мир вашему дому, есть здесь кто-нибудь? — крикнула она. Никакого ответа.

— Ты не знаешь, как его зовут? — спросила я шепотом.

— Нет.

— Простите, нам бы хотелось увидеть хозяина, — еще громче произнес Миша и снова схватился за палку, на этот раз при попытке отнять у него «оружие» он мне не уступил и сделал вид, что даже не заметил моих усилий.

Глава сорок четвертая, СТРИПТИЗЕРНАЯ

Пока мы, тяжело дыша, топтались друг перед другом в борьбе за эту дурацкую жердь, я услышала за спиной тихое шипение и, резко обернувшись, встретила с застывшим взглядом нага. Невероятного размера получеловек-полупресмыкающееся, весь в чешуе, мускулистый, как стриптизер, пугающий и ободряющий одновременно. Его огромные змеиные глаза не мигая гипнотизировали меня, чувствуя, что он проникает в самые глубины моего подсознания, я с трудом отвела взгляд, черт знает что он там может прочесть. И вот почему угроза не веяла от жилища, она была за спиной...

— Ш-ш-што вам понадобилос-сь, с-смертные, в моем лес-су? — задал он стандартный вопрос лесного чудища и, не дожидаясь ответа, перекинул через плечо тушку убиенного

гигантского черного комара-мутанта и прошел мимо. Вернее, прополз на мощном длинном змеином хвосте, которым у него заканчивалось туловище. Довольно равнодушное отношение к нашему визиту, не находите?! Может, устал от гостей?

— Да так, решили прогуляться, отдохнуть на лоне природы, а вспомнив, что вы живете тут неподалеку, решили зайти на чашку индийского чая, — с поклоном соврала я.

— Яс-сно, так что вам нужно? Говорите и проваливайте, ради Куберы, иначе да падет на вас-с его проклятие!

— Что за проклятие? — прошептала я Акисе на ухо.

— От его проклятия вс-се вы превратитесь в рак-шасов и отс-станете от меня. — Наг, видимо, обладал редким слухом. Он остановился на пороге норы, лениво потроша комара заточенным когтем, при этом его длинный раздвоенный язык энергично извивался в такт усилиям хозяина. — Задержитесь-сь тут еще на мгновение, и я его позову, о надоедливые с-смертные...

— Но все-таки нам нужно кое-что узнать у тебя, о великий наг, последний сын своего народа!

Услышав скорбную правду, наг на секунду замер и горько разрыдался. Из его рук (пары вполне человеческих рук, только чешуйчатых и четырехпалых) выпал полуразделанный комар.

— Не вс-споминайте о моем народе, жес-стокие! Они погибли еще с-сотни лет назад, когда из-за обвала зас-сыпало нашу подземную с-столицу Бхогавати. Величайший город из вс-сех, что когда-либо с-строились под землей, даже получше эльфийского Холма! К с-сожалению, аварийные выходы были перекрыты запутанными клубками из моих запаниковавших с-со-родичей. А все оттого, что люди с-сверху с-стали копать с-слишком глубокие фундаменты под с-свой новый город, проклятый Катманду!

— Значит, не Гаруда погубила ваш народ? Получается, в нашем мире обладают неверной информацией, теория гибели нагов от Гаруды ошибочна. — Я с укоризной посмотрела на Акису. Та засвистела какой-то мотивчик и, достав гребень, стала быстро расчесывать длинные волосы.

— Гаруда? Вы и о ней с-слыхали? А я думал, нас-с никто не помнит, — покачал головой человекозмей, смахивая слезы. — Гаруда была извечным врагом нагов, но к тому времени, когда мой народ погиб, рас-сплю-щенный между ос-садочными породами и гранитным с-слоем земной коры, ее род тоже пос-степенно вымер из-за близкородс-ственных браков.

— А вы как спаслись, когда был обвал? — с профессиональной дотошностью спросил Миша.

— Это неважно, — отвел глаза наг и активно принялся зазубренным ногтем другой руки отпиливать комару лапки. — Ладно, с-скажу, подойдите поближе.

Мы нерешительно двинулись к нему. А джинния театральным шепотом напомнила:

— Осторожнее, он может быть ядовитым, не подсаживайтесь слишком близко.

— Мои западные с-сестры и братья — ламии — умеют красиво с-свистеть, чем заманивают с-слиш-шком любопытных, я тоже когда-то умел, пока зубы не выпали, — вместо ответа пожаловался наг, так и не назвавший своего имени, хотя нам оно и не особенно было нужно, разве только для менее официального общения.

— А тот, в котором вы храните яд, тоже выпал? — с надеждой спросила я. Похоже, это был наг с неустойчивой психикой и период успокоения в любой момент мог смениться у него на жалобное нытье.

— Боюсь-сь, что да, — признался он, с печальным жестом взмахивая комариной ногой. И яростно принялся соскребать с нее ворсинки.

Я мысленно возблагодарила милосердные небеса.

— Мы узнали, что ты обладаешь тайным знанием, как можно одолеть дракона, захватившего мое родное царство — город джиннов, — решила открыть карты Лкиса.

— Допус-тим. Только зачем мне его вам открывать? — неопределенно отмахнулся

наг, почему-то глядя на меня, его змеиные глаза на этот раз были какими-то... сладкими?!

— Но мы не очень-то в это верим, откуда тебе знать? — попыталась схитрить я, надеясь спровоцировать его на откровенность.

— Если бы не верили, не забрели бы в наши топи, — коварно подмигнул наг и, вдруг выпустив язык, быстро и нежно провел им по моей щеке и шее.

Я застыла. Миша оскорбленно бросился между нами, но я мягко перехватила его руку. Самое ужасное, что поцелуй нага не был так уж неприятен, его полунасмешливый взгляд обещал многое, интересно, что еще может вытворять такой язык?

— Меня зовут Нагиб, я отвечу на ваш вопрос-с, если одна из вас-с покажет мне с-стриптиз. Тут в лес-су иногда бывает нес-колько одиноко, мне будет что вс-споминать ближайшие с-сотню лет, пока...

Он по-прежнему пристально глядел на меня.

— Пошли отсюда, мне это надоело, — раздраженно зарычал мой сосед. Тоже мне Отелло...

Нагиб высунул мокрый, горячий язык едва ли не на полуметровую длину, и я вышла из оцепенения.

Стоп, стоп, стоп! Одно дело яркие фантазии, а другое — бытовая реальность...

— Нет, я не согласна!

А джинния почти одновременно с любопытством вскричала:

— Что надо показать? Стриптиз — это как?

Я ей на ухо быстро объяснила страшное значение этого слова, ожидая, что она тут же впадет в гнев или по крайней мере глубоко задумается. Но она, даже не покраснев, почти радостно хлопнула в ладоши:

— Ах, господину Нагибу хочется посмотреть стриптиз? То есть он хочет видеть, как я снимаю всю одежду?!

— Да, и желательно поискус-сней, — кивнул, потирая руки, человек-змея, отбросив куски комара и усаживаясь поудобней на камне, закрутив вокруг него хвост в несколько колец.

— О великий Нагиб, с радостью и удовольствием я исполню твое желание, о мудрый повелитель змей! Но и ты дай обещание исполнить наше желание, посмотрев мой стриптиз, — поклонилась джинния, блеснув хитрым взглядом, но обрадованный наг, кажется, ничего не заметил.

— Я вс-егда держу с-слово! Давай раздевайс-ся, женщина, не тяни, — нетерпеливо потребовал он, капризно надувая тонкие губы и скрещая на груди руки, только ногу на ногу не мог закинуть.

Джинния хлопнула в ладоши, и с небес полилась музыка, не слишком мелодичная, вроде бренчания цимбал, но главное, ритмичная и очень подходящая к завлекательному танцу Акисы.

Я попыталась закрыть Мишке ладонью глаза, видя, что он даже рот раскрыл, скоро слюни потекут.

— Это назидание для тех, кто поучается, — сказала мне джинния, приступая к исполнению танца живота. — Можешь у меня поучиться.

— Я бы предпочла индивидуальные уроки, — проворчала я, стараясь запомнить основные движения.

— Давай-давай, пери, о да, вот так! — радовался наг, крутя хвостом над головой, и даже, забывшись, попытался свистнуть, после чего на пару секунд впал в печаль.

Я ждала, в чем подвох... Зная мою хитроумную джиннию, прекрасно понимала, что без подвоха это дело просто не могло обойтись! И вот, танцуя, Акиса сняла жилетку, покрытую по кромке стразами величиной с голубиные яйца, но под ней была еще полупрозрачная блузка. За жилеткой последовали восточные остроконечные туфли, а за туфлями феска — раздевалась она без всякой последовательности. И начала расстегивать пояс, делая животом изгибы не хуже настоящей змеи. Не знаю уж, как мужчины, но я буквально

вспотела под легкой маечкой, настолько это было откровенно...

— Да-да, о прекрасная гюрза, вот так, с-сверкни чешуйками, сбрось свою кожу, скверная ты змейка!

Ноги чесались двинуть ему ботинком, но надо было терпеть до конца. Слава богу, Миша вел себя пристойно, хотя он ничего не мог видеть из-под моих ладоней. Только скромно возмущался, говоря, что тоже хочет посмотреть. Но я обещала, что потом ему сама такое покажу! В шутку, конечно, но он почему-то сразу поверил и перестал возмущаться. Теперь надо будет придумывать причины и откладывать до тех пор, пока он сам не забудет моего необдуманного обещания...

К этому моменту Акиса уже начала медленно стягивать блузку, а под ней... ничего не открылось. Я не сразу поняла, что ничего — это то есть совсем «ничего»! Никакой бархатистой кожи, соблазнительной наготы — пустое пространство, сквозь которое были видны ветка дерева, кусок норы и удивленно отвисшая челюсть самого Нагиба. Но главное, что он наконец-то заткнулся, перестав похабно свистеть и хихикать...

Глава сорок пятая, ВНУТРИСЕМЕЙНАЯ

А Акиса как ни в чем не бывало продолжала танцевать, пока не сбросила всю одежду, после чего в воздухе остались летать только ее улыбающееся лицо, кисти рук и ступни. Ну а также множество золотистых цепочек и браслетов, подчеркивающих хорошую фигуру, но, увы, так и не открывающих ее...

— Так нечес-стно! Ты меня обманула, неприс-стой-ная женщина! — яростно возмутился Нагиб. — Я от-казываюс-сь от с-своего обещания!

— Все выполнено к твоей усладе и по твоему слову! Ты хотел, чтобы я сняла одежду — я повиновалась воле твоей... Если что-то не так, надо было точнее объяснять, я вообще в первый раз танцую этот ваш стриптиз, — мягко, но справедливо заметила джинния.

— Нет, вс-се равно не с-скажу! — Наг сложил руки на груди и выпятил упрямый подбородок.

Потеряв терпение, Акиеа сбросила маску доброго расположения.

— Да покарает тебя Аллах, нечестивый лжец, если ты не скажешь, как нам избавиться от злобного Аджи-Дахаки! Моя страна гибнет под его гнетом, а ты тут наслаждаешься покоем и благоденствием, поедая комаров в своем лесу и обманом заставляя честных девушек танцевать перед тобой непонятные таны!

— Да уж, пожалуйста, скажите, а то она вам тут такое устроит, — доверительно посоветовал Миша. — Не оставит в покое, пока не услышит то, что ей нужно. И между нами, мужиками, — желание она исполнила честно...

Но Нагиб только нахально осклабил воспаленные десны и показал нам средним пальцем направление, в котором посоветовал убираться. Я бы в знак протеста против его шовинизма приковала себя к дереву и то же самое посоветовала бы Мише и Акисе, если бы у нас с собой были три пары наручников. И как я об этом раньше не подумала, возможно, даже у Миши дома есть...

— Повторяю: проваливайте!

Из-за его спины неожиданно выглянула огромная птичья голова с рыже-коричневыми перьями. Она выплюнула из клюва огромную вязанку веток, вероятно для костра.

— У нас гости, Нагиб?! Вот так сюрприз! И кто вы такие, дорогие мои?

— Ничего ос-собенного, прос-тые попрошайки, когда же эти наглецы наконец-то уберутс-ся из нашего лес-са!

— Мы не попрошайки, — тихо возразила я, жалея, что мы не убрались отсюда, когда нас в первый раз об этом попросили. Птица была поистине гигантская, и они, похоже, часто общались, а может, даже жили вместе, чего же Нагиб тогда плел про одиночество, только чтобы разжалобить на стриптиз?

— Гаруда?! — удивленно ахнула Акиса.

Но птица встревоженно обратилась к нагу:

— Дорогой, успокойся, подумай о своих нервах, они и так уже измочалены от постоянного раздражения, которое у тебя вызывает комариный суп, наш ежедневный обед. Так что вам от нас понадобилось?

— Он обещал нам помощь в обмен на... Но Нагиб быстро перебил:

— Ладно уж, нас-стырные, вы хотели от меня узнать, как одолеть дракона? Так вот, с-скажу, вашего Аджи-Дахаку может одолеть моя... э-э... жена, птица Гаруда! Но с-сразу вам говорю, она никуда с-с вами не полетит.

— Жена... но как это? — недоуменно пробормотала я, понимая теперь, что заявления моих родителей насчет того, что они очень разные и удивительно, как еще столько лет живут вместе, гроша ломаного не стоят.

— Гаруда! Как я сама до этого не додумалась, ведь даже имя Гаруда означает «пожиратель драконов», ну, или змей, кто как переводит! Но Гаруда больше известен... то есть известна как пожиратель нагов! — воскликнула Акиса.

— Воистину, это было так. Но когда мы увидели, что из наших народов остались только мы двое, то поняли, как глупо себя вели, и решили объединить наши одиночества. Ведь у нас было общее прошлое, совместная вражда, а врага нужно было знать, лучше, чем друга или даже самого себя, и мы этого добились за сотни лет, — респектабельным тоном жены, притворяющейся счастливой, объясняла Гаруда, но у ее мужа выражение лица при этом особого восторга не выражало.

— Так вы герои, — подытожила она. — Хотите избавить мир от очередного жестокого дракона и пришли попросить меня помочь вам в этом, а точнее, выполнить за вас всю работу, как было уже не раз. Славу же заслуживали рыцари с большим мечом и закопченными доспехами, которые они усердно коптили у костра, пока я, теряя последние перья, сражалась с драконом!

Но мы втроем наперебой принялись убеждать Гаруду в том, что совсем наоборот, ее первенство в деле победы над драконами просто неоспоримо, мы много о ней наслышаны, почему и просим ее о помощи, иначе уже никто не освободит Ирем от огнедышащего узурпатора до скончания веков. Преувеличили, конечно, но в круглых глазах гигантской птицы сверкнул отблеск прошлых пожаров...

— Если она согласится, эта битва для нее может стать последней, года уже не те у старушки, — шепнула мне Акиса, кивая на большие проплешины у птицы на боках. — Но все равно, другого выхода нет.

— К сожалению, я уже не занимаюсь этим промыслом. Мясо драконов богато вредным холестерином и слишком высококалорийно. По молодости я не обращала на такие мелочи внимания, пока со мной не случился третий инфаркт, тут уж я задумалась. Сейчас я слежу за своим здоровьем и пью только обезжиренный комариный бульон.

— Вот-вот, о чем я и говорю, проваливайте отс-сюда, обедом кормить мы вас-с не собираемся, — угрюмо проворчал негостеприимный наг, выталкивая нас с поляны.

— Но вам необязательно его съедать, — заметил Миша, уворачиваясь от рук человекозмеи.

— Вы что, принимаете меня за простого убийцу?! Драконы были моей пищей наравне с нагами, извини, дорогой, хотя и значительно более редкой, но даже один дракон в год может сильно испортить пищеварительную систему, — вздохнула Гаруда, дрогнув перьями и печально опустив клюв.

— Хорошо, мы уйдем, — сказала джинния, обреченно разворачиваясь, но в последний момент что-то шепнула на ухо гигантской птице.

— Мне это не нужно! Я и так достаточно привлекательна для моего мужа!

Услышав такие слова, Нагиб почему-то отвел глаза, вероятно, чтобы скрыть противоположное мнение. Но, почувствовав настойчивый взгляд жены, выпучил глаза и жарко воскликнул:

— Конечно, дорогая! Я с-счастливейший из с-смер-тных! А с-стриптиз я... я и не просил, это они с-сами... Клянус-сь! — Но, едва Гаруда отвернулась, его лицо снова приняло скорбное выражение, и, стоя рядом, я услышала, как он бормочет, качая головой: «О боги, заберите меня к праотцам...»

— На этом распрощаемся, мне пора готовить обед, а Нагибу высиживать яйца, я вижу, ты снова оставил их в норе, прикрыв кроличьими шкурками! Сколько раз я говорила тебе, это не заменит отцовского тепла.

Уже за нашими спинами мы услышали оправдывающийся, с нотками отчаяния голос Нагиба:

— Но я же хладнокровный! Прос-сти, родная...

Глава сорок шестая, НЕБОСКРЕБНАЯ

Нерадостно возвращались мы к той части леса, где приземлились. Я спросила у Акисы, которая почему-то одна оптимистично улыбалась, что же такое она предложила Гаруде.

— Я сказала ей, что Аджи-Дахака необычный дракон, в его жилах течет фиолетовая кровь, что, по мнению ученых мужей, придает его мясу особые свойства. Кто его съест, на многие годы приобретет неотразимую привлекательность для противоположного пола!

— Ты сама это придумала? — подозрительно осведомилась я.

— Нельзя ставить под сомнение авторитет ученых мужей, пока экспериментально не доказан обратный результат, — неопределенно ответила джинния, самодовольно улыбаясь, как будто ее хитрость не провалилась.

— Может, и правильно... Она ведь могла погибнуть, сражаясь с драконом, что бы там ни обозначало ее имя, — сказал Миша, снова помогая нам при переходе через болото. — Хотя я еще не видел самого иремского дракона, но раз уж он подчинил себе великанов... Если бы дракон одолел Гаруду, ее смерть была бы на нашей совести.

Наконец-то, преодолев топь, мы выскочили на полянку, но она почему-то оказалась не той. Мы решили, что бывший визирь, чей хладный труп мы оставили на нашей полянке, хороший ориентир — рано или поздно найдем! То есть окончательно заблудиться не получится, даже если проклятые полянки практически не отличаются друг от друга.

Вдобавок ко всем бедам на нас набросились гигантские комары.

— Вот где на них охоту можно устраивать, здесь даже десятилитровый тубик антикомариного крема выжить не поможет! — воскликнула я, отмахиваясь Мишиным рюкзаком, — какой там пикник...

Но не успел самый злобный из этих кровососов второй раз продырявить мне джинсы, а тошнота, под-катившая к горлу, победоносно вырваться на свободу, как мы трансгрессировали и оказались в пустыне недалеко от Ирема. Стояла глубокая ночь, на небе висел мутный полумесяц. Контуров городских стен с башенками, купола и минареты мечетей и выросший надо всем этим небоскреб, увенчанный крышей-луковицей (еще вчера он не был достроен), казались растертыми в муаре ночи...

— А я думала, мы сначала домой? Как на этот раз мы проникнем в город, снова задействуем перстень «Л. О.»? Кстати, это еще вчерашняя ночь? — разразилась я вопросами.

— Нет, сначала закончим все дела здесь. Да, снова откроем врата перстнем. Нет, с того времени солнце уже всходило над Иремом, — пунктуально ответила мне моя волшебная подруга.

— Надеюсь, они не усилили охрану, — неоптимистично изрек наш милиционер, качая головой, и уточнил, усаживаясь на песок поближе ко мне: — Каков дальнейший план действий?

Акиса задумалась и присела рядом с нами, поджав ноги, нам пока никакие идеи в голову не шли, мы решили не терять времени и перекусить.

Миша развязал рюкзак, а я проверила свои карманы и удостоверилась, что они по-прежнему набиты перцем во всех видах: тут был и молотый, и перец горошком, и свежий, и даже масло лопуха для укрепления волос «с красным перцем». Всем этим я запаслась дома, помня испуг Наджмы, когда я спросила у нее перец, чтобы приправить плов.

— Придумала! Мы открываем врата, я пугаю циклопов перцем, вы врываетесь в город, и мы им всем...

— А при чем здесь перец, он имеет волшебную силу? — с деланным интересом спросила Акиса, беря и откусывая один сырой болгарский перчик. Миша быстро, по-мужски, лепил бутерброды...

Видно я что-то не так поняла, похоже, что Наджма просто не любила эту приправу. Надо же быть такой пурой, хорошо еще, надо мной никто не стал смеяться...

Я вытащила из карманов весь перец, оставив только масло лопуха: еще пригодится восстанавливать волосы после той долговременной укладки, что удружила мне джинния. Если укладка сделана магическим способом, это еще не значит, что она абсолютно безопасна для волос.

— Наш поход был провальным, если только Гаруда не прилетит, передумав. Но не факт, что она знает сюда дорогу, надо было ей хоть карту нарисовать, — пожалала я плечиками, доедая первый бутерброд. Второй я придерживала, а на третий облизывалась...

— Ей приходилось бывать в Иреме, я видела ее, когда еще была маленькой, — пустилась в воспоминания Акиса. — Она прилетала к нам на праздники и выходные, разбрасывала конфетти и яблоки, катала малышей...

— Значит, ты надеешься только на нее, а более реального плана у тебя нет?

— У меня есть, — сказал Миша. — Мы по-прежнему можем попытаться проникнуть во дворец сами. Вчера мы видели там дверь «Выход», и никакой стражи рядом.

— Через выход? Побойся Аллаха! — изумилась Акиса, глядя на Мишу как на богоотступника. — Это не в обычае джинов! И она все равно запечатана проклятием шайтана! Я туда не пойду!

— Да, но ведь можно попытаться снять заклятие с этой двери, чтобы в нее можно было и входить?

Джинния задумалась:

— Нас проклянут!

— А мы по-тихому... Сейчас ночь, Аллах не увидит!

— Ты меня убедил, о мудрый страж! Возраст твой юн, но школа милиции дает о себе знать...

Однако, когда мы приблизились к городским стенам, нас ждал неприятный сюрприз — снаружи у ворот дежурили циклопы, хотя вчера здесь не было ни одного стража.

— Нужно что-то придумать, попытаться их перехитрить, только не будем рисковать, — остановил нас Миша.

— У тебя есть предложения? Как еще можно проникнуть в город, если не через единственные ворота? Он ведь весь защищен магией.

— Да, но насколько высоко она распространяется? Защита была установлена в правление джинов, верно?

— Ну вроде, — неуверенно кивнула я.

— Возможно, нынешний правитель упустил кое-что, короче, мог этот небоскреб вознестись выше защитного магического купола? — спросил Миша.

Акиса ахнула и вдруг кинулась на шею моего соседа с поцелуями. Вот уж чего от нее не ожидала... Могла бы и у меня разрешения спросить!

— А ты сможешь поднять нас на такую высоту?

Она отпустила красного Мишку, и на ее лице промелькнула неуверенность. Но длилась она не дольше того мгновения, что прошло между вознесением Мухаммеда на небо и его возвращением обратно в постель, ибо в следующую секунду мы уже летели вверх! Волшебство Акисы сделало нас невидимыми, иначе бы план провалился, на городских

стенах было, как и положено, полно стражи, половина из них дремала на ходу, но хоть один глазок да заметил бы троих нарушителей границы...

— Не думал, что такое со мной случится, — сказал Миша, поеживаясь от холода в полете. — Еще вчера бы не поверил, даже если бы мне заявил это начальник отдела.

С высоты птичьего полета отлично просматривался дворец шахиншаха. Голубые башенки с ребристыми куполами, прямоугольный двор, окруженный аркадой стрельчатой формы. Фонтаны, причудливо подстриженные кусты и деревья, огромный бассейн. Если что-то и было разрушено при воцарении дракона, то дворец восстановили в первую очередь руками умеющих строить с огромной скоростью джиннов. Хотя в предрассветной мгле еще угадывались почерневшие от копоти стены. Стражей почти не было видно, дракон привык полагаться только на себя. Но где же он разместился, отсюда его присутствие не угадывалось. А интересно, есть ли у него гарем? Хотя мне-то что до этого...

— Над дворцом, я полагаю, тоже имеется защитный купол?

— Конечно, о переевшая бутербродов, и более мощный, чем над городом! Если бы мы его задели, ты бы уже нашла себе мужа в раю. Дворникам приходится постоянно подметать обгорелые перья, все, что остается от пролетающих мимо бедных птиц. Только Гаруда сможет пробиться сквозь этот щит невредимой. А нас убьет молнией, если окажется, что они успели поднять защиту и над этим уродливым огромным домом....

Я нервно сглотнула, моя подруга умеет утешить, да? Но все обошлось. На крыше мы оказались чуть не под облаками, я скорей метнулась к люку, моля небеса, чтобы он был открыт и на него не было наложено какое-нибудь трудно снимаемое магическое заклятие, потому что уже окоченела от холода. Люк не был закрыт, и вниз мы спустились, то есть слетели с Акисой достаточно быстро, словно на скоростном лифте.

Кое-что в городе изменилось за время нашего отсутствия. На стенах многих домов была нарисована черной краской аббревиатура НПБ, а под ней знак, символизирующий крестообразно надломанные когти дракона. Несколько таких эмблем ярко выделялось на первом, только что отстроенном, и краска еще не успела высохнуть, небоскребе в Городе Колонн, из подъезда которого мы только что вышли. Редкие прохожие даже не смотрели в нашу сторону или делали вид, что не замечают нас...

Глава сорок седьмая, ВЫРУЧАТЕЛЬНАЯ

— Каков наш план? Просто интересно, откуда вы черпаете свою безрассудную решительность? — спросила я Мишу с Акисой. Миша открыл было рот, чтобы ответить, но в этот момент мы увидели пару неприметных внешне джиннов с серыми лицами, высокого и низкого. Не обратить на них внимание было невозможно, так как на плечах у обоих были повязаны черные ленты с тем же «НПБ». И они несли в руках барахтающийся мешок...

— Приветствуем тебя, боевая подруга! Ну, как твоя миссия? Ха-ха... хм... — Один подавился смешком, а его товарищ сверлил нас подозрительным взглядом.

— Я уже вернулась, — торжествующим тоном ответила им джинния. — А наша родная «Нет паршивым броненосцам» тоже, как вижу, времени зря не теряет. Что в мешке?

— Так что это у вас в мешке? — сурово повторил Миша, пока джинны напряженно переглядывались.

— Тебе-то что за дело, человек? — угрюмо поинтересовался тот, что был выше, быстро пряча мешок за спину.

— Он страж из другого мира, но тоже с нами, как и эта дочь Адама, — пояснила джинния.

— А может, они шпионы? Ты уверена, боевая подруга?

— Конечно, уверена. Вам помочь с мешком?

— Хотите разделить с нами славу — и не пытайтесь! — возразил невысокий джинн, прикрывая спиной мешок в руках товарища. — Мы доведем свою миссию до конца сами. И

на этот раз все пройдет как по маслу!

— А что, уже были и неудачи? — спросила я. Джинны приняли суровый вид. Правда, они и так выглядели устрашающе, но стали еще страшнее, хотя могло казаться, что это невозможно.

— Мы подкупили повара, и вчера на ужин узурпатор выпил кровь утки, откормленной отравленной едой. Это был один из самых сильных ядов! Правда, легко опознаваемых... Но все равно ничего не вышло, дракон только немного покашлял, — сокрушенно признался высокий энпэбэшник, поправляя барахтающийся мешок за плечами, он явно еще пребывал в расстройстве из-за вчерашней неудачи.

— Ты видела нага? — требовательно подступил к Акисе его товарищ. — И что ты у него выяснила? Впрочем, неважно, уже через несколько часов дракон испустит дух, освободив наконец наш Ирем, который жестоко угнетал целую неделю, не давая вздохнуть трудовому классу! Заставлял нас строить свои адские многоквартирные сооружения, их и домами назвать кощунственно, клянусь Аллахом!

Кажется, я знаю, кто у них там сидит в мешке, и Миша кивком подтвердил мою догадку.

— Вы схватили Симурха? — без обиняков спросила я, вплотную подходя к джинну с мешком. Тот попятился.

— Как ты, о прямолинейнейшая, догадалась...

— Он не годится, опять вы сели в лужу. Его почки птичьи, а не собачьи! — убежденно заявила я, пытаюсь вырвать у них мешок. Какие бы там ни были почки Симурха на самом деле, я никому не дам его потрошить.

Но джинн держал мешок крепко...

— Ученые лекари, состоящие в НПБ — а в нашей организации можно встретить виднейших представителей Ирема! — подтвердили его пригодность нашему делу. Собакоптиц ядовит до крайности!

— Да вы просто хладнокровные убийцы! Симурх друг джиннов! Хоть он и паршивый лекарь, но это не причина непременно его резать!

— Вернуть свободу рабочему классу, избежав кровопролития, невозможно, — невозмутимо констатировал низенький джинн, его товарищ согласно кивнул, все так же сурово сомкнув брови.

Когда я уже начала сомневаться, что мои спутники когда-нибудь соберутся меня поддержать, Акиса выступила вперед и тронула меня за плечо.

— Я согласна, боевые братья, это правильное решение! Несчастный Симурх, мы будем его вспоминать.

— Что ты несешь, предательница? Ведь ты знаешь Симурха уже тысячу лет!

В глубине глаз Акисы мелькнула знакомая искорка. Я резко захлопнула ротик...

— Свобода родного города для меня дороже старой дружбы!

Джинны доверчиво разулыбались:

— Молодец, товарищ!

— Да, я вас поддерживаю! А теперь смотрим сюда...

Джинния взмахнула рукой, делая какой-то причудливый знак пальцами, и лица обоих энпэбэшников как будто одеревенели. Они безвольно отдали мне мешок со словами:

— А что это такое у нас в руках? Ах, это ваше, извините...

— И это тоже. — Миша указал пальцем на повязки у них на плечах.

— Но как же они у нас оказались? — недоуменно спросил маленький.

— Мы дали их вам поносить, они же очень стильные, и сейчас такая мода.

— А нельзя нам их еще чуточку поносить?

— Нет, нам самим хочется. .

Парни жалобно попрощались и ушли, а мы с Мишей повязали новые тряпочки себе на руки, джинния бы ни за что не стала портить таким уродством свой женственный восточный костюм.

— Я хитроумно отвлекла их и отняла память до заката, — пояснила она, крайне довольная собой. — К тому времени мы уже одолеем дракона.

Поражаюсь ее необоснованному оптимизму! А может статься, у нее припрятан козырь в рукаве, ведь она вечно все скрывает?

Миша развязал мешок и выпустил Симурха на волю, тот выплюнул кляп и старательно прочихался.

— Дичь, дичь, дичь! Спасибо, что выручили! Я лучше пойду с вами, в Иреме мне в такие времена одному летать небезопасно, не успеешь из города вылететь, как сразу хватают, суют в мешок, несут мои жизненно важные органы дракону на завтрак, дичь, — в своем духе высказался Зимурх, взъероша хохолок. Весь потрепанный, глаза покрасневшие, видно, что ночи не спал, оберегая драгоценные почки, тем не менее он храбро предложил: — Я помогу вам проникнуть во дворец.

Мы втроем переглянулись.

— Вообще-то мы сами хотели это тебе предложить, но дело опасное, ты можешь не выбраться оттуда живым, — честно сказал ему Миша.

— Дичь! Да плевать на все, я иду с вами! Несите меня во дворец, тащите на кухню, там на месте разберемся...

— Ты уверен? Но мы не знаем имя подкупленного повара, не догадались вывести до того, как у них отшибло память, — с сожалением заметила я.

— Этого сына крокодила зовут Абджас, мой бывший приятель! Дичь, на днях он уже пытался вырезать мои почки, — сердито воскликнул горе-лекарь. — Он будет ждать у заднего хода, войти туда нельзя, так что предполагалось, что они передадут меня уже бездыханным. Дичь, все это дикие нравы джиннов! Пошли, удивим этого изменника!

Солнце уже давно взошло, когда мы остановились с задней стороны дворца. Акиса пожаловалась, что после вертикального полета до крыши небоскреба и обратно вниз руки у нее болят, и она не скоро будет готова опять тащить нас по воздуху, так что если что, вместо того чтобы спастись, лучше нам сразу приготовиться к ужасной смерти.

— Спасибо за напутствие, тогда, пожалуй, я вас у дверей подожду, — логично решила я, не желая умирать во цвете лет. Миша посчитал, что это мудро с моей стороны, а джинния надулась, назвав меня предательницей. Это убедило меня идти до конца, значит, я все-таки им нужна, а то у меня уже начали появляться сомнения на этот счет.

Еще в подъезде небоскреба Акиса сотворила нам местные наряды, и мы не особо выделялись среди горожан-джиннов. Симурх предпочел лететь рядом. Едва мы подошли к назначенному месту, как калитка открылась, и из нее настороженно выглянул толстый смуглый джинн в грязно-белом фартуке.

— Принесли? Аи, что это, Симурх, дорогой, я думал, тебя уже того... Как поживаешь, брат? — восторженно начал он. И отвернувшись от Симурха, который был заметно потрясен его лицемерием, возмущенно пробурчал в нашу сторону:

— Вы что, притащили его живого? Давайте убивайте быстрее, скоро дракон потребует завтрак, а мне еще почки надо успеть подсушить и в порошок истолочь. Почему он до сих пор на свободе?

— Во мне проснулось патриотическое самосознание, дичь! Короче, я решил пожертвовать собой, лучше погибнуть как герой, чем потом в неизвестности пасть где-нибудь в пустыне, без всякой пользы для отечества! Ох и дичь...

— А убивать сразу его нельзя, ибо почки надо подать свежими, только что вынутыми! И требуется специальный ритуал, очень древний и редкий, сушка и толчение уже давно неактуальны, — тоном опытного врача-шарлатана поведал наш милиционер. — Если вы проведете нас внутрь дворца, мы все устроим как нельзя лучше.

— С ума сошли, меня же убьют сразу же! А без ритуала никак нельзя?

— Можно, конечно, но от собачьих почек, вынутых без тщательно проведенной церемонии, дракон даже не поперхнется.

— Ай-ай... Выходит, я так и не стану национальным героем?

Акиса выставила грудь, обтянутую шелком в блестках, и, сладко улыбаясь, почти вплотную подплыла к повару и проворковала ему на ухо:

— О храбрейший из поваров, ты только скажи нам, как снять с этой двери заклятие. И уходи, мы проникнем незамеченными, а ритуал проведем сами, невидимыми, на кухне, это допускается, и никто нас не узнает. Твой же великий подвиг не останется втуне!

Абджас с сомнением покосился на Симурха, тот со скорбным видом кивнул:

— Это правда, а я даже не пискну, и шума не будет, у меня есть хорошее обезболивающее. Дичь, я даже готов им поделиться!

Повар-заговорщик облизнулся на впечатляющую грудь джиннии и сдался. Оказалось, что заклятие, наложенное на дверь, очень простое, и, прошептав его Акисе на ухо, бывший дружок Симурха убежал на цыпочках от греха подальше.

— Глупый джинн, нам повезло, что он никогда не отличался умом, — довольно проворчал Симурх, помахивая хвостиком. — Дичь, ты сделаешь нас невидимыми?

— Конечно, нет! Этот человек с кухни, конечно, таких тонкостей не знает, но дворец защищен магией, никто, кроме правителя, не может здесь принять невидимость, ну а про секрет двери ему по должности знать положено. Через нее передают продовольствие для шахиншахского стола. Ну что, рискнем?

— Рискуйте вы, а я — линияю! Мое дело сделано, калитку вам открыли, пока, пока... — Летящий пес исчез так, словно бы его и рядом не стояло. Вот дичь...

Глава сорок восьмая, ДРАКОНЬЯ

На первый взгляд на заднем дворе никого не было. Но только мы прошли несколько шагов, как появился стражник, мы быстро спрятались за большим пышным кустом, подстриженным в виде дракона.

Кстати, почти все кусты мирта здесь имели форму дракона самых разных размеров и ракурсов. Там и тут стояли каменные статуи дракона. Если судить по ним, у нашего противника был не такой уж устрашающий вид: явно восточный дракон, коротколапый, с крылышками, в мантии и тиаре с кисточкой на голове. Он почти дружелюбно улыбался (или это я себя успокаивала?). За кустами блестела гладь бассейна. Вот за этим-то бассейном и возникла фигура стражника-циклопа, но за ним следовали еще двое. Нет, ну не все же они слепые, да?

— Нам надо пройти мимо них, судя по всполохам огня со стороны вон той низкой постройки, дракон где-то там. Кажется, он завтракает на свежем воздухе, — проявил наблюдательность Мишка. Я посмотрела на него с непривычной теплотой. Как хорошо, что он здесь вместе с нами, и я уже почти готова простить ему подозрительную страсть к полосатым грызунам. В конце концов, раз он сейчас тут и не отступил ни разу, значит, со мной ему интереснее, чем с теми же бурундучками. Я — лучше бурундучка! Класс!!! Или я — лучшая бурундучка? Всего лишь смена удара — и звучит уже не так привлекательно...

— Кто-нибудь знает, как отвлечь циклопов? — спросила Акиса, прячась вместе с нами за самым большим кустом. — Мне здесь колдовать нельзя, а пройти через стражу надо.

Что-то совсем я отвлеклась от реальности... Пришлось хлопнуть себя по лбу и вспомнить, что у меня в кармане лежит «Большая циклопедия». Надеюсь, сработает и продукт не просрочен. Достав пакетик, я быстро его порвала и бесстрашно высыпала розовый порошок в рот, жаль запить нечем.

— Что ты делаешь?! — ужаснулся Мишка, пока я, давась, глотала порошок. По вкусу он оказался похож на кисель с персиковым вкусом, а голова чудесным образом наполнялась знаниями о циклопах. Перед глазами* проносилась информация о том, как появились циклопы, где жили, как научились тесать камень более острым камнем, что выращивали, как одевались на протяжении тысячелетий (как правило, в набедренную повязку из шкур), каким богам поклонялись, какие песни поют, что едят, с кем пьют, за что сражаются и в какие игры

любят играть в свободное время. В качестве бонуса — суеверия, приметы, поговорки, юмор, индивидуальное изготовление контактных линз...

— Я знаю, что их остановит, и они даже сами станут нам помогать! Есть одно слово!

Я встала в полный рост, циклопы удивленно воззрились на меня, мои друзья тоже поднялись. Прятаться поздно...

— Надеюсь, это твое слово сработает, о вдруг поумневшая, иначе всем нам конец, — скептически поддержала меня Акиса.

И я произнесла это слово! Увы, не могу вам его здесь воспроизвести... И не потому, что оно столь мощно и при прочтении его вслух может поколебаться само время и пространство, а единственно потому, что, как и говорил Бармакид, сведения из книжного порошка остаются в голове только до утра. То есть я его банально забыла...

А записать это слово в той суматохе просто не успела. Главное, что, услышав его, джинны-циклопы тут же упали на колени:

— Щито надо, наша госпожа?! Говори, э, не стис-няйси. Все сделаем!

Гордо подняв подбородок, я свысока взглянула на моих спутников. И у Миши, и у Акисы вид был обескураженный, но оба глядели на меня в полном восхищении, словно на Жанну д'Арк, сплотившую всех честных граждан Франции на борьбу с английскими захватчиками! Это окрыляло...

Мы вышли на лужайку вместе с грозным отрядом циклопов. Дракон сидел за столом в полосатом халате, домашних тапочках и фиолетовой тиаре с кисточкой, чуть съехавшей на затылок.

Сначала я даже подумала, что это человек или антропоморфный джинн. Значит, в этом заключалась его необычность, выглядел он как полудракон-получеловек. Тиран мирно пил чай, почитывая утреннюю газету. Увидев нас, он слегка остолбенел, потом нахмурился, и его большие красно-карие глаза без век грозно блеснули.

— Что это значит? — разделяя слова, медленно произнес он, и в его голосе звучало нечто настолько беспощадное, что в воздухе запахло инеем. Если бы не верные циклопы за спиной, я бы слегка струсила.

— Государь, прости, да?! Мы типерь подщиняймси этой кирасивый девушка, а не тебе. Не обижайси, пожалуста, она узнала одно слово, каторого мы не можем не слушаться.

— Что за слово? — резко спросил дракон, злобно глядя на меня. Ноги у меня подкосились, и я чуть не ляпнула это слово. Но джинния вовремя подставила мне круглое плечо, и мы устояли.

— Хазяйка, можна мы ему скажем, э? — нервно попросил начальник стражи циклопов, вероятно почувствовавший то же, что и я. Нас, конечно, было больше, но человекоящер подавлял какой-то непоколебимой уверенностью в себе...

— Нет... ни в коем случае, — выдавила я из себя, с трудом выдержав взгляд дракона.

— В моем дворце полно ловушек, но вы прошли. Наверняка через «Выход»? Мне говорили, что через «Выход» никто не войдет, у джиннов это не принято. Я поверил, и это мой просчет, — процедил дракон сквозь зубы, бросая газету и поднимаясь в полный рост. У него оказалась фигура циркового атлета и массивная челюсть с крупными белыми зубами в два ряда.

— Ну, не тяни, отдай циклопам приказ схватить его, — прошептал мне на ухо Миша.

— Не могу, — жалобно протянула я. — Попробуй сам.

— Я уже пробовал, начальник стражи не отдает мне свой офицерский значок, как я ему приказал, они слушают только тебя!

— Девушка-а... За все время своего правления — а это уже почти неделя — я не отдал здесь ни одной девственницы, хотя и давал понять своим слугам, что давно не прочь.

Его голос гипнотизировал. Но зачем он хитрит? Думаю, что приближенные разбились бы в лепешку, чтобы выполнить его приказ насчет девственницы. Но на что он намекает сейчас?

Неужели на что-то... интимное?! Нет, нет, нет! Не может быть, он просто хочет меня

слопать. Хотя как мужчина он невероятно привлекателен, и лучше бы... но, видно, не судьба. Тьфу, о чем я вообще?! Пора замуж, замуж пора, а то такая дрянь в голову лезет... Мы ведь пришли сместить его...

Отвлеченные эротические фантазии резко сдохли, когда я четко осознала, что передо мной просто жестокое и очень опасное чудовище! Я нащупала Мишину ладонь, сжала его пальцы и мгновенно мобилизовалась.

— Живо! Взять его! — властно скомандовала я циклопам, указывая на дракона.

Те как-то неуверенно двинулись вперед, в то время как дракон, у которого не дрогнул ни один мускул на полужверином лице, сам сделал шаг им навстречу и тихо произнес:

— Прочь, отребье, или вы хотите, чтобы я задушил вас собственными руками?

— Нет, бывший господин, но она велела тебе брать, нишево не можем поделаться... — виновато пожал плечами начальник стражи, для придания себе решимости поправляя набедренную юбочку-повязку.

Но он и фразы не успел докончить, как Аджидахака, лицо которого перекосило злобой (видимо, хлад-нокровное спокойствие его было только успевшей поизноситься маской), размахнулся и в прыжке ударил бывшего вдвое его крупнее циклопа в висок. Тот отлетел на полметра и тяжело рухнул, так что земля затряслась. Другие циклопы как-то растерялись и отступили...

Дракон двинулся на меня. Все...

Глава сорок девятая, ДРА ЧЛИВАЯ И АНГЕЛЬСКАЯ

— Даже не подходи к ней, понял?! Сначала поговоришь со мной! — Мишка решительно загородил меня от Дахаки, который удивленно остановился.

Но что делает этот дурачок, дракон же просто расплющит его!

Я хотела закричать, но Акиса схватила меня за руку и удержала, спокойненько так заметив, что это их мужское дело, пусть разбираются, а если кто-нибудь потом недосчитается руки, ноги или даже головы, так это первый закон мироздания — мужчины ВСЕГДА защищают женщин. Я бы не возражала, если б в результате драки наземь рухнула голова дракона, но ведь и ежу ясно, чья она будет.

— Кто она тебе, отважный безумец? Жена?!

— Нет, — вынужден был признать мой сосед. — Но какое это имеет значение? Ты незаконно захватил власть против желания местных жителей и теперь...

— Ты уже сделал ей предложение? — продолжал Дахака, не слушая его.

— Нет, — еще сильнее смутившись, покачал головой Миша.

— Значит, у тебя нет на нее прав, — коротко и ясно подытожил человекоящер. — Почему ты все еще стоишь у меня на пути?!

Дракон сделал едва заметное движение пальцем, и Мишку опутали выросшие из земли веревки. Дахака повернулся ко мне. Взгляд его из-под тяжелых век пронзал до самых глубин души и тела, в нем читался неприкрытый сексуальный призыв всех самцов этого мира. Я чувствовала его власть надо мной каждой клеточкой кожи и задрожала, когда он взял меня за руку, нежно и сильно сжав ее в своей чешуйчатой ладони. Боже, что со мной?!

— Аглая, опомнись, вели циклопам разделаться с ним. Или по крайней мере вели им освободить меня! А ты, гад, убери от нее свои драконьи лапы! Не смей ее трогать!

Но я не могла и слова вымолвить в ответ. Меж тем Акиса, казалось бы даже не пытавшаяся помочь, неожиданно мягко произнесла:

— Аи, какой сильный мужчина! Конечно, у этого храброго юноши нет никаких прав на судьбу этой красавицы, но у меня... есть! Она спасла меня из семисотлетнего заключения, и у нее со мной договор. Только я имею право перед лицом самого Аллаха выбирать ей мужа, и я не отдам ее за бесчестного дракона!

— Я не собираюсь на ней жениться, джинния. — Негодяй улыбнулся прямо в лицо

вспыхнувшей Аки-се. — И у меня есть право на нее, потому что она девственница, а я дракон, мы созданы друг для друга! Я просто сожру ее плоть, она испытает наслаждение, ей нравится подчиняться, я это вижу.

— Не-эт, — пискнула я, не в силах даже вырвать, свою руку из его, и не потому, что он так крепко ее держал. Я бы и пальцем сейчас пошевелить не смогла и безвольно шла за драконом, не отрывая взгляда от его глубоких властных глаз.

— Но сначала тебе придется иметь дело со мной, — вновь очень вежливо напомнила моя подруга и без замаха так врезала дракону между ног, что сломала носок туфли! Увы, видимо, кое-какие интимные места у Дахаки были буквально непробиваемы... Он убрал улыбку и одним взмахом свободной лапы отшвырнул Акису в ближайшие кусты!

Вот тут с меня слетело наваждение...

— Не смей трогать моих друзей! — Я кинулась вперед, в надежде успеть выцарапать его противные глазенки, но тут... Между нами опустилась толстая белая фигура лысеющего старика с крыльями.

— Волей божьей я освобожу тебя от сего мерзопакостного искуителя! — воскликнул он, разведя руками.

— Ангел? — Я бы не рискнула так сразу его назвать, но, видимо, и ангелы бывают разные. Дранные крылья, разлохмаченные, с желтыми перьями, как будто их лечили и мазали во многих местах жутко пахучими лечебными мазями.

— Именем Господа нашего... — С этими словами он схватил меня, зажал под мышкой и с сим нелегким грузом устремился в небеса. Дракон едва не присел от столь нахального чуда...

— Вы живой возносите меня на небо?! Но за какие заслуги? Ничего такого уж подходящего я за собой не вспомню, — честно признала я, думая, что, наверно, сорвала главный выигрыш в своей жизни, большего добился только Папа Иоанн Павел Второй. — Ой, мама, а может, я умерла?! — вдруг осенило меня, это почему-то не так радовало. Даже если меня тащат на небеса, что должно было быть несомненным, то ангел был какой-то подержанный, а внизу остались брошенные мной друзья.

— Не кощунствуй, юная душа, пребывающая в заблуждениях. Непорочность еще не делает тебя святой, и для небес ты недостаточно чиста. Я спас твое целомудрие от этого соблазнителья рода человеческого, что уже немало, неразумная девица!

После этих слов облегчения тем более не наступило.

— Там же Мишка остался! Дракон разорвет его, сорвав на нем свою злость, в этом будет и ваша вина. Я никуда без него не полечу, отпустите меня!

— Человек на моем месте давно бы так и сделал, — вздохнул он, измеряя взглядом высоту и ставя меня на крышу все того же небоскреба.

В следующую секунду он метнулся вниз и вернулся уже с моим соседом.

— О сем юноше ты глагол ела? Тяжелый, — тоном опытного спасателя отметил он. — Обычно я спасаю только девиц непорочного жития.

— Хорошая квалификация. Но он тоже непорочный, если вы в этом смысле, так какая вам разница? Разве мужская невинность ценится меньше, чем женская? — заступилась я за мужчин и, к своему удивлению, кажется, попала в точку.

Миша густо покраснел.

— Мм... да... — Потертый ангел задумчиво потеревил губу, с жалостью глядя на красного милиционера. Глаза крылатого спасителя слезились, но скорее не от глубоких чувств и сопереживания, а просто потому, что он был очень стар. Вид у него был немощный и больной, со стороны это было особенно заметно, он поднял нас обоих в воздух с видимым усилием.

— Так до предела бессмертия и спасаешь юных девиц непорочного жития, — хрипло пожаловался он.

— А почему тогда, раз это мне положено, вы не пришли на помощь раньше, ну, например, когда меня превратили в кобылу?

— Тогда ты не подвергалась смертельной опасности. Думаешь, ангелам делать больше нечего, кроме как мчаться выручать вас, людей, из всех переделок?

— Вы хорошо себя чувствуете, дедушка? — настороженно спросил Миша, когда ангел, с гримасой боли поджимая плечо и явно идя на снижение, чуть его не выронил...

— Семнадцатое задание за день, как бы вы себя чувствовали?! — проворчал старик.

— Да, и ангелы, кажется, ведь вечно юные должны быть, — заметила я, после того как мы вновь приземлились, и опять же на крышу небоскреба. Видимо, отбуксировать нас двоих в более безопасное место у него и вправду не хватало сил...

— Глупые отроки, все почему-то задают один и тот же вопрос, почему я стар? Простите за греховную раздражительность, крылья болят. Ну да, я стар, был наказан за грехи отнятием юности. А теперь дайте отдышаться... — Прерывисто вздрагивая, держась за коленки, он неуверенно пообещал: — Эта «вавилонская башня» спасет вас, дети, от когтей звериных. Господь не оставит православные души в мусульманском Ире-ме...

Сторож не договорил, так как рядом с нами встала запыхавшаяся джинния. Ее скулу украл разрастающийся синяк, и она ругалась, как пьяная бомжиха:

— Как он посмел, этот зубастый слизняк? Это отродье крылатой гиены? Этот отпрыск пузатого шакала, облезшего в безлунную ночь, от тайного греха с психованной ехидной в слизи очковой кобры?! Как он посмел только тронуть меня...

И тут в небе показался дракон. Легок на помине, Акиса быстренько прикусила язычок...

— Он летит сюда, — угрюмо произнес Миша, сдвигая брови. Оказывается, под халатом у этого чудовища оказались вполне пригодные для полета крылья, по-восточному небольшие и изящные. А выражение лица не оставляло ни малейших сомнений в том, что и как этот тиран намерен сделать с нами на крыше проклятого небоскреба...

— Не думал, что он осмелится противостоять промыслу божьему, смерд негодный! — сердито воскликнул ангел, засучивая широкие рукава хламиды. Старик стариком, но отступать он не собирался — бодрый дед!

Аджи-Дахака уже оскалил зубы, прожигая взглядом нашу спаянную группу смертников, как вдруг его заслонила огромная тень! Величественная и неумолимая, как цунами, птица Гаруда закрыла полнеба громадными крыльями...

Глава пятидесятая, ДРАКОНООКОНЧАТЕЛЬНАЯ

— Она все-таки прилетела! Акиса знала, что говорила! — по-детски возликовал Миша, обнимая меня от избытка чувств, а я и не стала вырываться. Так хорошо было в его объятиях, уютно и безопасно. Он ведь все равно продолжал спиной заслонять меня от чешуйчатокрылого зверочеловека... Джинния скрестила руки на груди и смело смотрела в глаза ошарашенного врага, ее план сработал.

Гаруда явно подвела глазки и пригладила перья на голове, а клюв из серо-коричневого вдруг стал ярко-розовым, в общем, навела марафет перед редким выходом в общество. Или для чувства уверенности перед важным делом так поступают все женщины?

Она была как минимум вчетверо больше дракона (хотя не знаю, можно ли его по-прежнему называть драконом, все же человеческое начало было в нем весьма заметно) и, не тратя слов и даже не притормаживая, просто раскрыла клюв на лету, надвигаясь на врага, как карающая легенда древности!

Тиран Ирема испуганно шарахнулся в сторону и, обернувшись, пустил из ладони такую мощную струю огня, что даже глаза заслепило, вот каким образом он поджигал город и доверчивых джиннов, чтобы покорить их своей власти. Но Гаруда лишь повернула голову и, щелкнув клювом, проглотила его целиком, кажется, он даже успел чуть поджариться на собственном огне...

С крыши небоскреба, находящегося чуть не под облаками, у нас был отличный обзор, да и весь город заворуженно наблюдал за торжеством справедливости. Потому что едва

гиганская птица отправила Дахаку в смертельную тьму пищеварительного тракта, как воздух взорвался одобрителем и радостным гулом, исходящим из уст тысяч осчастливленных ирремцев!

В следующую секунду Гаруда обратила на нас внимание как на самые близкие ликующие объекты и опустилась к нам на крышу. Она балансировала на одном краю, пока мы перебежали на другой, хотя ноги уже с трудом слушались от холода, хорошо, тут оказались страховочные перила. Просто замечательные строители эти джинны, куда лучше молдаван!

Гаруда тем временем предупреждающе произнесла:

— Слушайте, если кто-нибудь узнает, зачем на самом деле я съела этого дракона, я с аппетитом съем и вас. Кстати, где тут одна хитроумная джинния...

— Я здесь, о расцветающая красотой и молодостью прямо на глазах! — вышла вперед улыбающаяся Аки-са. — Я тебя слышала. Конечно, никто об этом не узнает. Благодарность навек наложит на наши уста печать молчания...

— Но помни... И вот еще... ты серьезно, сестра? Действительно уже заметен результат? — с надеждой уточнила птичка.

— Я как мужчина могу сказать, что есть, и несомненный, — преувеличенно восхищенно соврал Мишка, подняв большой палец (и где только научился так льстить? Но покраснеть у него совести хватило). — Вы просто великолепно выглядите!

Но простодушная Гаруда приняла его восторг за чистую монету:

— Это очень приятно слышать, таких слов мне никто не говорил уже лет двести. С того момента как Нагиб сделал мне предложение вместе вести домашнее хозяйство. «Ты такая мощная, цыпочка, — помню, сказал он. — И у тебя такие крутые окорочка!»

— Господи, прости меня грешного за то, что слушаю весь этот бабий бред, — неодобрительно высказался ангел. И хорошо, что себе под нос, а то бы запросто отправился вслед за драконом...

Но Гаруда уже никого не слушала, она думала о чем-то своем. Наверно, о том, что теперь заставит мужа чаще превозносить ее красоту и делать мелкие подарки хотя бы по большим праздникам. Уже в следующую секунду она взмахнула крыльями, чуть не смахнув нас всех с крыши мощной волной ветра (только перила и спасли!), взмыв в безоглядную высь. Мы все дружно махали ей вслед и не верили, что так легко отделались...

Когда я заикнулась о том, что хорошо бы побыстрее спуститься вниз, Акиса выразительно посмотрела на ангела, и тот заторопился:

— Дела мои не терпят промедления, мне уже пора лететь спасать очередную целомудренного жития девицу. Ибо вы как никто умеете попадать в беду по глупости своей и простодушию. Спуститесь сами, да защитит вас Всевышний!

Мы поблагодарили старика на прощанье, он поспешно захромал к краю крыши и, взмахнув ободранными крыльями, взлетел в небо. Надеюсь, он скоро отработает провинность и избавится от старческих болезней, обретя юность в каком-нибудь райском санатории...

Так что вниз мы спустились опять же с помощью Акисы, которая, пребывая в радостном возбуждении по поводу победы над Дахакой, даже не особенно ворчала, что у нее от такой тяжести удлиняются руки.

Когда мы влетели в дворцовые ворота (защитный купол мог пересечь только ангел, он, кстати, невольно помог выманить наружу дракона, возможно, что и Га-руда не смогла бы преодолеть магический барьер), за ними был настоящий переполох. По коридорам дворца, то и дело выскакивая во двор, бегали визири, наибы, хаджибы, советники, астрологи и колдуны. Акиса просветила нас с Мишей насчет местных придворных чинов. Многие имели вид решительный, другие напуганный или обеспокоенный. Почему-то никого из них не было и в помине, когда мы явились смещать «тирана». А сейчас от нас презрительно воротили носы, вознося благодарности птице Гаруде и воле Провидения! В тронном зале толпились сановники, сразу двое наиболее ретивых пытались усесться на трон и пинками и

запрещенными приемами, как то присуще восточному коварству, спихивали друг друга с кресла правителя.

— Проклятая демократия опять победила, — понаблюдав за происходящим, умильно произнес Миша. — Давайте отметим наше поражение!

— Давай, — с радостью согласилась я. Дело сделано, кто бы из джиннов ни встал у власти, это их дело, главное, что это уже будет не инородный узурпатор, потому что последнего мы сместили, так что можно и расслабиться.

Акиса подозрительно молчала, слишком уж внимательно глядя на дерущихся за власть мужчин. И мне опять не нравилось выражение ее лица...

— А хорошая бы из меня вышла первая джинния-шахиншах... — задумчиво произнесла она. — Достоинно бы правила я джиннами, не хуже любого из них. — Она кивнула в сторону мужчин и повернулась ко мне. — Призови мне на помощь циклопов, и я сделаю тебя первой женщиной — великим визирем, моей ближайшей подругой и советчицей!

Тревожные слова от «разумной» джиннии, чую я, мне такого счастья до гроба не оплакать. Но, как всегда, помогла простая психология.

— Зачем тебе это, хочешь раньше времени лишиться свежести и красоты? Знаешь, как большая политика отнимает молодость! Это же сплошные стрессы, нервы, обязанности... Я давно отметила по телеви-зионным новостям и тебе это уже говорила, что президенты стареют гораздо быстрее рядовых граждан.

— Правда?! Аи, тогда это не для меня!

Судя по всему, Миша решил даром времени не терять и рылся в поисках выпивки в настенном шкафчике из чистого золота, дверцы которого были как будто свиты из тоненьких веточек или травинок. Полки внутри шкафчика были заставлены самых разных форм и размеров бутылочками с разноцветными жидкостями.

— В любой из этих склянок может быть яд, оставшийся от неудачных покушений или просто неиспользованный и позабытый, — не успела я предупредить соседа, как тот нечаянно смахнул рукавом одну полку — на пол со звоном, разлетаясь осколками, посыпался целый ряд склянок. Пошел уже знакомый дым, мы закашлялись, не успев отбежать.

— Я вернулся! — торжественно раздалось из одной треснувшей склянки, и, быстро увеличиваясь в размерах, перед нами вырос довольный джинн в мантии и чалме с огромным рубином посреди лба. — Но почему меня никто не выпустил ранее?

Хаджибы на троне побледнели и виновато потупились, остальные едва не обомлели от счастья:

— О великий Бимелус, ты вернулся к нам, недостойным!

— Да, о дичь! Он вернулся! А ну на колени перед справедливейшим и наидостойнейшим из всех правителей" Ирема! — возопил первым достопамятный Симурх, как никогда вовремя высовываясь из-за трона. Обалденный пес, своего не упустит, да?

Все рухнули на колени и, всплескивая руками, ударились лбами об пол, благо, что он был сплошь застелен коврами. Пара джиннов на троне поспешно. вскочила, уступая место прежнему и возвращенному шахиншаху, и последовала примеру остальных.

А дальше начался всеобщий пир и народные гулянья по поводу освобождения от дракона и воцарения прежнего-нового шахиншаха. Бимелус, в отличие от своих царедворцев, которые после гибели дракона старательно отводили от нас глаза, чтобы мы и не думали тоже претендовать на власть, где-то после второй смены блюд призвал нас пред свои очи. Отказаться было невежливо, тем более что Миша фактически спас его. Бимелус оказался классическим правителем из восточных сказок, глупым и самовлюбленным, но по-своему великодушным, и это был не худший вариант.

Глава пятьдесят первая, ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ

Мы битых полтора часа слушали хвастливые речи шахиншаха о том, какой он отважнейший и щедрейший, и что дракон его очень боялся, и даже не смог одолеть в честной схватке, а потому заточил в бутылку... Хотя всем было известно, и об этом многие шептались во время банкета, что, когда Аджи-Дахака ворвался в тронный зал, где должен был находиться Бимелус, чтобы убить его, того там не оказалось, будто никогда и не было. Шахиншах бесследно исчез.

— Почему бы джиннам не поставить на его место кого-нибудь помудрее? — не выдержав, шепнула я джиннии.

— А зачем? Через год, в лучшем случае через два года правления, это будет Бимелус-два. Ты вовремя отговорила меня от борьбы за трон...

— Дошло также до нас, что вы причастны к смерти нашего избранного великого визиря Крысаддина, моего верного соратника и друга? — важно спросил шахиншах, выпячивая живот.

Мы переглянулись, вот влипли, и кто ему на нас накапал?! Ну и благодарные же создания эти дружелюбные иремцы...

— Но я не сержусь, последние двести лет он мне уже не так нравился, как раньше. Мой новый визирь Мурза Сибарит ибн Катсан, он будет кандидатом на наших наичестнейших и альтернативнейших выборах от меня лично!

Полусумасшедший кандидат Джинн-с-Кошкой-в-Животе, превративший меня в лошадь и тем доказавший свое право баллотироваться на выборах, уже стоял рядом с Бимелусом, поглаживая живот, из которого явственно раздавалось сытое мурчание.

— Конечно, выиграет, куда он денется...

Меня и Мишу наградили памятными тубетейками с надписью «Бимелус форева! », Акисе, как коренной иремке, не то что какому-то там человеку, дали квартиру в построенном во время правления Аджи-Дахаки небоскребе, который Акиса до этого так сильно ругала, однако от квартиры отказываться не стала, хоть та и была угловая и в мансарде. Еще ей сразу же восстановили иремскую прописку, о чем она так давно мечтала. Симурх получил должность придворного лекаря, для него это означало долгожданное признание, и на радостях он весь вечер развлекал всех с эстрады древними анекдотами про врачей-вредителей...

Пир продолжался, вся еда расставлялась на волшебных дастарханах, необычное свойство которых заключалось в том, что грязные тарелки, использованные салфетки и прочий мусор исчезали в неизвестном направлении. Вот почему во дворце всегда были проблемы с посудой и столовыми приборами...

Миша пригласил меня посидеть на веранде, мы с ним болтали, смеялись, слушали музыкантов, было интересно и легко. Пока в какой-то момент я не увидела стоящую под усыпанным мерцающими огоньками кипарисом Акису. Джинния, лукаво улыбаясь, манила меня пальчиком. Не без сожаления на время расставшись с Мишкой, я подошла к ней.

— Твое второе желание исполнено, о удачливейшая из дочерей Адама! Теперь я могу устраивать свою личную жизнь.

— Подожди, это то мое желание, которое я тебе простила? Ты же должна была найти мне самого достойного жениха. Который бы любил меня, лелеял, носил на руках...

— И я это сделала. — Джинния с торжествующей улыбкой кивнула в сторону моего соседа, который смотрел на нас сияющими глазами и помахал рукой, поймав мой взгляд.

— Но он же мне просто...

Я хотела сказать «друг», но почему-то не смогла закончить фразу.

— Значит, он тоже... любит меня?

— Уже давно, я заметила силу его чувств. Но сочла тогда, что в мире есть более достойные мужи, а он еще недостаточно зрел, потому что разводил тушканчиков.

— Бурундучков...

— Да, но, несмотря на это, он оказался наидостойнейшим претендентом на твое сердце, доказывая это многократно! Этот юный страж никогда не разлюбит тебя и не предаст.

Обнявшись с Акисой, я поспешила вернуться к Мише. Отныне этот парень был для меня лучше всех звезд кино, эстрады и спорта, вместе взятых, и даже лучше небесных звезд! А он уже нетерпеливо ждал меня. Этот вечер, который помог нам понять главное, мы никогда не забудем...

Но ведь джинны всегда исполняют желание с подвохом, так где же искать подвох нам?!

P. S.

— А что ты там говорила насчет устройства своей личной жизни?

— Ай, о вечно полная любопытства, зачем тебе лишние хлопоты?!

— Потому что ты — моя лучшая подруга! И я так подозреваю, что дело в Яман-бабе...

— Ты угадала...

— Я знала, знала, знала!

— Он бесследно пропал с того момента, как прикрывал наше бегство из Ирема. Я должна найти его и... спросить... и пусть он скажет... пусть он определится, в конце концов!

— Мы пойдем с тобой, — заключил Миша, обнимая меня за плечи. Я решительно кивнула.

— Только не думайте, что я намерена отказаться, — важно вскинула подбородок Акиса, улыбаясь своим тайным мыслям.

Кажется, теперь я поняла, где подвох...